

Ю. Риехкалайнен

Ингерманландские финны
ИСТОРИЯ И СУДЬБА

3 КНИГ
БРАУДЗЕ

Петрозаводск
«Периодика»
2009

ББК 63.521(=661)

УДК 394/395

Р 49

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наш рассказ – о судьбе ингерманландских финнов, одного из репрессированных народов России. Для того чтобы выяснить общие причины бедствий многих, практически всех народов бывшего Советского Союза, полезно хотя бы кратко рассмотреть так называемый «национальный вопрос», который был для советских вождей самым острым и неразрешимым.

История человечества показала, что могущество и богатство, успехи в науках и культуре всех великих империй были результатом завоеваний и грабежа чужих земель; все блага находились в руках кучки правителей и силовых структур; управление громоздким государством было возможно лишь с помощью насилия; их потрясали войны, восстания, внутренняя борьба за власть. Результат был неизменно один и тот же: в XX в. исчезли все мировые империи; Российская пала в начале века; у власти оказались большевики с их сумасбродной идеей создания империи высшего типа – Всемирной Республики Советов. К концу столетия этот далеко не завершённый «Новый Вавилон» постигла та же судьба.

Русские государи одинаково относились ко всем своим подданным, не различая русских и иноязычных, православных и иноверцев. До XIX в. Россия, которую большевики называли тюрьмой народов, практически не знала межнациональной роз-

ни. При царе даже малые народы чувствовали себя более комфортно, чем при наших вождях. Конечно, монархи допускали грубые ошибки. Царствование Екатерины II прославлено непрерывными войнами, разорявшими страну, расцветом крепостного рабства, Крестьянской войной, политическими убийствами. Позорными были три раздела Польши, совершённые императрицей совместно с Фридрихом Вильгельмом II Прусским и Иосифом II Австрийским. Александр I затеял бесславную Кавказскую войну, длившуюся полвека. Такие примеры очень схожи с политикой большевиков.

Большевики не считались с интересами народов России. Прикрываясь лозунгом интернациональной братской дружбы, авантюристы своей политикой революционного террора сеяли вражду между людьми разных языков и верований. Сурово осуждает большевиков А. Солженицын; он называет их «отщепенцами, исчадьем народов, от которых они произошли... Да и нет, пожалуй, более яркого примера отщепенца, чем Ленин... Ему отвратительна и омерзительна была русская древность, вся русская история, тем более православие; по духу своему, не только отчуждённому от России, но временами и резко антирусскому, он действительно для нас – порождение чуждое»¹.

С 1918 г. волна красного террора охватила всю Россию. Патриарх Тихон тщетно пытался Словом Божиим воздействовать на большевиков: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство... И не предвидится конца порождённой вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции... Обратитесь не к разрушению, а к устройению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междоусобной брани»².

Мало было истребления миллионов рабочих и крестьян, массовых убийств «врагов народа». В годы Второй мировой войны

¹ А. Солженицын. Двести лет вместе. Часть 2. М., 2002, с. 75–76.

² Из послания Патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров, 26 октября 1918 г. «Москва», 1990. № 4, с. 152–153.

«шедевром» ленинской национальной политики стал геноцид целых народов России, продолжавшийся и в послевоенное время. Летом 1941 г. из европейской части страны и Кавказа были высланы российские немцы и ликвидирована Автономная республика немцев Поволжья. В марте 1942 г. отправлены в ссылку финны. В 1943 г. сосланы калмыки, в феврале 1944 г. – народы Северного Кавказа – балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, в марте – апреле 1944 г. – крымские татары. Соответствующие автономные республики и области были упразднены. Народы обвинялись в массовом и активном содействии германским оккупантам.

Н. С. Хрущёв, оказавшись у руля, инсценировал политическую «оттепель». Вместе с коллегами он руководил репрессиями, и надо было замечать следы. Лукавый Никита Сергеевич ограничился новыми для 1950-х гг. популистскими фразами, покритиковал культ покойного Сталина, оптом реабилитировал десятки тысяч расстрелянных, назвал варварские деяния большевиков «ошибочными отклонениями от ленинских норм». Реабилитированными оказались даже большинство палачей, исполнителей репрессий. О репрессированных народах в печати ни слова. Все документы до конца 1980-х гг. были совершенно секретными, доступными только высшим чинам КГБ и партии. Печать избегала упоминать даже названия национальностей, подвергшихся геноциду. Наконец, в 1977 г. в пятом, дополненном издании Истории КПСС, на странице 559 появились три строчки: «Устранялись извращения ленинской национальной политики, допущенные в период Великой Отечественной войны. Восстановлена была автономия балкарцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев». А вот дата этого «события» (1957 г.) впервые указана в энциклопедическом словаре, изданном в 1989 г. И как же оно произошло, это таинственное хрущёвское восстановление?

Это был чисто формальный акт, выполненный Кремлём без шума и огласки. Будто автономии не были ликвидированы, и народы не выслали. Из Казахстана и Киргизстана вернули домой прежних руководящих партийных и советских чиновников, рассадили их по учреждениям, вывесили названия на родных

языках. Администрация заседала, дело сделано. Рабочую силу на Северный Кавказ вербовали и везли из областей России, поселяли в опустошённые города и сёла. Перекраивались карты Северо-Кавказских республик. К Северной Осетии была присоединена большая часть Ингушетии. Многие годы Чечню и Ингушетию официально называли Сунженским районом. А народы держали в ссылке до середины 1970-х гг., чтобы молодые поколения воспитались в советском духе, позабыли неприятности прошлого. Однако народы не забывают свою историю, свою родину, своих предков. Народы горские – тем более.

Единственная публикация на эту неприятную тему появилась в широкой печати тоже в упомянутом 1989 г. В статье, ещё носившей пропартийный дух, Х. Боков рассказал о судьбе горцев. «С начала 1944 года шли эшелоны с чеченцами, ингушами, балкарцами. Около миллиона человек отправлялись в восточные районы страны. Ехали, чтобы вернуться домой только через тридцать лет»¹.

В 1954 г. бывшую Крымскую АССР Хрущёв подарил Украине вместе с проблемой крымско-татарского народа.

Судьба двухмиллионного народа российских немцев ничуть не волновала генсеков и ещё меньше интересует постсоветских правителей. Большая часть немцев остаётся в независимом Казахстане. А в России немцы якобы устроены: в Алтайском крае появилась «автономия» – Немецкий национальный район с центром в посёлке Гальбштадт (Halbstadt – буквально, «полугород», посёлок городского типа). Академик Б. В. Раушенбах (1915 – 2001) совместно с С. П. Королёвым успешно строил космические корабли. В последние годы жизни Борис Викторович добивался восстановления в России Немецкой Автономной Республики, но безуспешно.

В повести о судьбах финнов-ингерманландцев приведено всё, что было доступно автору из литературы и официальных документов. Рассказана семейная история, типичная для времён репрессий 1930–1940-х гг. Здесь достаточно напомнить, что

¹ Хажбикар Боков. Эхо невозвратного прошлого. «Москва», 1989, № 1.

инициатором и руководителем репрессий против финнов был А. Жданов, секретарь ЦК, затем член Политбюро ВКП(б), секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, в войну член Военного Совета фронта.

Упомянутые выше народы – это несколько миллионов человек, испытавших на себе безумства большевиков. Полный список «враждебных» народов ещё не опубликован, не разоблачён весь размах репрессий. При этом нельзя забывать о тех неслыханных жертвах, которые принёс русский народ большевизму. Это многие десятки миллионов человек, потерянных в Гражданской войне, при раскулачивании и войне Отечественной.

С давних пор любой разговор о России и русском народе большевики сводили к «великодержавному шовинизму», открытому великим русофобом Лениным. Русский народ официально считался источником этого зла, и все годы недремлющее око ВЧК–НКВД–КГБ заботливо следило за политическим здоровьем русских. Пятнадцать лет (1967–1982) КГБ возглавлял Ю. В. Андропов, работал аккуратно и осторожно, но за полгода до смерти Л. Брежнева весь ушёл в ЦК и передал КГБ своему подручному В. Федорчуку. Этот недолго продержался на важнейшем посту – оказался излишне откровенным. Он первым делом заявил: «Главный противник сейчас – русский национализм. Диссидентами мы займёмся потом, их мы выловим за одну ночь»¹. Любители работать в темноте «засветились», вытащив на свет пугало великорусского шовинизма. Русский народ всё-таки великоват, и чистить его пришлось бы не одну ночь.

Так русский народ тоже был причислен к «ненадёжным», или «враждебным». А где же тогда друзья?

После войны большевики продолжали мировую революцию. Повсюду вмешивались в чужие дела, затевали смуты и войны в десятках стран всех континентов, порождали и обостряли вражду между народами. Ещё при Ленине на исторической арене появился О. В. Куусинен, политический интриган, отвергнутый народом Финляндии. Отто Вильгельмович стал секретарём

¹ «Наш современник». 1992, № 2, с. 174.

Исполкома Коминтерна и теоретиком в области национальных проблем. Он отлично знал бывших коминтерновцев, вождей новых социалистических стран, и помогал Сталину строить социалистический лагерь. Этот лагерь стало лихорадить после смерти вождя. В управлении беспокойным наследством Хрущёв пользовался бесценными советами теоретика О. В. Куусинена. Конечно, теория сложна, а практика проще. Успокаивать «советскую зону» приходилось по одному рецепту – военной силой. Так было в 1953 г. в Восточной Германии, так же в 1968 г. в Чехословакии.

Примечателен был пример непослушной Венгрии. Старый венгерский большевик Матьяш Ракоши (1892–1971) был уволен. В марте 1953 г. Хрущёв снял его с поста премьера и отправил в Москву, где он прожил до конца дней своих в почётной ссылке. Новым премьером венгерского правительства был поставлен Имре Надь (1896–1958), также старый большевик, с 1930-х гг. агент НКВД СССР. Для контроля обстановки Л. Берия отправил в Будапешт в качестве советского «посольства» группу чекистов. Послом стал Ю. Андропов, первым секретарём – В. Чебриков, третьим секретарём – В. Крючков. В мае 1955 г. Хрущёв объединил страны соцлагеря в Варшавский военный блок. В Венгрии начались волнения. Летом 1956 г. по инициативе Ю. Андропова премьер Надь был уволен, но вновь стал премьером во время Венгерского восстания (октябрь–ноябрь 1956 г.), подавленного ограниченным контингентом советских войск. В 1957 г. из Москвы в Будапешт привезли нового премьера Яноша Кадара, хорошего во всех отношениях. Советское посольство возвратилось в Москву. Андропов занял кабинет заведующего иностранным отделом ЦК КПСС. Отто Вильгельмович привлёк его к разработке теории развития и обновления мира социализма. Позднее Андропов намеревался обратить теорию обновления в практику «перестройки», которую осуществил его ученик М. Горбачёв.

Десятилетиями зрели плоды ленинской национальной политики. Зарубежные авантюры КПСС отозвались межнациональными столкновениями в советской Средней Азии и на Кавказе. Никакая перестройка уже не могла помочь разложившейся им-

перии. В феврале 1988 г. вспыхнул Нагорный Карабах. В июне наспех созванная Горбачёвым XIX партконференция возопила о «необходимости пристального внимания к международным отношениям». Уделив внимание, КПСС увидела за этими проблемами свою близкую гибель. Ситуация вышла из-под контроля и привела к неизбежным последствиям. В 1991 г. не стало ни КПСС, ни СССР. Казалось, что «независимая» Россия должна была освободиться от лишних проблем. Ничуть не бывало. Национальные и социальные проблемы ещё более обострились. Долговечные и злые, они жгучим жалом вонзились в XXI век.

Когда вы приехали из Финляндии? Вопрос для настоящего времени – бытовой. Люди ездят в разные страны, куда вздумается. Но однажды этот элементарный вопрос навёл на размышления над многими вопросами, совсем не бытовыми.

Обычно в день рождения моей жены Ирины у нас собирался небольшой кружок – её подруга Вера и мой брат Нийло с женой Раей. Последний раз мы встречались в 1997 г. Незадолго до этого мы с женой побывали в Финляндии. За столом делились впечатлениями, рассматривали фотографии. «А когда вы приехали из Финляндии?» – спросила Вера. Я ответил: «Девятого сентября в десять вечера мы вернулись в Питер». «Нет, когда ваши предки появились у нас, в России?» – уточнила вопрос Вера. Отозвался Нийло: «Они жили у берегов Невы и Финского залива очень давно, задолго до появления там ваших предков». Вера не совсем поняла, и пришлось коротко рассказать ей об истории финнов-ингерманландцев.

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Глава 1

ОТ ДРЕВНОСТИ ДО XX В.

Древние времена. Финны. Угры. Славяне. Новгород

Римские историки Плиний Старший и Корнелий Тацит (I в. н. э.) в числе известных им наиболее древних народов Европы называют живших по Висле венедов – западных славян – и их северных соседей феннов – финнов. В I тысячелетии до н. э. финские племена населяли территорию от Западной Двины до Урала, занимая северную половину нынешней европейской части России. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского»*, ссылаясь на Тацита, пишет: «От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины европейского севера на восток до Сибири, до Урала и Волги, рассеялись многочисленные племена финнов. Не знаем, когда они в России поселились. Сей народ, древний и многочисленный, не имел историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чужих земель».

Племена угров¹ в I – II вв. н. э. были вытеснены от границ Ки-

* Автор использует в качестве исторического источника «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина.

¹ История древнего мира. Книга 3. Упадок древних обществ. М., Наука, 1983, с. 170, 175, 267, 268.

тайской империи в район Алтая. Оттуда они переселились в Зауралье и кочевали в степях Южного Урала. Живя по соседству с восточными финскими племенами, угры, конечно, были с ними связаны и могли оказать взаимное влияние. На этом основании историки писали о появлении смешанных финно-угорских, или угро-финских, народов и языков. Однако влияние кочевников на оседлое коренное население, возможно, преувеличено.

К финно-угорским обычно относят народы прибалтийско-финской группы, а также народы коми, удмуртов, мордву и другие. Но по сходству языков близкими к уграм – венграм – являются только народы ханты и манси, живущие за Уралом в Тюменской области.

В IV в. из Южного Казахстана (Восточного Туркестана) на запад двинулись гунны. Они увлекли за собой угорские племена. Основная часть угров надолго задержалась в степях Причерноморья, а гунны пошли дальше и разорили страны Западной Европы. В конце IX в. печенеги вытеснили угров из южных степей. По следам гуннов угры в 906 г. вторглись в бассейн Дуная, заняли область Паннонию. До середины X в. венгры совершали разбойные нападения на Германию, Францию и Италию. Венгерская конница часто делала набеги на Саксонию и Баварию. В 955 г. в битве на реке Лехе близ Аугсбурга германский король Оттон I одержал решительную победу. Магьяры* прекратили свои набеги. В 1000 г. они приняли христианство и основали Венгерское королевство. С западными финскими племенами угры–венгры не имели ничего общего.

Повторявшиеся в южных степях мощные потоки кочевников сдвигали к северу племена славян, а славяне оттесняли финнов. В IV в. предки новгородцев словене оказались у Ильмень-озера. Западные финские племена заселили свои современные территории: Южную Финляндию и Карельский перешеек (финны, хяме, карелы), Эстонию (эсты), южное побережье Финского залива и бассейн реки Невы (водь, ингерманландцы). К второй половине I тысячелетия, пишет Карамзин, «финны российские уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими опи-

* Магьяры = венгры.

сывает их римский историк. Они имели не только постоянные жилища, но и города: весь – Белоозеро (нынешний Белозерск), меря – Ростов, мурома – Муром». Весь – это предки современных вепсов, племена меря и мурома давно ассимилированы русскими. Обширные земли восточных карелов (бассейны рек Онеги и Северной Двины) с V–VI в. постепенно заселялись новгородцами. Сейчас в Архангельской области память о коренных жителях сохранилась лишь местами, в топонимике и названиях населённых пунктов. Например, писатель Фёдор Абрамов последние свои годы провёл в родной рыбацкой деревне Веркола (*Verkkola*).

Из Балтийского моря в Чёрное и Каспийское (по Неве, Ладоге, Волхову – в верховья Днепра и Волги) в средние века шли торговые пути в сказочные страны Востока. В дороге дальней и опасной купеческие караваны охраняли отряды норвежских и шведских викингов-варягов. Эти опытные мореходы и воины занимались и торговлей, и пиратством: грабили прибрежное население, брали пленников для продажи в рабство. Купцов, как иноземных, так и своих, часто грабили и русские князья. Грабежи в те времена считались делом доблести и геройства. Поэтому богатый торговый Новгород для наведения у себя безопасности и порядка призвал на княжение варяга Рюрика с дружиной. Это произошло, по летописи Нестора, в 862 г., считающемся годом основания Российского государства. Правда, призвание варягов – событие для истории мелковатое. Серьёзнее было бы отнести год рождения государства Российского ровно на шесть веков вперёд, до 1462 г., когда Великим князем Московским и Всея Руси стал Иван III (1440–1505). Он объединил десятки отдельных княжеств – владений потомков Рюрика – и свергнул монгольское иго. Но, что поделать, – тщеславие: все хотят сделать свой род самым древним.

Семь веков Рюриковичей.

Крестовые походы, войны, грабежи. Смутное время

Рюриковичи беспрестанно враждовали и воевали между собой, междоусобицы длились веками. По мере усиления Новгорода князья осваивали и объявляли своими земли финских племён. Появлялись русские деревни сначала в землях води, к востоку от Наровы и низовий Луги. Новгородцы ещё не различали своих соседей, называя всех общим словом «чудь», откуда произошло полупрезрительное название эстонцев и финнов «чухонцы». В XII в. Ижорскую землю, или Ингрию, присоединили к Водской пятине (области) Новгородского княжества. В XIII в. её административным центром стала крепость Копорье (*Koprie*), основанная в 1241 г. немцами. В это время в составе Ижорской земли летописцы упоминали знакомые названия погостов – сельских общин: Ижорский (*Inkeri*), Дудоровский (*Tuutari*), Карабселькский (*Korpiselkä*). На Карельском перешейке и в Приладожье русская колонизация встретила энергичное сопротивление воинственных карелов. Этот край, названный Корельской землёй, долго сохранял свою независимость от русских и шведов. Новгород обложил соседей данью и наказывал недовольных.

По призыву Папы Римского крестить языческую восточную Прибалтику устремились немецкие и датские рыцари, шведские короли. Русские князья тоже стали просвещать своих данников. Трудно представить, как предки наши ухитрились выжить в такой обстановке.

Жизнь народов Прибалтики в средние века детально описана в «Истории государства Российского». Император Александр I лично редактировал все 12 томов и советовал автору в своей работе «не обижать достоинство и чувства иных народов». Карамзин отвечал: «Государь, я ругаю не народы, а их деятелей. Я не щадил и русских, когда они злобствовали и срамились». Общую картину и характер эпохи, вплоть до начала XVII в., иллюстрируют приводимые далее выдержки из «Истории». Орфография Карамзина сохранена.

Первые данные относятся к началу XII в., когда финские пле-

мена, включая эстов, уже были под опекой русских князей. Взаимоотношения князей с подданными обычно ограничивались походами вооружённых отрядов за данью, причём эти походы считались почти мирными.

1130 – 1132. «Князь новгородский Всеволод, соединясь с братьями, два раза ходил на чудь, или эстонцев, зимою: обратил в пепел селения, умертвил жителей, взял в плен их жён и детей. Но в другом походе сам лишился многих воинов. Тогдашние беспрестанные войны доставляли нашим князьям и боярам множество невольников, которые шли в продажу».

1176. «Мстислав узнал, что эстонцы дерзнули осаждать Псков и не перестают беспокоить границ, опустошил их землю до самого моря, взяв в добычу множество скота, пленников».

1188. «Шведские летописцы сказывают, что в сей год россияне, соединясь с жителями Эстонии и корелами, приходили на судах в окрестности Стокгольма, убили архиепископа упсальского, взяли 14 июля древний торговый шведский город Ситгуну и опустошили его».

1192. «Новгородцы вместе с отрядом псковитян завоевали Медвежью голову или Оденпе (Отепя), распространив огнём и мечом ужас в окрестностях. Тогдашнее состояние чудского народа было самое несчастное. Россияне требовали от него дани, а шведы перемены закона: с латинскою Библиею и с мечом шведы выходили на восточные берега моря Балтийского и наказывали идолопоклонников за их упорство в заблуждениях языческих. Россияне считали жителей Эстонии своими подданными, наказывая их как мятежников, когда они желали независимости».

1212. «Господствуя в южной Ливонии, рыцари немецкие желали покорить и северную, вместе с Эстонию. Узнав, что отряды их грабят тамошних жителей, Мстислав новгородский выступил в поле, доходил до самого моря. Не встретив нигде немцев, он требовал дани с чуди, взял с граждан 700 гривен и разорил многие окрестные селения».

А вот как описываются эти же события в советском учебнике: «Захватчики проникли в северную часть Латгалии и в землю эстов. В защиту эстов выступили Новгород и Псков. Неоднократ-

ные походы русского войска (1209, 1210, 1212) имели успех»¹.

1227. «Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского) ходил с войском в северную, отдалённую часть Финляндии, где никогда ещё не были россияне. Не обогатился в сей бедной стране ни серебром, ни золотом, но отнял у многих жителей самое драгоценнейшее благо: отечество и вольность. Новгородцы взяли столько пленников, что не могли всех увести с собою; некоторых бесчеловечно умертвили, других отпустили домой».

В советском учебнике читаем: «В начале XIII века шведские захватчики занялись покорением еми (хяме). В ответ на это русское войско во главе с князем Ярославом Всеволодовичем совершило успешный поход в землю еми, и здесь захватчики были остановлены (1227)»².

Продолжим по Карамзину: «Ярослав в сей же год отличился делом гораздо полезнейшим для человечества: отправил священников в Корельскую землю и, не употребив никаких мер насильственных, крестил большую часть жителей, уже давно подданных Новагорода и расположенных добровольно к принятию христианства».

1240–1241. «Король шведский, досадуя на россиян за частые опустошения Финляндии, послал зятя своего, Биргера, на ладиях в Неву, к устью Ижеры, с великим числом шведов, норвежцев, финнов. Сей вождь опытный думал завоевать Ладугу, самый Новгород... Александр выступил в поле и 15 июля приблизился к берегам Невы, где стояли шведы. Там встретил его знатный ижерянин, Пелгуй, начальник приморской стражи, с известием о силе и движениях неприятеля. Ижеряне, подданные новгородцев, большею частию жили ещё в идолопоклонстве; но Пелгуй был христианин». На следующий день произошла «достопамятная битва, которая дала Александру славное прозвание Невского».

1241. Немецкие рыцари «вступили в область новгородскую, обложили данью вожан и построили крепость на берегу Финского залива, в Копорье, чтобы утвердить своё господство».

1277–1280. «Великий князь Димитрий (сын Невского) на-

¹ История СССР. М., Просвещение, 1983, с. 119.

² Там же, с. 120.

казал данников Новагорода, корелов, взяв их землю на щит, то есть разорив оную и пленив многих жителей за ослушание и явный бунт: они хотели свергнуть иго, возложенное Новымгородом на их предков».

1292–1295. Во время третьего крестового похода в Финляндию «шведы приходили разорять земли Ижерскую и Корельскую. Их было 800 человек: ни один не спасся; жители сих областей сами собою управились с ними. Но на следующий год (1293) шведы заложили крепость на границах Корелии, нынешний Выборг. Король шведский Биргер желал утвердиться в Корелии для того, чтобы обуздать её свирепых жителей, непрестанно беспокоивших его северо-восточные владения и грабивших суда купеческие на Финском заливе; хотел также укоренить в ней веру латинскую. В 1295 году шведы заложили нынешний Кексгольм».

В XIV в. новгородцы, разбогатевшие на торговле и грабежах слабых соседей, превратились в опасных для самой России бандитов. «Они полюбили разбой, украшая оные именем молодечества, и многотысячными толпами ездили грабить купцов, селения и города по Волге, Каме, Вятке. В 1371 году они завоевали Кострому и Ярославль».

1331–1333. Великий Новгород уже не мог защитить себя и обратился за помощью к Гедиминасу (? – 1341), великому князю Литовскому. «Гедимин изъявил новгородцам желание видеть своего сына Нариманта их удельным князем, обещая им защиту (как от Москвы, так и от внешних врагов). Думая, что Россия, истерзанная моголами, стесняемая Литвою, должна скоро погибнуть, новгородцы искали способ устоять в её падении. Наримант, дотоле язычник, известил новгородцев, что он уже христианин; народное вече отдало ему Ладогу, Орехов, Кексгольм, всю землю Корельскую и половину Копорья с правом наследования для его сыновей и внуков».

Таким образом новгородцы заплатили за обещанную военную помощь, но не золотом, которое им было жаль отдавать. Заплатили землями финских племён.

1337. Карелы, естественно, не были довольны христианизацией, насилиями и появлением нового хозяина – литовского

князя. Карелы восставали. «Шведы нарушили мир: дали убежище в Выборге мятежным российским корелам; помогли им умертвить купцов ладожских, новгородских, и многих христиан греческой веры, бывших в Корелии... В сей опасности новгородцы увидели худое к ним усердие Нариманта и бесполезность оказанной ему чести».

1348. «Король Магнус, легкомысленный, надменный, вздумал загладить грехи свои, услужить папе, силою обратить россиян в латинскую веру. Король нанял многих немецких воинов и послал объявить новгородцам, чтобы они приняли веру латинскую или готовились воевать с ним. Война началась. Потеряв 500 человек в битве на берегах Ижеры, король возвратился в отечество с одним стыдом и с десятью пленниками».

1443. «Магистр ливонского ордена был неприятелем Новгорода: сжег предместье Ямы. Раздраженные новгородцы опустошили ливонские (эстонские) селения за Нарвою, немцы — землю Водскую, берега Ижеры и Невы, опять приступили к Яме, но через пять дней сняли осаду».

Пятый том «Истории» заканчивается рассказом о состоянии России до правления великого князя Ивана III. Эту очень строгую и нелюбимую характеристику тяжёлой российской действительности надо привести точно по тексту Карамзина, которого нельзя заподозрить в русофобии.

«С половины XI века состояние Европы явно переменялось в лучшее; а Россия со времён Ярослава (978 – 1054) до самого Батыя (1243) орошалась кровию и слезами народа. Порядок, спокойствие, столь нужные для успехов гражданского общества, непрестанно нарушались мечом и пламенем княжеских междоусобий. Нашествие Батыево испровергло Россию. Могла угаснуть и последняя искра жизни; к счастью, не угасла: имя, бытие сохранилось. Сень варварства сокрыла от нас Европу».

«Что долженствовало быть следствием? Нравственное уничижение (падение) людей. Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстоблибнее и бесчувственнее к обидам, к стыду. Отечество наше походило более на тёмный лес, нежели на государство: сила

казалась правом; кто мог, грабил: не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома».

«Мы видели злодеяния и в нашей древней истории; но сии времена представляют нам черты гораздо ужаснейшего свирепства в исступлениях княжеской и народной злобы; чувство угнетения, страх, ненависть, господствуя в душах, обыкновенно производят мрачную суровость во нравах. Свойства народа всегда изъясняются обстоятельствами; однако ж действие часто бывает долговременнее причины: внуки имеют некоторые добродетели и пороки своих дедов, хотя живут и в других обстоятельствах. Может быть, самый нынешний характер россиян ещё являет пятна, возложенные на него варварством моголов».

Всеми есть конец. Орда, ранее кочевая и сильная, в неподвижности слабея, дробилась на части. Для России обозначилась возможность освобождения от монгольского ига. Начался сложный процесс объединения российских земель под властью Москвы, процесс долгий и кровавый.

«Оцепенение (России) миновало, и закон воспрянул от мёртвого сна, тогда надлежало прибегнуть к строгости. Рождалось самодержавие. Если Рим спасался диктатором в случае великих опасностей, то Россия, обширный труп после нашествия Батыева, могла ли иным способом оживиться и воскреснуть в величии?»

1462. Прошло ровно 600 лет от призвания Рюрика, от года, принятого за начало Российского государства. Великим князем Московским и Всея Руси стал Иван III (1440–1505), правнук Дмитрия Донского и Витаутаса, великого князя Литовского.

«Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Народ ещё коснеет в невежестве, в грубости, но правительство уже действует по законам ума просвещённого».

Здесь Карамзин слегка идеализирует правителей: в них тоже осталось достаточно грубости и дикости.

Иван III, потомок воинственных прадедов, воевал непрерывно и успешно со всеми соседями. Главными его делами были окончательное покорение Новгорода (1478), освобождение Рос-

сии от монгольского ига (1480) и объединение всех северных русских княжеств.

1492. Он велел заложить «каменную крепость против Нарвы и назвал её, по своему имени, Иваньгород, к великому беспокойству ливонских немцев, которые в 1493 году продолжили мир с Россиею на десять лет».

1495. Иван III и Ханс, король датский, «условились вместе воевать Швецию. Скоро воеводы российские осадили Выборг. Около трёх месяцев стояли под Выборгом и не могли взять его. Тамошний начальник, Кнут Поссе, видя их уже на стенах крепости, зажѣг башню, где лежал порох; она с ужасным треском взлетела на воздух, а с нею и множество россиян; остальные бежали. Сей случай долго жил в памяти финнов под именем «выборгского треска». Воеводы наши удовольствовались только опустошением сѣл». Четверо других воевод, «посланные на Гамскую землю, Ям или Финляндию, разбили 7000 шведов, возвратились назад с добычею и пленниками. Иоанн приказал двум братьям, князьям Ушатым, собрать войско и весною идти на Каянию или на «десять рек». Князья разорили всю землю от Карелии до Лапландии».

1496. «Война кончилась тем, что король датский, друг Иоаннов, сделался государем Швеции, согласно с желанием её сената и духовенства... Финляндия наконец отдохнула, претерпев ужасные бедствия от наших частых впадений».

1523. Королём Швеции стал Густав Васа (1497–1560), он заключил мир с Россией на 60 лет (1526), подтвердил этот мир при Иване IV (1530–1584, царь с 1547). Мир прерывался только на один год (1556–1557) из-за спора о неясной границе по реке Сестре. Очередная война со Швецией, начатая Иваном IV в 1570 г., с перемириями продолжалась двадцать пять лет. Она шла ещё при последнем из Рюриковичей – Фёдоре Ивановиче (1557–1598, царь с 1584).

1590. «Царь отправил в Эстонию и Финляндию войска, которые беспрепятственно освобождали Эстонию до Ревеля и Финляндию до Абова. 18 мая 1595 года был подписан договор быть вечному миру между Швециею и Россиею. Россия вернула себе Корельский уезд и Ижорскую землю».

Однако уже в 1609 г. Швеция вновь, на целое столетие, завла-

дела этими землями. Столбовский мирный договор 1617 г. подписал первый царь династии Романовых – Михаил Фёдорович (1596–1645, царь с 1613).

На 1611 годе, на «Смутном времени», смерть Николая Карамзина прервала его двадцатилетнюю работу над «Историей». Мы обратились к Карамзину потому, что он собрал и обработал сведения из всех летописей и исторических памятников всех европейских и многих других стран. События и факты он изложил объективно, без тенденциозного выбора и толкования, не оглядываясь на текущие интересы общества и государства.

Приведённые выше отрывки из «Истории» – это почти всё, что прямо или косвенно относится к Ингерманландии. Но даже этих кратких сведений достаточно, чтобы иметь представление о жизни наших далёких предков, у которых не было своих летописцев. Их достаточно также для ответа на вопрос: «Когда вы приехали из Финляндии?»

Православие и лютеранство

Итак, в 1609 г., в междуцарствие, среди российской смуты, шведы получили Ингерманландию и Кексгольмский лен. Ингерманландия на севере граничила с ленами Финляндии – Выборгским и Кексгольмским, населёнными западными карелами. Граница шла по реке Сестре, от её верховьев – к северному концу Лемболовского озера, оттуда – на северо-восток до берега Ладоги. Граница с Новгородским княжеством определилась территорией, где преобладало население финских племён. Она проходила приблизительно по линии нынешней железной дороги Нарва – Гатчина – Тосно – Шапки (*Järvisaari*), далее – на север до Маркова и берега Ладоги.

Учение Лютера внесло в христианство принципиальную новизну – вероучение на родном языке населения. Активным соратником Густава Васы, которого Карамзин называл «великим мужем» и «честью века», был финляндский епископ Микаэл Агрикола (1510–1557). Он составил финский букварь, перевёл Евангелие, издал первые книги на родном языке. Лютеранство

окончательно утвердилось в Швеции и Финляндии к 1600 г., когда было преодолено сопротивление прежнего духовенства и наследников Васы, державшихся католичества. Таким образом, шведы пришли в Ингерманландию с новым духовным оружием. Как встретились две христианские конфессии – классическое православие и молодое лютеранство? Готово ли было в те времена православное духовенство соперничать с лютеранским в борьбе за души полуязычников?

У Николая Карамзина читаем строки из решений Московского церковного Собора 1551 г., в котором участвовал лично царь Иван IV: «Злоупотребления и соблазны губят нравы духовенства. Что видим в монастырях? Архимандриты, игумены угощают светских друзей своих в кельях; иноки принимают без стыда жён и девиц, веселятся. Храмы древние пустеют, новые везде воздвигаются и скоро тоже пустеют от недостатка в иереях, в иконах, в книгах. Духовенство обязано искоренять языческие и всякие гнусные обыкновения. Накануне Иоаннова дня люди сходятся ночью, пьют, играют, пляшут целые сутки; так же безумствуют и накануне Рождества Христова. В Субботу Троицкую пляшут, вопят и глумятся на кладбищах, поют сатанинские песни. В Великий Четверг священники кладут соль у престола и лечат ею недужных. Дети боярские толпятся в корчмах, играют зернью (азартная игра), разоряются. Наконец – впадают в грех содомский. Отцы духовные! Пресеките зло!»

Плачевно выглядело русское духовенство и в XVII в. Реформы Патриарха Никона привели к расколу церкви и к страшной религиозной смуте по всей Руси великой. Историк С. М. Соловьёв говорил о допетровском времени: «Давно и громко раздавались жалобы на нравственное состояние духовенства, на печальное состояние нравственности в монастырях, на невежество духовенства, лишавшее его учительской способности, жалобы на злоупотребления материальными средствами в монастырях и архиерейских домах»¹.

Мы видели, как происходило массовое крещение язычников.

¹ С. М. Соловьёв. Публичные чтения о Петре Великом. М., Наука, 1984, с. 105.

В одном походе князь крестил, скажем, карелов, скорым делом, а в следующий раз грабил и разорял их деревни. Так происходило всегда и повсюду. Какое могло быть у язычников представление о христианстве? Или вообразим беседу или проповедь в мирной обстановке. Чему мог научить моего предка-язычника малограмотный русский поп? Оба не понимали языка собеседника, а учитель толком не знал предмета беседы, учения Христа. Кроме того, церковь вела богослужение на языке старославянском, малопонятном даже для русского прихожанина. Крещение «поганых» служило формальностью, чтобы объявить их подданными, то есть держать под данью.

Живя долгие века в суровых условиях, в тяжёлом крестьянском труде, предки наши, несмотря на малочисленность, сохранили себя, свой язык, традиции язычества. Даже те, кто был крещён, могли знать лишь элементы христианства и относились к религии спокойно. Их русские соседи тоже не были фанатиками православия. Как же встретили они носителей лютеранства? Конечно, недоверчиво. Прибывшим со шведами финляндским священникам предстояла нелёгкая работа – крещение язычников и, что гораздо сложнее, – перемена веры с переходом в лютеранство. Но финские пасторы имели полувековой опыт в таком деле.

1610 год считается годом рождения лютеранской церкви Ингерманландии. Первые лютеранские приходы были организованы раньше, в 1590 году, в Копорье и Молосковицах. В 1611 г. появился первый приход в северной Ингерманландии – в Лемболове. К сороковым годам образована большая часть из тридцати приходов, в 1641 г. создан епископат Ингерманландии с резиденцией в Нарве.

Шведские власти предоставили православной церкви и русскому населению свободу богослужения. Но коренные жители были обязаны посещать все службы в лютеранской церкви, как церкви государственной. Тем из прихожан, кто считал себя православным, позволялось также посещать и русскую церковь. Эти правила были согласованы с русским епископом. Вначале прихожане выражали недовольство обязательным обучением лютеранской вере, но пасторы заявляли: «Не спешите отвер-

гать то, чего не знаете». Довольно скоро неверующие и сомневающиеся начали понимать христианское учение, которого они раньше просто не знали. Неожиданное открытие заинтересовало прихожан, и дело двинулось.

Для распространения новой веры не понадобились крестовые походы. Лютеранская церковь отрицала господство силы и страха, завоёвывала и покоряла людей словом и убеждением, разговаривала с ними на простом народном языке. В этом одна из причин успехов лютеранства в странах северной Европы. Лютеранская вера принесла общий для всех финский язык при сохранении бытовых местных диалектов. Язык объединил людей, стал основой для развития грамотности и культуры населения, его приобщения к европейской цивилизации. С семнадцатым веком пришла новая жизнь Ингерманландии – она словно пробудилась от долгого кошмарного сна.

XVIII век. Пётр Великий.

Северная война, реформы. Екатерина II. Павел I

В Северной войне (1700–1721) Швеция столкнулась с Россией и всеми странами Балтики. Карл XII (1682–1718, король с 1697) захватил всю северную Европу и разбил русские войска, осаждавшие крепость Нарву. Первый год войны принёс юному Карлу славу полководца. Но затем король со своей армией на несколько лет застрял в Саксонии и Польше. Только в 1707 г. он снова двинулся на Россию. За эти годы Пётр I (1672–1725, правил с 1689) успел сделать многое: в устье Невы основал новую столицу (1703), обновил армию и флот, построил города и заводы. После Полтавской битвы (1709) могущество Швеции кончилось. Через год Пётр взял Выборг, занял Лифляндию и Эстонию. В 1714 г. была занята вся Финляндия. В 1718 г. на Аландских островах начались переговоры о мире, но Карл XII неожиданно погиб. Только в 1721 г. в Ништадте был заключён мир, по которому к России присоединялись Лифляндия, Эстония, Ингерманландия и западная Карелия с Выборгом. Разорённая войной Финляндия возвращалась Швеции.

Военная стратегия во все времена, от Вавилона до наших дней, оставалась одинаково дикой: полководцы опустошали любую территорию – и чужую, и свою. Пётр Великий не был исключением. К примеру, в 1703 г. его войска разоряли Эстонию. Но земли Ингерманландии царь оберегал для себя, надо было кормить огромную армию строителей Петербурга и окрестных дворцов. Чтобы ингерманландцы усерднее трудились, Пётр оставил их свободными, государственными. В соседней Эстонии крепостное право сохранилось, царь не мог нарушать интересы своих союзников – немецких баронов, владельцев эстонских земель.

В Ингерманландии со временем появились отдельные помещичьи владения. Так, в Ропше Пётр построил дворец для своего советника, старого князя Ромодановского (1640–1717). Крупнейший российский помещик Меншиков (1673–1729) получил от Петра в личное владение два города – Ямбург и Копорье – с деревнями, где преобладало русское население. Позднее Екатерина II дарил своим сторонникам казённые земли. Так, друг фаворита Г. Орлова, участник переворота 1762 г. В. А. Всеволожский получил от Екатерины в подарок титул графа и имение *Pumpali* (ныне г. Всеволожск) с деревней Рябово и другими.

В красивейших местах Ингерманландии вдоль побережья Финского залива и в районе Пулковских высот при Петре Великом были основаны и построены главные царские резиденции: Сарское Село (1708), Петергоф (1708), Ораниенбаум (1710), Стрельна (1718). Забегая немного вперёд, добавим, что при императрице Елизавете Петровне старинное село Гатчина привлекло внимание молодого великого князя Петра III. Там был построен дворец-замок для Павла I с великолепным парком. В 1777 г. в честь рождения Александра, сына Павла I, императрица Екатерина II построила рядом с Сарским Селом новый дворец с роскошным парком (с 1796 г. Павловск). С начала своего царствования Александр I стал называть Сарское Село (*Saaren Kylä*), свою личную резиденцию, по-русски – Царским Селом. Резиденции царей, их классические парки отлично гармонировали с сельским ландшафтом и сотнями деревень. Российских

императоров, живших в центре Ингерманландии, ничуть не смущала эта финская «блокада» Петербурга.

В 1709 г. Пётр I реформировал управление страной. Вместо сотни воеводств получилось восемь губерний. Самую большую из них царь назвал Ингерманландской. Кроме Петербурга, в неё входили 29 городов, в их числе Нарва, Дерпт (Тарту), Псков, Новгород, Тверь, Ярославль. С 1712 г. Санкт-Петербург стал российской столицей; в 1719 г. губернию переименовали в Петербургскую, так как шведское название небольшой территории не очень подходило для главной губернии Российской империи. Пётр провёл также церковную реформу. Теперь главной православной церкви стал император, а лютеранская церковь подчинялась Петербургскому архиепископу. К лютеранам Пётр I относился доброжелательно. Людей любого происхождения и любой веры он ценил за их деловые качества. Самого Петра его современники и русские историки оценивали в широких пределах – от обожествления до сравнения с антихристом. Петра I это не очень волновало, он был верен своему делу, своей стране.

Три четверти века после Петра I заняли семь царств и семь войн. Почти всё время и все войны приходятся на трёх императриц: Анну Ивановну (правила в 1730–1740 гг.), племянницу Петра; Елизавету Петровну (правила в 1741–1761 гг.) и Екатерину II (1729–1796, правила с 1762). Этим трём женщинам возводили на трон гвардейцы и фавориты. Русский писатель А. И. Герцен сказал о послепетровском времени: «Полвека длится одна непрерывная оргия вина, крови, разврата. Историю Екатерины нельзя читать при дамах». А. С. Пушкин: «Развратная государыня развратила своё государство».

Внук Петра I, молодой великий князь Пётр III (1728–1762, правил с января 1762) и его жена Екатерина жили во дворце у Елизаветы Петровны. При дворе царил вольная и весёлая обстановка, и молодожёны вели себя соответственно. Отношения между ними были враждебными. Великая княгиня дважды была беременна от фаворита Сергея Салтыкова, который «был прекрасен как майский день» (из «Воспоминаний» Екатерины II). Но младенцы были мёртвоорождёнными. Наконец, 20 сентября

1754 г. Петербург услышал радостную новость: великая княгиня родила наследника, Павла Петровича. Однако царский двор гадал: чей это сын – Петра или Салтыкова? Вероятно, о чём-то догадывалась Елизавета Петровна. Она выслала Салтыкова за границу, забрала Павла к себе и поручила его воспитание графу Н. Панину, государственному деятелю.

С детских лет Павел наблюдал распутную жизнь Зимнего дворца. У Екатерины не было к нему материнских чувств. Так же равнодушно она отдала в чужие руки своего сына, отцом которого был Григорий Орлов. Хладнокровно, по-деловому, она планировала с гвардейцами убийство царя, своего мужа. Царствовал Пётр III всего полгода. 28 июня 1762 г. он был свергнут с престола. А 6 июля в Ропше царя задушил Алексей Орлов, брат Григория. Царя похоронили в церкви Невского монастыря без почестей, как простого офицера. Участники убийства были награждены.

После коронации Екатерину II встревожили слухи о планах освобождения из Шлиссельбургской крепости царя-узника Ивана VI Антоновича. Он был правнуком Ивана V, брата Петра I. Весной 1764 года Екатерина II навестила вероятного претендента на престол и нашла его здоровым и в нормальном рассудке. Летом 1764 г. Иван VI был убит, якобы при попытке его похищения.

В царившем хаосе разврата и убийств творческая фантазия народа и придворных кругов создала любопытную новую версию происхождения великого князя Павла Петровича. Эта версия получила форму легенды, связанной с церковью, которую Павел основал в 1785 г., одновременно с финской народной школой, недалеко от своего Гатчинского дворца.

«Церковь стояла в деревне Малые Колпаны. Церковь из камня-известняка была готова в 1800 году. На башне церкви вместо креста был медный петух, который символически изображал отречение апостола Петра. Согласно легенде, на месте церкви прежде стояла избушка финна-лесника, у которого царь Пётр III, отец Павла I, часто отдыхал после охоты. У лесника была восемнадцатилетняя приёмная дочь, по фамилии Сюкияйнен (*Sykiäinen*), которую царь любил. Девушка родила

сына, которого взяли во дворец на место мёртворождённого сына царицы и вырастили его великим князем — наследником престола. В память о месте своего рождения великий князь построил лютеранскую церковь, которую назвал именем Святого Петра»¹.

Павел жил со своей большой семьёй в Гатчинском дворце. Его старшего сына Александра (1777–1825) императрица забрала у родителей и сама следила за его воспитанием. Александр, от природы добрый, воспринимал молодых фаворитов как своих друзей. Последним, с 1789 г., любовником у бабушки был Платон Зубов (1767–1822), почти ровесник Александра. Екатерина спешила подготовить внука, чтобы, достигнув совершеннолетия, он мог принять от неё корону. Она была уверена, что найдёт способ избавиться от ненавистного Павла. Но 6 ноября 1796 г. она скончалась. В тот же день Павел I распорядился перенести останки Петра III в Зимний дворец и вновь короновать, «реабилитировать» отца. Царя и царицу похоронили одновременно в соборе Петропавловской крепости. Павел I заставил убийцу своего отца нести царские регалии. Сквозь бесконечную толпу людей Алексей Орлов, нахмуренный, но спокойный, пронёс по всему Петербургу корону царя, им задушенного.

Павел I оказался недалёковидным политиком. Он оторвался от Петербурга, не приобрёл надёжных сторонников. Повсюду были друзья Екатерины, готовившие его убийство. О заговорах Павел знал, но вёл себя неосторожно, своим жёстким характером оттолкнул от себя немногих приближённых. Ночью 11 марта 1801 г. офицер охраны Михайловского замка отдал

¹ «Kirkko oli Pieni-Kolppanassa. Kalkkikivikirkko valmistui 1800 v. Ristin asemesta kirkon tornissa oli kuparinen kukko, mikä vertauskuvallisesti esitti apostoli Pietarin kieltämistä. Tarun mukaan kirkon paikalla oli ollut ennemmin suomalaisen metsävärtijan mökki, missä tsaari Pietari III, Paavali I isä, metsästysretkillä ollessaan, kävi usein lepäämässä. Metsävärtijalla oli 18-vuotias kasvattitytär, sukunimeltään Sykiäinen, johon keisari rakastui. Tyttö synnytti pojan, joka otettiin hoviin keisarinna kuolleena syntyneen pojan tilalle ja kasvatettiin perintöruhtinaaksi. Syntymäpaikkansa muistoksi perintöruhtinas rakennutti luuterilaisen kirkon, minkä nimitti Pyhän Pietarin kirkoksi.» «Entisen Inkerin Luuterilaisen kirkon 350-vuotismuistojulkaisu». Inkeri, Helsinki, 1960.

честь петербургскому военному губернатору П. Палену (1745–1826), который беспрепятственно провёл группу убийц в покои царя. Павел I встретил их в вечернем халате. Последнее желание Екатерины II исполнил её последний фаворит. Подарком любимой царицы, золотой с бриллиантами табакеркой, гигант Зубов нанёс смертельный удар по голове императора.

Александр I не мог начать царствование казнями. Он ограничился высылкой убийц из столицы.

Александр I. Финляндия и Россия. Александр II

Во все времена судьба финнов-ингерманландцев во многом зависела от истории Финляндии. Поэтому мы и далее будем обращаться к отдельным этапам истории Финляндии и её отношениям с Россией.

В феврале 1809 г. Россия начала войну со Швецией. Россия выиграла войну, в результате чего Финляндия вошла в состав Российской империи. В Порвоо был созван сейм, на котором финские подданные присягнули в верности новому императору Александру I, а он поклялся не менять законы и порядки, существовавшие в Финляндии во времена шведского владычества. Были сохранены шведские законы, лютеранская церковь, государственный шведский язык и т. д.

Аналогичное обязательство давали народу Финляндии все последующие государи России при восшествии на престол. В 1812 г. Выборгская губерния также вошла в состав Финляндии. Первым генерал-губернатором Великого княжества был Спренгпортен.

Ближайший советник императора Александра I М. Сперанский (1772–1839) подготовил проекты конституции России и государственных реформ, в частности, закон об отмене крепостного права. Своё решение о реформах Александр I объявил в 1818 г. на Сейме в Варшаве при восстановлении государственности разбитой на куски Польши. Против реформ были крупные помещики и высшее дворянство России. Молодые офицеры, сы-

новья помещиков, организовали тайные общества, планировали совершить военный переворот и свергнуть монархию. Члены «Южного общества» во главе с П. И. Пестелем (1793–1826) намеревались убить Александра I в августе 1825 г. во время военного смотра на Украине. Однако умереть царю было суждено в другом месте. 2 сентября 1825 г. Александр выехал на юг, в Таганрог. Накануне он беседовал с Карамзиным. О прощании с императором историк писал: «Государь думает возвратиться к январю. Мы расстались с ним не без чувств. Привязанность моя к нему сердечная и вечная». Они расстались на окраине Царского Села. В ноябре Петербург узнал, что царь в Таганроге умер. Александр предчувствовал свою смерть. Но зачем ему было ехать за ней в Таганрог и что там произошло – осталось тайной, предметом различных легенд.

Александр II (1818–1881, правил с 1855) запомнился народам России как царь-освободитель: двадцать миллионов крестьян сбросили иго крепостничества. Царь много сделал для блага всех своих народов. А. Солженицын, писатель и исследователь российских проблем, называет время правления Александра II «эпохой великих реформ».

Для финнов-ингерманландцев это время было, без преувеличения, временем прогресса. На базе народной школы, открытой Павлом I в Малых Колпанах, была создана учительская семинария (1863). По образному выражению епископа Л. Хассинена, семинария «стала источником света для финнов Ингерманландии»¹. В начале царствования Александра II численность ингерманландцев составляла около 72 тысяч человек, а к 1917 году она превысила 140 тысяч.

Известие об убийстве Александра II было горестным для всего народа Финляндии. В знак уважения к императору в Хельсинки был установлен памятник работы известного скульптора Рунеберга.

¹ Из речи Л. Хассинена по случаю 130-летия семинарии (1993 г.).

Корни большевизма. Декабристы, народовольцы, Ленин

Россия нуждалась в продолжении коренных реформ, энергично начатых ещё Петром Великим. Однако три четверти XVIII в. и значительная часть XIX в. прошли в дворцовых распрях, убийствах и войнах. В огромной степени это время и силы страны были напрасно растрачены. Дворянская правящая верхушка активно мешала работе царей-реформаторов и их сподвижников. Небольшие группы офицеров-дворян, названных декабристами, строили свои планы переустройства страны. Но они рассчитывали на вооружённое восстание, а не на созидательные, мирные реформы; на силу, а не на разум. Вслед за смертью Александра I 14 декабря 1825 г. в Петербурге произошло восстание, подавленное Николаем I.

Планы декабристов отражены в проекте конституции Российской республики, разработанном полковником Пестелем. Отдельные моменты этого проекта остаются злободневными и поныне.

Первыми шагами декабристов должны были стать традиционное убийство императора, провозглашение республики, отмена крепостного права; затем устранение возможности реставрации монархии путём физического истребления всей царской семьи и всего дома Романовых. Заговорщики заранее подготовили группы убийц-добровольцев, которые дали клятву готовности выполнить любое задание. Руководители переворота становятся во главе республики и учреждают военную диктатуру на десять—пятнадцать лет, чтобы подавлять любое возможное сопротивление делу революции.

Один из разделов проекта посвящён решению национальных проблем. Пестель предполагал равноправие народов, но без права отделения от России. Все народы должны со временем слиться в единый русский народ и потерять свои национальные особенности. Чтобы ускорить это слияние, планировалось массовое вселение русских на земли других народов, причём выражалась желательность христианизации иноверцев.

Наряду с подобным «равноправием» предусматривалось со-

вершенно особое отношение к народам Кавказа. Пестель предлагал: «Разделить все сии кавказские народы на два разряда — мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силою переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям».

Отдельно стоял больной в те времена польский вопрос. Одной только Польше разрешалось отделиться от России, но при многих условиях. Польша обязана устроить своё государство аналогично российскому, быть военным вассалом России и «в полной мере доказать, что чувства искренней дружбы и преданности к России питает и питать будет... Должна заслужить самостоятельную независимость поступками своими и образом своего действия в роковое время российского возрождения и государственного преобразования»¹.

Поражает фантастически точное совпадение доселе не опубликованных и малоизвестных планов декабристов с «гениальными» планами Ленина и действиями большевиков. Это и цареубийство, и военная диктатура, и способы решения национальных проблем, включая все детали расправы с «буйными» кавказцами. На примере Польши Пестель подсказал большевикам даже план создания «социалистического лагеря». Создается впечатление, что Ильич и его ученики всё добросовестно списали у П. И. Пестеля!

Декабристов Ленин оценивал снисходительно: «Дворяне и помещики, декабристы... Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа». Сам Ленин сошёлся с народом очень близко, крепко с ним столкнулся, о чём речь впереди.

Империя Романовых опоздала с выходом на арену европейской новой истории. Россия не смогла вовремя оторваться от пут Средневековья, стать конституционной монархией, и теперь империи угрожала гибель. Началось новое Смутное время, нагинулась первая волна террора.

В XIX в. самой крупной в России террористической организацией была «Народная воля», созданная в 1879 г. в Петербур-

¹ М. В. Нечкина. Декабристы. М., Наука, 1982, с. 74–88.

ге. Главной целью организации было свержение самодержавия путём уничтожения царя и крупных чиновников. Были убиты десятки губернаторов, министров, сенаторов, членов царской фамилии. Для народовольцев особенно неуютен был император Александр II, просвещённый монарх и гуманный человек. Своими политическими и экономическими реформами царь свёл к нулю все программы теоретиков «Народной воли». Боевики восемь раз покушались на жизнь императора. Александр II был убит 1 марта 1881 г.

В 1887 г., также 1 марта, народовольцы покушались на Александра III, сына убитого царя. Террористы были повешены, в их числе А. Ульянов, брат В. Ульянова-Ленина. В связи с гибелью брата Ленин однажды сказал: «Мы пойдём другим путём». Но его путь оказался тем же путём террора, и в насилии он превзошёл народовольцев в тысячи раз!

Осенью 1895 г. Ленин организовал в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Но вскоре «Союз» стал распадаться. В декабре 1895 г. Ленина арестовали и посадили в тюрьму «Кресты». В 1897 г. его сослали в Сибирь, а летом 1900 г. он на долгих семнадцать лет уехал за границу. Однако ленинский «Союз борьбы» оставил след в истории. Член «Союза» террорист И. Каляев (1877–1905) в феврале 1905 г. бомбой убил московского генерал-губернатора, Великого князя Сергея Александровича, второго сына императора Александра II. А в 1918 г. председатель Совета Народных Комиссаров В. Ленин лично участвовал в уничтожении памятника Великому князю, поставленного в Кремле его вдовой. После этого в России были разрушены все царские памятники. Здесь можно отметить, что в Хельсинки памятник Александру II сохраняется в отличном состоянии.

Окончательная расправа над фамилией Романовых была совершена на Урале в 1918 г. В Екатеринбурге, в доме Ипатьева, 16 июля большевики уничтожили всю царскую семью – императора Николая II, императрицу, их четырёх дочерей и сына. По официальным советским данным, решение о расстреле царской семьи подписал председатель Уральского Совета А. Белобородов (1891–1938). Команда из Москвы поступила предположи-

тельно от председателя ВЦИК Я. Свердлова (1885–1919), друга Ленина. А не имел ли сам Ильич отношения к делу Романовых? Об этом история умалчивает.

Материалы следствия, сами следователи, свидетели, все лица, имевшие отношение к делу, загадочно исчезали и последовательно умирали. В числе первых в марте 1919 г. неожиданно, якобы от гриппа, умер Я. Свердлов. А. Белобородов расстрелян в 1938 г. Последний «свидетель» трагедии – дом горного инженера Н. Ипатьева, ставший местом паломничества людей, был разрушен в 1980-х гг., при издыхании диктатуры большевиков.

Глава 2

ВЕК БОЛЬШЕВИКОВ

*Бывали хуже времена,
Но не было подлей.
... Ужели мы с тобой
Такого века сыновья?*

Н. А. Некрасов

*Я не знаю, где кости отца,
Где мои похоронены деды...
Неужели не будет конца
Этой кровопролитной победы?*

Станислав Куняев

Октябрьский переворот

Ленин вернулся в Россию в 1917 г., после февральской революции. Он спрятался в шалаше за финляндской границей, недалеко от Сестрорецка, а осенью перебрался в Выборг. В Петроград он приехал накануне Октябрьского переворота.

Молодые годы Ленин провёл в европейских столицах. Участвовал в словесных баталиях на съездах РСДРП и других партий, стал прекрасным оратором, знаменитым толкователем марксизма. Но Ленин не знал России и её народов. Мимо него прошли события начала века, в том числе обе революции – 1905

года и февральская. В событиях Октября он сориентировался быстро, но не сразу. В первые дни, не зная ситуации в стране и столице, Ленин доверял своим соратникам руководство действиями.

Самой заметной фигурой среди руководителей Октябрьского переворота оказался Л. Троцкий (1879–1940), «демон революции», очень популярный политический деятель. Он был главой Петроградского Совета во время двух революций, артистически красноречив, умел произвести эффект на публику. Личность Троцкого интересно изобразил американский публицист Джон Рид (1887–1920) в книге «Десять дней, которые потрясли мир».

Джон Рид – свидетель всех основных событий октябрьских дней в Петрограде. На извозчиках и пешком он метался по городу, чтобы успеть в Мариинский дворец, Смольный, Думу и Таврический дворец – места заседаний всех политических сил. Успевал увидеть всё, поговорить с сотнями людей из всех партий. Результатом стала его знаменитая книга.

Процедуру захвата власти в Петрограде большевики вначале сами называли Октябрьским переворотом. Позднее советские историки придумали торжественное название – Великая Октябрьская социалистическая революция. В кинофильмах захват Зимнего дворца изображался в виде страшной батальной сцены, как яростный штурм крепости, под грохот канонады и трескотню пулемётов. Джон Рид, очевидец и участник «штурма Зимнего», так изобразил это событие. «В тот момент, как мы выходили на Морскую (ныне улица Герцена), кто-то крикнул: «Юнкера прислали сказать, что они ждут, чтобы мы пошли и выгнали их!» (Зимний дворец охраняли курсанты военных училищ – юнкера.) Без песен и криков прокатились мы под красной аркой (Главного штаба). Отряд перебежал Дворцовую площадь. При ярком свете из всех окон Зимнего дворца мы вскарабкались на баррикады и разразились восторженными криками: под нашими ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Из огромного здания не доносилось ни звука. Мы вбежали во дворец. Стали появляться юнкера. «Ну что, будете ещё подымать оружие против народа?» – спросили их. «Нет», – отвечали юнкера. Их отпустили на свободу. Временное правительство

было арестовано». Вот вам и весь переворот! Картина вовсе не героическая, даже немного комичная.

8 ноября большевики собрали 2-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Присутствовала одна только большевистская фракция. Они объявили о переходе власти в руки Советов и создали своё правительство. Россией как будто стали править рабочие и солдаты. РСДРП(б) – российская социал-демократическая рабочая партия – называлась рабочей, и советская власть считалась диктатурой пролетариата. Фактически была создана диктатура большевиков (маленькая «б» в скобках), а точнее – власть партийной верхушки. Ленин объяснял эту тонкую ситуацию так: «Пролетариат делегировал свою власть нам, большевикам». Между прочим, за всю историю большевизма в ЦК партии был один-единственный рабочий, токарь А. Шляпников (1885–1937). Его имя упоминается в истории партии в связи с группой «рабочей оппозиции», которая в начале 1920-х гг. заявила, что вожди предали интересы рабочих. Позднее Шляпников был расстрелян. (В дальнейшем автор приводит годы жизни всех упоминаемых деятелей, чтобы не уточнять судьбу каждого.)

А что делать с крестьянами, большевики не знали. Крестьян было 120 миллионов, 80 % населения России. Руководила ими партия левых эсеров, главных противников большевиков. Ленин называл крестьян «мелкой буржуазией, которая ежедневно, ежечасно рождает капитализм». Через две недели после переворота собрался 2-й Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Бесполезно искать в советской литературе даже упоминания об этом позорном для большевиков съезде. Вот рассказ Джона Рида.

«К 23 ноября собралось около 400 делегатов. Больше половины были левыми эсерами, большевиков оказалась пятая часть, правых эсеров четверть. Зиновьев пытался говорить от имени большевиков, но его освистали. На третий день на трибуне неожиданно появился Ленин. Зал бесновался не менее десяти минут. «Долой его! – ревел зал. – Не хотим слушать ваших народных комиссаров! Не признаём вашего правительства!» Мне казалось, что съезд безнадежно раскололся. Но никто не знал,

что в Смольном уже ведутся секретные переговоры между левыми эсерами и большевиками. Сначала левые эсеры требовали исключения Ленина и Троцкого из правительства. Соглашение было достигнуто после ожесточённой борьбы».

В середине января 1918 г. на объединённом 3-м съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов родилось новое советское правительство. Теперь крестьяне тоже формально были у власти. Но в них Ленин видел своего врага – непокорные народы России.

Большевики и крестьяне. О мировой революции

Заветная мечта большевиков – Всемирная Республика Советов. Увлечённый успехом Октябрьского переворота, Ленин уже видел впереди призрак мировой революции. В начале 1918 г. он приступил к строительству Коммунистического Интернационала – подпольной международной компартии. Но мешали плохие внутренние дела и война с Германией. На Россию надвигался голод, хозяйство было развалено. Голодный и безработный гегемон – рабочий класс – бастовал, во всех губерниях вспыхивали крестьянские бунты. Началась Гражданская война, в которой главным врагом были не белые генералы, а народы России, крестьяне.

Чтобы усмирить народ, Ленин заключил Брестский мир с Германией и стал создавать Красную армию. Наступил трёхлетний период «военного коммунизма», и диктатура большевиков показала себя во всей красе. Ленин писал: «Научное понятие диктатуры означает ничем не ограниченную, никакими законами не стеснённую, непосредственно на насилие опирающуюся власть». Россия была превращена в военный лагерь. Вся территория страны, от городов до деревень, покрылась сетью организаций и ячеек ЧК – чрезвычайных комиссий, управляемых главным чекистом – «железным Феликсом» Дзержинским (1877–1926). В газете «Правда» от 18 октября 1919 г. написано: «Вся власть Советам сменяется лозунгом – вся власть чрезвычайкам!»

Ленин искусственно разделил крестьян на кулаков, середняков и бедняков. Опорой большевиков стало беднейшее крестьянство. В каждой деревне был свой комбед – комитет бедноты, работавший вместе с ячейкой ЧК. По деревням разъезжали вооружённые продовольственные отряды. От имени советской власти они конфисковали «излишки» урожая, часто забирали всё зерно, включая семенное. Правительство разрешило выдавать комбедам 25 % конфискованного у кулаков и середняков зерна. Это разжигало среди крестьян взаимную вражду. Голод в хлебных областях в 1919–1921 гг. доходил до крайности, вымирал целые деревни и районы многих губерний.

В 1919 г. в Киеве открылись курсы подготовки командиров частей особого назначения – ЧОН. Эти отряды боролись с контрреволюционными выступлениями, но в основном расправлялись с восставшими крестьянами. Печальным примером командира-чоновца был Аркадий Гайдар (1904–1941), ставший позднее детским писателем, романтиком войны и революции. Он попал на курсы пятнадцатилетним подростком, а в 16 лет командовал полком ЧОН. Юный командир полка являлся идеалом для советских детей и даже для взрослых. Однако беспощадные расправы над крестьянами в Хакасии, на Кубани и Тамбовщине расстроили психику героя, и в 1925 г. он был уволен из армии.

Пока формировалась Красная армия, карателей не хватало, и большевики использовали для репрессивных операций интернациональные части. К 1917 г. в России оказалось более двух миллионов военнопленных – немцев, австрийцев, венгров, сербов, румын, чехов. Из «Краткой истории СССР»: «Ярким примером пролетарской солидарности было участие в вооружённой защите завоеваний Октябрьской революции иностранных трудящихся из числа бывших военнопленных». В 1918 г. в Красной армии воевало 250–300 тысяч таких интернационалистов. Эти люди, насильно втянутые в чужую войну, были вынуждены выполнять любые приказы большевиков. В армии царила жёсткая дисциплина.

Занятый крестьянской войной, Ленин не забывал о мировой революции. В конце 1918 г. произошли революции в Венгрии (октябрь) и Германии (ноябрь), обе страны стали демократи-

ческими республиками. Одновременно 11 ноября закончилась Первая мировая война. Заранее оценив ситуацию, Ленин 1 октября сообщает Свердлову и военному наркому Троцкому: «Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием дней ближайших. Вывод: 1) – вдесятеро больше усилий на добычу хлеба (запасы все очистить и для нас и для немецких рабочих); 2) – вдесятеро больше записи в войско. Армия в три миллиона должна быть у нас к весне для помощи международной рабочей революции. Эта резолюция должна в среду ночью пойти всему миру по телеграфу».

Агенты большевиков поспешно сформировали компартию Германии. Они попытались совершить переворот по ленинской схеме, но были разгромлены. В «Красной Баварии» коммунистам удалось создать советскую республику, которая прожила три недели.

В Венгрии Ленину повезло больше. Он заранее подготовил из бывших пленных компартию и венгерское правительство, в которое вошёл известный террорист Бела Кун (1886–1939). В марте 1919 г. коммунисты захватили власть и провозгласили Венгерскую Советскую республику. Она существовала четыре месяца. Бела Кун с 1921 г. был членом Исполкома Коминтерна, при Сталине расстрелян.

Ленин всеми силами пытался разжечь революционный пожар в Европе, сделать мировую революцию любой ценой. Историк С. Мельгунов (1880–1956) в книге «Красный террор» приводит крылатую ленинскую фразу: «Пусть 90 % русского народа погибнет, лишь бы 10 % дожили до мировой революции». Но народы России не приветствовали власть большевиков, народам Европы такая перспектива тоже не нравилась.

Крестьянская война продолжалась по всей стране. В Тамбовской губернии крестьянская армия А. Антонова более двух лет (1919–1921) воевала с отрядами ЧОН и частями Красной армии. Даже официально губернию называли Тамбовским фронтом, а война известна как «антоновщина». Всё взрослое мужское население деревень поднялось против Советской власти. С крестьянами не церемонились. Деревни разрушались артиллерией

и выжигались. Чоновцы расстреливали семьи повстанцев. Наконец Ленин поручил дело «герою» Польской войны М. Тухачевскому (1893–1937): «Надо кончать с антоновцами в Тамбовской губернии. Как вы смотрите на назначение вас туда?» – «Я готов выполнить любое задание партии». Задание Тухачевский выполнил отлично. Были применены все средства ведения войны. Для «выкуривания» крестьян из лесов и болот использовали хлор – запрещённое химическое оружие.

За годы Гражданской войны уничтожено более десяти миллионов крестьян, от голода умерли около пяти миллионов. Силы крестьян иссякли, борьба затихала. Только отмена политики «военного коммунизма» спасла Советскую власть. Большевики по-разному оценивали результаты избиения крестьян. Г. Зиновьев (1883–1936) сказал в 1919 г.: «Если вы теперь пойдёте в деревню, вы увидите, что крестьяне всеми силами нас ненавидят». Ленин в 1922 г.: «Крестьянство довольно своим настоящим положением. Мы можем это спокойно утверждать».

После смерти Ленина большевики несколько лет были заняты дракой в верхах. Это была жестокая борьба за власть в партии и в стране между генеральным секретарём ВКП(б) Сталиным и Троцким. Изощённый политик, Сталин победил. Троцкий в 1927 г. был исключён из партии, в 1929 г. выслан за границу, а в 1940 г. его убили сталинские агенты.

Начался новый этап угнетения крестьян, длившийся десять лет. В декабре 1927 г. съезд партии объявил курс на коллективизацию и более решительное наступление на кулака. С января 1930 г. началась ликвидация кулачества как класса, она продолжалась до 1937 г. Боевые штабы по раскулачиванию вместе с комбедами перевыполняли планы уничтожения кулацких хозяйств. Когда кулаков не находили, то их создавали из середняков. Всего за 1920 – 1930-е гг. разгромлено около 25 % крестьянских хозяйств. Это более шести миллионов дворов, около тридцати миллионов человек. Кулаков с семьями ссылали на Север (Беломорканал, Хибины, Воркута) и в Сибирь. А сибирских кулаков высылали на свой Север и за Байкал. В лагерях погибло около десяти миллионов этих «спецпоселенцев».

Результатом коллективизации и раскулачивания явился новый

голод в СССР в 1932–1933 гг. Но наихудшим итогом было уничтожение самой трудолюбивой и предприимчивой части крестьянства. Это стало одной из главных причин многолетнего прозябания и, наконец, полного краха сельского хозяйства СССР.

Большевицкая гильотина

На основе марксовской идеи о диктатуре пролетариата Ленин построил в России однопартийную власть. Он отвергал плюрализм идей, отрицал идеи, отличающиеся от догм марксизма, разогнал все партии, оставил одну свою. Ленин видел в насилии самый убедительный аргумент революции и узаконил право большевиков на насилие. На теории насилия в России строился социализм. Троцкий называл Ленина Максимилианом, намекая на якобинского диктатора Робеспьера.

Диктатура недолго проживёт без мощного силового аппарата. Такой аппарат был рождён гением Ленина и железной волей Дзержинского. Однако для громадной России этого не хватало, часто для подавления народа приходилось использовать армию, а это рискованно. Сталин сумел учесть недостатки машины насилия и создал на базе ОГПУ–НКВД огромную террористическую и военно-промышленную империю, своего рода государство в государстве. Множество училищ НКВД готовило кадры. Внутренние войска проводили крупные репрессивные операции, охраняли объекты. Под контролем Главного политического управления находилась Красная армия. В руках НКВД были все ключевые отрасли промышленности, сотни научных институтов, все большие стройки – гидростанции, каналы, дороги и т. д. Плюс к этому – неисчерпаемые резервы бесплатной рабочей силы – ежедневно пополняемая армия заключённых. Бывшие царские каторги не могли вместить всех советских узников. В 1930 г. при НКВД возникло Главное управление исправительно-трудовых лагерей – ГУЛАГ, которое стало строить свои, советские лагеря. Новые лагеря, новая их география, новые названия. Обновился древний монастырь на островах Белого моря, его называли «СЛОН» – Соловецкий лагерь особого назначения. Центр

лагерей в Амурской области город Алексеевск получил название г. Свободный. Один из городков Кировской области носит загадочное имя КИРС – колония исправительных работ имени Свердлова.

В каждом предприятии, учреждении начальником отдела кадров был работник НКВД. «Первые» и «особые» отделы берегли секретность и следили за благонадёжностью работников. Добровольные «слухачи»-осведомители докладывали НКВД о разговорах и мыслях сослуживцев, соседей, знакомых. Доносительство было всеобщее, оно поощрялось, даже становилось обязанностью. Начальник Политуправления Красной армии С. Гусев (1874–1933) требовал: «Каждый коммунист обязан доносить». Естественно, прослушивались все телефоны. Под крылом НКВД были все средства массовой информации. Владельцы радиоприёмников и пишущих машинок были на специальном учёте. Перечислять можно без конца: каждый человек в стране, каждый его шаг, мысли и чувства – всё было под контролем Народного Комиссариата Внутренних Дел.

Неудивительно, что в такой обстановке ничто, даже самое конспиративное, не могло укрыться от вездесущих глаз и ушей ВЧК–ОГПУ–НКВД. Известно, например, о двух заговорах против Сталина. Летом 1923 г. на курорте в Кисловодске состоялось неофициальное совещание, которое проходило в пещере. Участвовали два заместителя военного наркома Троцкого – М. Фрунзе (1885–1925) и М. Лашевич (1884–1928), члены Политбюро Г. Зиновьев и Г. Орджоникидзе (1886–1937) и другие. Обсуждали вопрос об ограничении власти Генерального секретаря. Второе подобное совещание происходило во время съезда партии, в феврале 1934 г. На квартире Орджоникидзе были И. Косиор (1893–1937), Р. Эйхе (1890–1940) и другие. Обсуждали возможность отстранения Сталина от власти и замены его С. Кировым (1886–1934). Трагична судьба заговорщиков и всех, кто прямо или косвенно был связан с ними.

1 декабря 1934 г. Киров был убит. Убийство было сфабриковано НКВД, возможно, по заданию Сталина. Он считался другом Кирова, но видел в нём опасного соперника. В убийстве был обвинён целый троцкистско-зиновьевский блок. В начале декабря

за подписью секретаря ВЦИК А. Енукидзе (1877–1937) вышел Указ о применении к террористам самых суровых мер: «Смертные приговоры приводить в исполнение немедленно, ходатайства о помиловании не рассматривать». Последовал крупный судебный процесс, широко освещавшийся в советской печати.

Не успели отгреметь расстрелы, как начались новые дела. Сигнал к знаменитой «ежовщине» подали лично Сталин и его друг и родственник А. Жданов (1896–1948). Отдыхая в Сочи, они 25 сентября 1936 г. отправили в Политбюро телеграмму: «Мы считаем абсолютно необходимым и срочным, чтобы товарищ Ежов был назначен на пост народного комиссара внутренних дел. Ягода определённо показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок». Исполнительная гильотина тут же включилась в работу. Уже 28 января 1937 г. прокурор СССР А. Вышинский (1883–1954) выступал с обвинительной речью на процессе по делу «Правотроцкистского анти-советского блока». А управлял процессом председатель Военной коллегии Верховного суда СССР В. Ульрих. О его судьбе ничего не известно.

К правотроцкистскому блоку был присоединён и «национальный уклон». Из «Краткого курса истории ВКП(б)»: «Национал-уклонисты смыкаются с троцкистско-зиновьевским блоком и бухаринскими правыми оппортунистами. На основе решений 17 съезда партия повела борьбу за окончательное преодоление пережитков национализма в стране». Это уже было научное, марксистско-ленинское обоснование последовавших репрессий по национальному признаку.

Упоминание в сочинской телеграмме имени неспособного Ягоды было равносильно команде о кардинальной чистке аппарата НКВД. Пошла ликвидация исполнителей и очевидцев предыдущих репрессий. Так уж было принято у большевиков.

В 1937 г. была запланирована большая работа в связи с намеченными на декабрь выборами в Верховный Совет СССР. В том же «Кратком курсе» читаем: «Партия должна была обеспечить полностью свою руководящую роль в предстоящих выборах. Но для этого необходимо было, чтобы сама партийная масса была полностью активизирована». Из доклада Жданова на Пленуме

ЦК выяснилось, что для активизации массы требовалась её проверка и чистка, причём срочная, до 20 мая. Чистка велась по всей стране. Особенно постарался в своём хозяйстве сам Жданов – первый секретарь Ленинградского горкома и обкома партии. Ленинградская партийная организация всегда казалась Сталину оппозиционной, и Жданов за своё усердие будет сделан в 1939 г. членом Политбюро и одновременно останется хозяином Ленинграда. В своей области, в которую тогда входили также Новгородская и Псковская, Жданов набрал среди коммунистов столько «врагов народа», что службы Серого дома на Литейном (недавно он стал жёлтым) не успевали убивать и увозить тела жертв. От приговора до расстрела иногда проходили месяцы.

В советской литературе не встречалось почти ничего о зверствах в застенках ВЧК–НКВД. Уникальное свидетельство оставил писатель В. Зазубрин (1895–1938), тоже враг народа. В повести «Щепка» (написана в 1923 г., впервые опубликована в 1989 г.) он рассказал страшную правду о большевистском массовом терроре в ленинское время. Это потрясающая картина работы фабрики смерти в ЧК одного губернского города. Судя по рассказам редких уцелевших свидетелей, нечто подобное происходило и на ленинградском «комбинате», который обслуживал Северо-Запад СССР.

Не мог обойтись без внимания НКВД даже ленинский штаб мировой революции – Коминтерн. Он готовил кадры для будущих коммунистических правительств стран Европы и Азии. В 1919–1926 гг. Председателем Президиума ИККИ – Исполнительного комитета Коминтерна – был Г. Зиновьев. Многие годы в ИККИ работали доверенные люди Ленина и Сталина, старые большевики А. Сольц (1872–1945) в Контрольной комиссии и О. Куусинен (1881–1964) в Президиуме и секретариате. Они добросовестно помогали ОГПУ–НКВД «чистить» Коминтерн. Из малодоступных публикаций известно, что «верный сын финского народа» (так его назвала газета «Правда») товарищ Отто собрал и бережно хранил свой личный архив. Этот худенький маленький человек аккуратно документировал заседания, беседы и высказывания членов Коминтерна. А это были люди эрудированные и большие вольнодумцы.

К небезопасному архиву имел доступ, пожалуй, один только Сталин, ценивший хранителя фонда. Многие вольнодумцы были «обоснованно» репрессированы, пострадали целые компартии. Так, в 1938 г. решением ИККИ была распущена компартия Польши, «засорённая классовыми врагами». Руководители её расстреляны. Из непокорных уцелели, в частности, И. Броз Тито (1892–1980) и П. Тольятти (1893–1964), потому что они вовремя бежали из Москвы. В мае 1943 г. Сталин разогнал уже не нужный ему Коминтерн. Это был подарок союзникам, обещавшим открыть Второй фронт.

В результате политических репрессий 1934–1941 гг. были осуждены 1 млн 984 тыс. человек, расстреляны 696 тысяч. Это официальные данные. А сколько было неучтённых жертв – неизвестно. Невзирая на путаницу в опубликованных цифрах, приведём данные о количестве узников ГУЛАГА в разные годы (тыс. человек): 1941 г. – 1500, 1942 г. – 1416, 1943 г. – 948, 1944 г. – 664, 1945 г. – 716, 1948 г. – 2200, 1949 г. – 2550. Из них 23 % осуждены за «контрреволюционную деятельность». Женщин-узниц в 1949 г. было 503 тысячи. Число узников снижалось – в 1942–1944 гг. их отправляли на фронт. А с 1945 г. виден рост за счёт вернувшихся из плена военных: каждый попавший в плен считался предателем. Ссылали в лагеря также многих мирных граждан, живших на оккупированной фашистами территории.

Культ вождя и насилия. Наследники

В условиях диктатуры – большевиков или фашистов – как важнейшая её часть культ вождя-фюрера неизбежен. Большевики и фашисты создали идеологию нового мира, нового порядка, обещали своим подданным светлое будущее, все блага. А блага людям несёт вождь-фюрер, возвышенный пропагандой до состояния божества. Вождь большевиков для всех народов – мудрый, родной и любимый, а для врагов – грозный. Наличие культа вождя снимает гнёт страха, вселяет надежду. Миллионы людей верили в коммунизм, в эту примитивную идеологическую схему.

Культ Сталина создавался постепенно, незаметно заражая массы народа. Он созрел к XVII съезду ВКП(б), на котором было провозглашено всемирное признание вождя, состоялась его канонизация. Сталина славил каждый выступавший, даже его политические противники. Вот некоторые фразы из потока речей. Киров назвал Сталина «величайшим стратегом освобождения трудящихся нашей страны и всего мира». Зиновьев впервые в мире причислил вождя к большевистскому «лику святых», назвав подряд четыре имени – Маркс–Энгельс–Ленин–Сталин. Л. Каменев (1883–1936): «Та эпоха, в которую происходит этот съезд, войдёт в историю как эпоха Сталина». Н. Бухарин (1888–1938): «Обязанностью каждого члена партии является сплочение вокруг товарища Сталина, как персонального воплощения ума и воли партии». В общий хор славословия включились и иностранные гости съезда – писатели А. Барбюс, Р. Роллан, многие члены Коминтерна – Бела Кун, знаменитая Д. Ибаррури и другие. В своих похвалах они превзошли даже доморощенных певцов, называя Сталина вождём всемирного пролетариата.

Осмелевший после смерти вождя разоблачитель культа утверждал, что восхваления вскружили Сталину голову. Скорее у самого Хрущёва было не совсем ладно с головой. В декабре 1949 г., в день семидесятилетия вождя, он произнёс: «Все народы Советского Союза видят в Сталине своего друга, отца и вождя». А в феврале 1956 г. он уже ругал вождя и отвергал обвинения «наших врагов, которые утверждают, будто культ личности порождён самой советской системой, её, с их точки зрения, недемократичностью». Конечно, Хрущёв не мог признать виновность системы и своей партии, которая была «ум, честь и совесть нашей советской эпохи».

Другим предметом всенародного поклонения большевики сделали свои любимые органы насилия. Культ «органов» (так их называют и в настоящее время) считался очень важным для коммунистического воспитания трудящихся. Культ насилия против врагов народа отвлекал внимание людей от настоящих причин тяжёлой жизни. Вся пресса, от районной до центральной, от пионерских газет до «Правды», шумела о судебных процессах над врагами народа. Даже научные и технические журналы

приветствовали террор. Вот цитаты из журнала «Химическая промышленность» за 1937–1938 гг.

«Закончился процесс антисоветского право-троцкистского блока. Вот они, эти герои: обер-иезуит, помесь лисы и свиньи, ханжа Бухарин; обер-бандит и профессиональный убийца Ягода; головорез типа охотнорядца Рыков; врачи-изуверы. Это они убили Кирова, преждевременно (так!) свели в могилу Менжинского, Куйбышева, Горького, пролили кровь Ленина, охотились за жизнью Сталина, пытались погубить неослабное око государственной безопасности СССР – Н. И. Ежова. Верный страж революции – Наркомвнудел, возглавляемый ближайшим учеником Сталина тов. Ежовым, – распутает до конца все нити преступлений, до конца выявит всю троцкистскую мразь, всех вредителей и изменников родины. Вынесенный Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговор преступной банде есть приговор всего советского народа. Смерть врагам народа! Выше революционную бдительность! Теснее сплотимся вокруг партии Ленина-Сталина! Да здравствует наш мудрый любимый отец, учитель и вождь – товарищ Сталин!»

Красочен язык учёных. Относительно врачей: они здесь ни при чём, если учесть, что заместителем у Дзержинского, а затем у В. Менжинского (1874–1934) работал опытный аптекарь Г. Ягода (1891–1938). Отметим, что уже в 1938 г. Н. Ежов (1895–1940) бесследно исчез, без комментария в печати. Поползли слухи, что в массовых репрессиях – ежовщине – виноват он один, а Сталин ничего не знал. После Ежова ещё более «зорким оком» стал Л. Берия (1899–1953). В 1953 г. «английского и японского шпиона» Берию и всех его заместителей Хрущёв без суда быстро уничтожил. Никто из чекистов не умер естественной смертью. Уж об этом большевики всегда заботились.

Культ ВЧК–НКВД царил и в высоких партийных кругах. Наш современник, добрейший А. Микоян (1895–1978), проживший «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича», был как все окружающие. В 1937 г. в докладе к двадцатилетию ВЧК он сказал чекистам: «Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учился и учится у товарища Сталина». Выходит, что «ежовщина» – это и был сталинский стиль работы.

На том же славном XVII съезде Киров сообщил о большом достижении в строительстве социализма – пуске в эксплуатацию Беломорско-Балтийского канала имени Сталина: «Это действительно героическая работа, и надо отдать справедливость нашим чекистам, которые руководили этим делом, которые буквально чудеса делали». Эти чудеса сделали вручную десятки тысяч заключённых-каналоармейцев (з.к.). Кстати, от них пошло в СССР название любого заключённого – «зек». На трассе канала сложили свои кости тысячи раскулаченных крестьян.

С начала 1920-х гг. особое внимание большевики уделяли воспитанию народа, прежде всего – детей и молодёжи, в духе идей пролетарского интернационализма, мировой революции, в духе борьбы с врагами народа. Воспитательную работу возглавил железный Феликс. Уничтожив сотни тысяч родителей, он получил армию юных бродяг – беспризорных детей. Для них были организованы детские коммунуны, названные «республиками ШКИД» – школы-колонии имени Дзержинского. Главного чекиста советская пресса воспевала как великого гуманиста, «золотое сердце».

О чекистах, красных комиссарах в чёрных кожаных куртках, создавались легенды, комсомольские поэты слагали красивые песни. Романтика революции, Гражданской войны, романтика насилия захватила, увлекла массы людей. Под видом революционной бдительности восхвалялось доноительство и предательство – страшная болезнь советского времени. Паутина ВЧК–НКВД опутала всю страну, пропитала головы и души людей, отравила жизнь нескольких поколений. К началу 1930-х гг. карательные органы обрели неограниченную власть над населением. Репрессии воспринимались как привычное, бытовое явление. Рабочие на собраниях голосовали за расстрелы врагов народа, вредителей, иностранных шпионов. Крестьяне искали в своей деревне врага-кулака. Октябрюта – внучата Ильича – пели песню про пионера Павлика Морозова (1918–1932), который предал своего отца. Детям расстрелянных врагов народа тоже доставалось: «враг, шпион, вредитель» – эти и другие клички преследовали их много лет.

Наследники Сталина пытались оправдать, обелить себя про-

цедурой разоблачения культа и всеобщей, массовой реабилитацией как жертв репрессий, так и палачей, кроме самых главных. Конечно, последовало смягчение большевистского режима. «Хрущёвская оттепель» порадовала миллионы людей, испытывавших на себе репрессии, вдохновила широкий круг диссидентов. Но оттепель оказалась недолгой.

В органы насилия устремились энергичные комсомольские вожаки. Из органов было легко попасть в ЦК партии и даже «наверх». Двое из комсомольцев большого успеха не имели. А. Шелепин (1918–1994), председатель КГБ в 1958–1961 гг., секретарь ЦК КПСС в 1961–1967 гг., мечтал стать Генеральным. В 1964 г. его группа свергла Хрущёва и временно поставила никчёмного Л. Брежнева (1906–1982). Но «Ильич II» оказался долговременным и прогнал Шелепина. Другой комсомолец – В. Семичастный (1924–2001) – был председателем КГБ в 1961–1967 гг., участвовал в свержении Хрущёва. Брежнев на всякий случай прогнал и его, но сам скоро оказался в руках нового председателя КГБ.

Ю. Андропов (1914–1984) – секретарь ЦК комсомола Карело-Финской ССР в 1940–1944 гг. О. Куусинен («президент» Карелии) подружился с ним и помог ему стать в 1947 г. вторым секретарём ЦК КП(б) К-ФССР. Двигаться дальше, казалось, было некуда – первым секретарём, «хозяином» Карелии, с 1938 г. был Г. Куприянов (1905–1979), ставленник Жданова. Помощь неожиданно пришла от всесильного Берии, убиравшего возможных соперников в борьбе за пост генсека, так как Сталин был уже немолод. В 1948 г. скоропостижно умер Жданов. В 1949 г. Берия и Маленков (1902–1988) сфабриковали «ленинградское дело», расстреляли людей Жданова и заодно разгромили весь аппарат Серого дома на Литейном. Одним из уцелевших был Куприянов, искалеченный на допросах. Участие в деле Куусинена и Андропова было очевидно. Берия – шеф МГБ–КГБ от Президиума ЦК – оценил Андропова, и в 1951 г. тот стал заместителем С. Игнатьева (1904–1983), министра Госбезопасности.

После падения Берии в 1953–1957 гг. Андропов и его учитель были в немилости. В 1953 г. Хрущёв вывел Куусинена из Президиума ЦК, в 1956 г. упразднил его республику и отправил на год послом в Монголию, где в 1957 г. его сменил провинившийся

В. Молотов (1890–1986). Хрущёв знал об опасном архиве и сменил гнев на милость. В 1957 г. Куусинен стал секретарём ЦК, снова восседал в Президиуме ЦК, стал академиком и Героем социалистического труда.

Андропов, отправленный в 1953 г. послом в Венгрию, имел некоторое отношение к подавлению Венгерского восстания 1956 г. Это обстоятельство, а также покровительство Куусинена помогли ему в 1957 г. попасть на работу в ЦК. И дело двинулось: с 1962 г. – секретарь ЦК, в 1967–1982 гг. – председатель КГБ, с 1973 г. – член Президиума ЦК, с ноября 1982 г. – Генеральный секретарь ЦК КПСС. Одновременно с июня 1983 г. – Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Вся власть в стране оказалась в руках чекиста, человека неизвестного происхождения, личности таинственной и мрачной. Только сейчас, в новом столетии, отдельные смельчаки-журналисты осмеливаются отозваться о нём критически.

Новые большевики сохранили старые традиции, но репрессии КГБ стали не столь грубыми и откровенными, как прежде. В годы Брежнева и позднее вместо расстрелов практиковались автокатастрофы, имитировались самоубийства или доведение человека до самоубийства. Широко применяли «научный» метод борьбы с теми, кто смел критиковать партийное руководство и систему власти. Их подвергали обследованию в Институте судебно-психиатрической экспертизы имени В. Сербского, объявляли больными и прятали в психиатрическую больницу. Это очень даже логично: ведь только сумасшедший может выступать против родной партии и советской власти, против «светлого будущего». Именитых противников системы лишали советского гражданства и высылали за границу. Идеологическое воспитание людей было доведено до абсурда и вызывало только отвращение к марксистско-ленинским догмам и «мудрым» решениям очередного пленума или съезда КПСС.

На более современном уровне сохранялись испытанные методы обработки общественного мнения и травли неудобных. Анонимные письма, круглосуточные телефонные звонки, клеветные слухи в трудовом коллективе, шельмование и оплёвывание, стряпание персональных дел, товарищеские суды, грубое вме-

шательство в личную жизнь якобы от имени и по требованию так называемой общественности и так далее. Людей морально преследовали за малейшую критику коррумпированного руководства, превратившегося в единую партийную мафию. В такой атмосфере человек мог потерять моральное равновесие, допустить резкие высказывания или поступки. Тогда с ним расправлялись уже на законных основаниях. Так было в СССР повсюду – от начальной школы до Академии наук, от завода до Кремля, от Москвы до самых до окраин. Моральный климат в разложившемся коммунистическом обществе был страшен. Большевики с помощью КГБ всеми силами и средствами пытались удержать в руках народы вплоть до крушения СССР.

Организованные возмущения народа власти подавляли с помощью милиции, дружинников, внутренних войск, специально подобранных по национальному признаку. Ещё не забыты голодные бунты начала 1960-х гг. во многих городах, жестоко подавленная демонстрация машиностроителей Новочеркасска, вооружённое восстание шахтёров Экибастуза в Казахстане. Недовольство бывших «братских народов» Восточной Германии, Венгрии, Польши, Чехословакии необольшевики успокаивали с помощью танков.

Репрессированные народы. О реабилитации

Последним и высшим достижением большевиков в национальной политике был геноцид, истребление людей по национальному признаку, уничтожение целых народов. Поскольку в геноциде обычно обвиняли только фашистов, истреблявших, в частности, евреев и цыган, то наследники большевиков не хотят и слышать о геноциде в СССР. Они используют расплывчатые выражения типа «нарушение законности». В российском законодательстве применяется термин «репрессированные народы».

В процессе обсуждения условий Тартуского мирного договора 1920 г. финляндская сторона настояла на решении вопроса о правах ингерманландского финского населения. Поэтому правительство РСФСР присоединило к договору своё Заявление

от 14 октября 1920 г.: «Российская делегация от имени Российской Советской Федеративной Социалистической Республики заявляет, что всё финское население Петроградской губернии в полной мере пользуется всеми правами и преимуществами, которые советские законы предоставляют национальным меньшинствам. Это означает, в частности, что упомянутое финское население имеет право в рамках государственных законов и установлений свободно организовать национальную просветительскую деятельность, общинное и межобщинное управление, а также местное судопроизводство; право в национальной просветительской деятельности, а также и в других внутренних делах свободно использовать язык местного населения».

Таким образом, советское правительство гарантировало перед всем миром права ингерманландских финнов. Последовавшее десятилетие было относительно спокойным временем. Вожди были заняты дракой за власть. Коллективизация на северо-западе России проходила позднее, чем в других областях. Кроме того, Ленинградской областью в эти годы правили большевики не «ортодоксальные»: до 1926 г. – Г. Зиновьев, до декабря 1934 г. – С. Киров.

В соответствии с Тартуским договором на Карельском перешейке был образован Куйвозовский (он же с 1927 г. – Токсовский) финский национальный район. В нём было 32 тысячи жителей, 193 деревни, 139 колхозов. Официальный язык был финский. Имелись местная газета и радио. Это был единственный в Ленинградской области финский район. В Ингерманландии в целом сохранялись сложившиеся уклад и условия жизни. Руководящие кадры, специалисты учреждений и хозяйства были из финнов. Во всех деревнях преподавание в школах велось на родном языке. Несмотря на государственный атеизм ещё действовали многие церкви. Кстати, в 1919 г. в Ингерманландии было 30 церковных лютеранских приходов, 132 тысячи прихожан из 1124 деревень. Люди верили в Бога и усердно трудились, как учили их отцы и деды. Люди верили в справедливость и порядочность властей и не могли подозревать о надвигающихся бедствиях.

Всесильный НКВД самовольно решал судьбы малых народов. В апреле 1935 г. он направил в пограничные районы распоряже-

ние «Об очистке 22-километровой погранполосы от кулацкого и антисоветского элемента». Это была подготовка к «зимней» войне между СССР и Финляндией. Её совместили с пиком раскулачивания и репрессиями против классовых врагов и церкви, чтобы на этом «фоне» расправа над финнами прошла менее заметно. Центр финского района был заранее перенесён в Токсово, потому что деревня Куйвози попала в «полосу очистки». За одни сутки из погранзоны за пределы Ленинградской области выселили более 20 тысяч финнов. На них уже не распространялись «права финского населения Петроградской губернии», гарантированные в Тарту.

Затем пришло время ежовщины и ждановщины. Большевики взялись за финских националистов. НКВД сфабриковал дело «Контрреволюционной финской националистической организации Ровио и Гюллинга». Г. Ровио (1887–1938) – старый друг Ленина. Э. Гюллинг (1881–1944) – начальник штаба Красной гвардии в Хельсинки в 1918 г. и председатель Совнаркома Карельской АССР в 1923–1925 гг. (Оба «контрреволюционеры» отлично знали своего бывшего соратника О. Куусинена.) Процесс по делу длился более двух лет. В длинном списке арестованных и расстрелянных финнов Ингерманландии и Карелии интеллигенция и руководящие кадры – партийные, советские, общественные и хозяйственные работники, военнослужащие. В этом же списке и отец автора этих строк.

В 1938 г. в Ингерманландии были уничтожены все элементы финской автономии и культуры. Ликвидирован Токсовский национальный район. Упразднена кафедра финского языка в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена. Ликвидирован Гатчинский (до 1927 г. – Троицкий) финский педагогический техникум. С января 1938 г. запрещено преподавание и употребление финского языка в школах. Закрыто финское издательство, прекращён выпуск журналов и газет. Закрыты и разрушены последние церкви.

Понятие «народ» определяют общий язык и культура наряду с общей территорией проживания. В старину в России слово «язык» означало «народ». Запрещение языка равносильно уничтожению народа.

Началась война с фашистской Германией. Командующий Северным фронтом приказал 21 августа 1941 г. выселить из Ленинграда и области «социально опасных лиц», то есть финское и немецкое население. Инициаторами приказа были Жданов и Маленков, которые согласовали со Сталиным план выселения финнов и немцев с указанием мест ссылки. Вышел соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР. Выполнить приказ помешала начавшаяся 8 сентября блокада Ленинграда.

9 марта 1942 г. вышло знаменитое Постановление № 00713 Военного Совета Ленинградского фронта «О выселении из Ленинграда в административном порядке социально опасного элемента». За три дня, 26–28 марта, оказавшихся в блокаде 50 тысяч финнов из Ленинграда и районов Всеволожска и Ораниенбаума перевезли по льду через Ладожское озеро. Их погрузили в товарные вагоны и отправили в Сибирь. По распоряжению Жданова, члена того же Военного Совета, погрузкой и отправкой ссыльных руководил заместитель начальника Кировской железной дороги В. Виролайнен.

В 1943 г. германское командование вывезло из оккупированных районов Ленинградской области через Эстонию в Финляндию около 70 тысяч финнов. После выхода Финляндии из войны 55 тысяч из них зимой 1944–1945 гг. вернулись на родину. Но домой их не пустили, провезли мимо Ленинграда и под охраной отправили в ссылку. План геноцида финнов-ингерманландцев был выполнен.

В царской России, которую большевики называли «тюрьмой народов», численность финнов в середине XIX в. составляла 72 тысячи, в 1917 г. – 140 тысяч. В результате террора 1930-х гг. финское население Ленинградской области сократилось со 150 тысяч (1930 г.) до 120 тысяч (1941 г.). Дальнейшая активность большевиков привела к следующей динамике численности финнов в СССР: 1960 г. – 92 тыс., 1970 г. – 85 тыс., 1980 г. – 73 тыс., 1990 г. – 67 тыс. В 2000 г. в России проживало около 47 тысяч финнов, из них 17 тысяч в Петербурге и Ленинградской области. Остальные разбросаны по разным областям страны.

Советских немцев перед войной с Германией заранее выселили из пограничных районов, а затем – из прифронтовых. 28 ав-

густа 1941 г. была ликвидирована АССР немцев Поволжья. Это сделано по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Их было в 1939 г. 605 тысяч. Новую «родину» потомкам немецких мастеровых людей и крестьян, которых приглашали в Россию Пётр I и Екатерина II, нашли в Сибири и Казахстане. Туда же вывезли немцев из Закавказья и всех областей европейской части СССР.

А предки финнов-ингерманландцев жили на берегах Невы и Ладоги почти с Рождества Христова. Никаких враждебных действий против советской власти ни финны, ни немцы не допускали. Единственной причиной их репрессирования была национальность. Большевики видели в них только потенциальных изменников родины, преступников. Дискриминация по национальному признаку продолжалась и в послевоенные годы, когда из паспортов уже изъяли пресловутую 38-ю статью, ограничивающую свободу передвижения и выбор места жительства. Графа «национальность» в паспорте определяла место немца и финна в советском обществе. Им не разрешалось работать на многих предприятиях, учиться в вузах Москвы и Ленинграда, жить в ряде городов. До начала 1960-х гг. о поездках за границу не могло быть и речи.

Память о войне, гибели своих близких мешала некоторым людям адекватно относиться к немцам и финнам, своим согражданам. Таковы результаты примитивного большевистского воспитания людей, воспитания вражды и недоверия между народами СССР.

Во время войны были репрессированы и изгнаны из родных мест многие народы, оказавшиеся в оккупированных фашистами или прифронтовых районах. Эта судьба постигла калмыков (1943 г.), крымских татар (1944 г.), народы Северного Кавказа – чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев (1944 г.). Их автономные республики и области были ликвидированы. Крымских татар выслали в Узбекистан, многие народы – в обширные степи Казахстана и Сибирь. Поводом для расправы над народами послужило то, что какие-то группы людей данной национальности сотрудничали с фашистами.

До века большевизма в истории не было случая, чтобы в

ссылку отправляли целые народы. Кого же ссылали в дальние края? Это были, в основном, женщины, дети и старики. Мужчины были либо на фронте, либо в «трудовой армии» на принудительных работах. Для всех изгнанников появился Указ от 26 ноября 1948 г., который предупреждал, что «немцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы, крымские татары и другие народности переселены в отдалённые районы навечно, и самовольный выезд их с мест поселения карается каторжными работами сроком до 20 лет». В 1949 г. около двух тысяч человек, бежавших из ссылки, были осуждены Особым совещанием на двадцать лет каторги.

В 1957 г. Хрущёв объявил о реабилитации жертв политических репрессий и восстановлении ранее ликвидированных автономных образований репрессированных народов, кроме крымских татар и немцев. В восстановленные автономные регионы люди возвращались в течение десятков лет, после долгой процедуры индивидуального для каждого человека оформления документов и всяких организационных неурядиц. А ссылали целые народы в течение суток очень организованно!

О татарах, бывшем коренном населении Крыма, Хрущёв не сказал ни слова. Об этом народе до сих пор — полное молчание официальных властей. В советских справочниках есть только такая фраза: «Крымско-татарский язык — язык татар, живших до 1944 г. в Крыму и проживающих в Узбекской ССР». Власти ничего не предприняли для реабилитации и восстановления Крымской АССР. Самовольно возвратившиеся в Крым татары живут в бедственных условиях.

Немцы, самый большой из репрессированных народов (около двух миллионов в 1980 г.), также не восстановлены в правах. Долгие годы решение вопроса об автономии откладывали под предлогом отсутствия в Поволжье свободных земель. После распада СССР немцы остались в суверенном Казахстане, и их проблемы никого не волнуют. Молодёжь, не имея никаких надежд на будущее, эмигрирует в Германию.

К вопросу о реабилитации репрессированных народов Верховные Советы СССР и России вернулись вновь уже в последние годы «коммунизма», когда государство разваливалось и никакие

законы уже не действовали. Вышли в свет государственные документы общего характера: «Декларация Верховного Совета СССР о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» (ноябрь 1989 г.); «Закон РСФСР о репрессированных народах» (апрель 1990 г.); «Закон РСФСР о реабилитации репрессированных народов» (май 1991 г.); «Закон РСФСР о реабилитации жертв политических репрессий» (октябрь 1991 г.).

Последний закон касался всех людей, которые «стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам». В законе дан механизм индивидуальной реабилитации каждого человека, перечислены льготы для жертв репрессий. На основании этого закона автор этих строк, репрессированный в десятилетнем возрасте (март 1942 г.), был реабилитирован в апреле 1996 г., то есть всю свою жизнь числился опасным преступником.

О проблеме финнов-ингерманландцев большевики вообще не упоминали. Хрущёв ликвидировал Карело-Финскую ССР, последнее легитимное убежище для финнов, и закрыл проблему. О ней забыли. В перечисленных выше законах финны вообще не названы, их можно подразумевать под словами «и другие народы». Финнов включили в список репрессированных народов только в результате работы Союза ингерманландских финнов, основанного в январе 1989 года в Ленинградской области. Наконец, 29 июня 1993 г. вышло Постановление № 5291-1 Верховного Совета России «О реабилитации российских финнов», подписанное Председателем Верховного Совета Р. Хасбулатовым. Это чеченец, то есть человек, понимающий национальные проблемы, знающий их не понаслышке. Вот первые три пункта постановления:

«В целях восстановления исторической справедливости в отношении репрессированных российских финнов, их реабилитации, основываясь на Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», Верховный Совет Российской Федерации постановляет:

1. Признать противоправными и утратившими силу все акты, принятые в 30–40 е годы в отношении российских финнов и послужившие основанием для политических репрессий против них: насильственного выселения из мест традиционного проживания на территории Российской Федерации, установления режима спецпоселения, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, иных ограничений прав и свобод.

2. Признать в соответствии с Законом РФ «О реабилитации репрессированных народов», что политическая реабилитация российских финнов означает их право на свободное национальное развитие – обеспечение им равных с другими народами возможностей в осуществлении своих политических прав и свобод, гарантированных действующим законодательством, и добровольное их возвращение на индивидуальной основе в места традиционного проживания.

3. Реабилитация отдельных граждан из числа российских финнов, незаконно подвергшихся преследованиям и репрессиям в административном порядке по политическим мотивам, а также в связи с их национальной принадлежностью, осуществляется в индивидуальном порядке в соответствии с Законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий». Настоящее положение распространяется на лиц, непосредственно подвергшихся незаконным репрессиям, а также родившихся в семьях, находившихся на режиме спецпоселения».

Далее в постановлении следуют практические рекомендации правительству РФ и органам местного самоуправления по вопросам реабилитации финнов. Однако эти рекомендации никогда ни к чему не обязывали. Законы, необходимые для полной реабилитации финнов, приняты не были.

За годы от начала геноцида (1935 г.) сменилось три поколения. Сейчас говорить об организованном (а не на индивидуальной основе!) добровольном возвращении финнов на родину, создании условий для компактного проживания и восстановлении национальных ценностей говорить уже не приходится. Поздно. О возрождении Ингерманландии можно только мечтать, вспоминая прошлое.

ЧАСТЬ II

СУДЬБА ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Глава I

ОТ ПЕРВОЙ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Этот раздел книги проще было бы назвать частной семейной историей. Однако в процессе изложения невозможно оставаться в рамках автобиографии, поскольку судьба каждой семьи была частью судьбы небольшого народа – ингерманландских финнов. Кроме того, жизнь всех людей зависела от тех, которые «в битвах решали судьбу поколений»¹. Поэтому далее приходится иногда повторно обращаться к ранее упомянутым моментам истории. Это просто необходимо, так как за последние годы стали известными факты и подробности, о которых помалкивали советские историки.

Естественно, наши родители семейного архива не заводили, писем не хранили, дневников не вели. Матери удалось сохранить лишь несколько страниц из партийного личного дела отца, которое он держал в своём сейфе. Мы с Нийлом в активные годы были, как положено, под опекой КГБ, да и времени не было на воспоминания. А теперь, без брата, я могу сослаться только на редкие беседы с ним о былых временах. (Наши воспоминания о первой половине 1930-х гг. скудны.) И всё-таки хотелось бы оставить какую-то память о нашем прошлом, «в назидание» потомкам. Возможно, что-то окажется достойным внимания.

¹ Строка советского гимна 1943 года, позднее вычеркнутая.

Веллингонт и Вииттолово

Эти родные деревни наших матери и отца стояли километрах в двадцати пяти одна от другой. От каждой из них столько же было до Дворцовой площади¹. Но разница в их цивилизованности из-за неодинаковой связи с Петербургом была заметная. Веллингонт (*Vellonkontu*, церковный приход *Hietämäki*) был в относительной глуши, севернее Ропши, где гвардейцы Екатерины II убили царя Петра III. Вииттолово (*Viittala*, приход *Tuutari*) находилось на царской дороге Петербург – Варшава, нынешнем Киевском шоссе, между сёлами Царским и Красным. Район Пулковских и Дудергофских высот, лучшие места губернии, Романовы недаром выбрали для своих замечательных дворцов. Здесь была наибольшая плотность чисто финского сельского населения.

Всё осталось в далёком прошлом. Война стёрла даже следы отрядных деревень, как и сотен других деревень Ингерманландии, и восстанавливать их было некому. В свою очередь, безжалостное время стёрло память людей. Из моих родственников мало кто видел и почти никто не помнит дедов и бабушек. О прадедах и говорить не приходится. Главная причина этого в том, что коротка была жизнь крестьян, особенно мужчин. Они не доживали до старости из-за частых войн, сырого климата, болезней, непрерывной тяжёлой работы с детских лет. Мы мало знаем о предках также потому, что у них никогда не бывало нужды в каких-либо, кроме паспорта, документах. Ведь любую родословную и все основные моменты жизни каждого человека от начала XVII в. с большой точностью можно было восстановить по книгам церковных приходов.

Ханнолайнены. Веллингонт был окружён природой, ещё не тронутой веком техники. Местность холмистая, обширные леса, особенно хорош был ропшинский лес. До сороковых годов на болотах водилось много морошки, которой сейчас там не найдёшь: она любит чистоту первозданной природы.

Летом ребяташки ходили в соседнее большое финское село

¹ См. схематическую карту Ингерманландии (стр. 61)



Семья Ханнолайнен: Ева, Эльза, Соня и мать Евы (1914 г.)

Разбегай (*Rospeekki*)¹ купаться в речке Стрелке (*Nuolijoki*), впадающей в Финский залив в Стрельне. Со времён Петра Великого вдоль речки шла мощёная камнем дорога из Стрельны в Ропшу, имение князя-кесаря Фёдора Ромодановского (1640–1717), любимца Петра.

¹ Возможный первоначальный вариант названия – *Rosvopesä* – разбойничье гнездо.

Чудесная природа всегда вдохновляла людей. Предки мои были христианами, но хранили сказки и романтические предания языческих времён. Наша мать, ссылаясь на бабу Еву, говорила, что когда-то в этих краях Лённрот (*Lönnrot*) записывал народные рассказы и сказки. В связи с этим мать считала, что деревня в старину называлась вовсе не *Vellonkontu*, но более загадочно – *Velhonkontu*, усадьба колдуна.

Крестьяне – народ, привычный к любым условиям. Во все времена, при всякой власти, при любых поборах и налогах крестьянин не считал себя бедным, если у него было достаточно земли и много рабочих рук – детей, помощников. В Веллингонте не было бедняков в ленинском смысле, то есть семей, близких к нищете. Но и о богатстве не было понятия. Относительные благополучие и достаток доставались нелегко.

В каждом семейном хозяйстве производили для себя почти всё необходимое. Небольшие деньги заводились только зимой, когда из деревни отправлялись обозы саней с товарами в Питер и Стрельну. В хозяйствах больших семей были поля ржи, овса, картофеля, льна, огороды с овощами, сенокосы, всякая живность от лошади до котёнка. Родители и дети работали круглый год.

У деда, Абрама Ивановича Ханнолайнена (1870–1912) от первой жены Елены (около 1878–1904) было три сына – Пётр (1898–1932), Иван (1900–1960) и Александр (1902–1919). Баба Ева (1875–1945) пришла в дом Абрама с дочерью Екатериной (1896–1979) от первого мужа, погибшего на Кавказе в одном из турецких походов. Дед удочерил Катю, ставшую незаменимой помощницей хозяйки. Едва женившись, Абрам в 1904 г. ушёл на японскую войну. Зимой в окопах на сопках Манчжурии заболел чахоткой и вернулся домой, к большой семье, хозяйству. Дед недолго прожил, но успел оставить бабе Еве ещё трёх дочерей – Софию (1906–1992), Марию (1908–1912) и Эльзу (1910–1992). Толпа сопливых была шумной. Баба Ева частенько звала мужа на помощь: «Иди сюда, тут твои и мои обижают наших!»

Утроилось забот у бабы Евы, когда она осталась одна с детьми. Но уже к Первой мировой войне подросли сыновья, справляться с хозяйством стало легче. И всё же на время сева и уборки Ева нанимала одного или двух работников. Скоро Пётр обзавёл-



Катя Ханнолайнен (1910 г.)



Иван Ханнолайнен (1922 г.)

ся своим домом. Жена Мария (1898–1975) родила ему дочь Герту (1921–1999). Ивана баба Ева оставила при себе, передала ему главные работы. Жена Ивана Анна-Мария (1900–1980) пыталась стать хозяйкой в доме. Но дядя Ваня, человек очень добрый, пресёк претензии жены, потребовал во всём слушаться мачехи – главы семейства. У них было два сына – Рейно (1924–1981) и Георгий (род. в 1936). Жаль было бабе Еве отпускать из дому свою Катю, но пришло время. Её увёз в свою деревню Ольгино (*Ristikylä*, приход *Tyrö*) красивый парень Осип (*Juoseppi*) Муо-солайнен (1895–1942). У них родились Марта (1925) и Нийло (1936–1986).

Российские крестьяне пережили Великий Октябрь и Гражданскую войну. Потом большевики, не имея понятия в сельском хозяйстве, снова жестоко вторглись в их жизнь. К 1930 г. раскулачивание добралось до Ингерманландии. Однажды из Питера приехала комиссия, заинтересовалась благополучными хозяйствами. Бабу Еву чуть было не раскулачили: эксплуатировала батраков, имела лошадь с жеребёнком, плуги, бороны и прочее добро. Но всё же, отобрав лишнее, назвали хозяйство середняцким и приняли в колхоз.

Церковно-приходские школы в России при царе были повсюду. Кроме того, в больших деревнях имелись государственные начальные школы. Церковь обучала прихожан грамоте, хорошему пению, готовила подростков к конфирмации – утверждению в совершеннолетию. Государству требовались грамотные солдаты и матросы. При советской власти появились свои школы – первой и второй ступени, а потом школы колхозной молодёжи.

Настал 1921 год. Соня заканчивала школу. В деревне особым уважением пользовалась учительница Ольга Хямяляйнен, проработавшая в Веллингонте двадцать семь лет. Она умерла от голода в 1942 г. Сама старая дева, она призывала: «Ребята, женитесь на учительницах, они принесут культуру в деревню». От неё Соня узнала, что есть в городе Гатчине (по-новому Троицке) учительский техникум, и заявила матери, что пойдёт туда учиться. Баба Ева против: время тяжёлое, по всей России страшная голодуха. «Зачем тебе учиться? На учительскую зарплату не проживёшь, только на постное масло хватит. Найдём тебе работающего



Ева и Эльза Ханнолайнен (1935 г.)

парня. Рожайте детей, в доме помощники нужны», – убеждала она. Но у Сони характер, как у матери, она настояла на своём. Баба Ева рукой махнула – с нынешних девчонок толку мало. И Соня подалась в новую самостоятельную жизнь, навстречу своей судьбе. Через четыре года в Троицк уехала и Эльза.

На двадцать пятом километре Киевской дороги, у деревни Вииттолово на перекрёстке стоял гранитный дорожный знак¹. Чуть севернее шоссе пересекает знаменитая Волхонка,

¹ Фин. viitta – знак, вежа; viittaus – прощальный и приветственный взмах рукой. Отсюда и название деревни.

соединяющая резиденции Романовых Павловск, Царское Село, Стрельну и Петергоф. От Вииттолова до Царского Села около трёх километров, до железнодорожной станции Александровской немного дальше. Повсюду отличные, вымощенные камнем сельские дороги. Кроме того, на участке от Красного Села до Царского параллельно Киевскому шоссе проходят три железнодорожные линии – Балтийская, Варшавская и Витебская. Здесь, в центральной части Ингерманландии, в пределах трёх церковных приходов (*Skuoritsa, Tuutari, Venjoki*) была сосредоточена пятая часть всех финских деревень. Недаром Н. М. Карамзин, находясь летом в Царском Селе, жаловался, что живёт будто за границей.

Ближние вековые леса были вырублены ещё при Петре I на строительство новой столицы. Свободных земель не было, все заняты полями. Семейные наделы у крестьян небольшие и хозяйства скромнее, чем в Веллингонте. Многие жители деревень работали в ближних городах и Петербурге, а также на железной дороге. Население отличалось грамотностью и неплохим знанием русского языка.

Язык – дело тонкое, о нём стоит написать несколько строк. В те далёкие годы школы Ингерманландии были финноязычными, а русский язык был обязательным предметом. Уровень знания финнами государственного языка был достаточен для ежедневной деятельности и общения. Однако акцент родной речи чётко проявлялся у многих, и это разнообразило жизнь забавными анекдотами. Возвращаясь зимой из Питера, наш земляк мог заказать в пивной «сто рам, рушку пива, ряник, и ватит». А русскому человеку финский язык давался труднее. Портной Кирюшка, разъезжавший с швейной машиной Зингера по дудергофским деревням, имел небольшой запас финских слов, которые он употреблял согласно правилам русской грамматики. Привлекая внимание хозяек, он щёлкал огромными ножницами и громко вещал: «Корва лейккамать, перзе пайккамать!»¹ Ребятишки были в восторге от беседы с весёлым мастеровым.

¹ «Ухо резать, попу штопать!»



Мария и Генрих Райзер (1932 г.)

Риехкалайнены. Для поколения моих родителей главой рода являлся Андрей Петрович Риехкалайнен (ок. 1866–1919), известный как *Luukkalan Antti*. Подобные дополнительные имена или прозвища в деревнях присваивали, чтобы различать однофамильные семьи. Такие имена сохранялись многими поколениями, независимо от официальной фамилии, и были именами родовыми. О наших предках известно очень мало. Их могилы затеряны на исчезнувшем кладбище на дудергофской церковной горе (*Kirkonmäki*). Со времён Николая I, с 1836 г. там стояла прекрасная каменная церковь. Дед Андрей и бабушка Мария, в девичестве Роухиайнен (ок. 1869–1919), умерли в тяжёлый год, когда фронт Гражданской войны был возле Вииттолово. То белые, то красные, то продотряды из Питера занимали Пулковские и Дудергофские высоты, разоряли окрестные деревни. До революции хозяйство у деда Андрея было неплохое, во всяком случае, не бедное, как позднее утверждал его младший сын.

У старших Риехкалайненов были дочь Екатерина (1889–1935) и два сына – Пётр (1892–1942) и Иван (1898–1937). У Екатерины и её мужа Семёна Каппинена (1885–1942) детей было много, но войну пережили четверо: дочери Мария (род. в 1910) и Анни

(род. в 1921) и сыновья Тойво (род. в 1925) и Эйно (1932–1999). Мария с мужем Генрихом Райзером (1910–1982) в 1941 г. оказалась в Казахстане. Остальные Каппинен с 1943 г. жили в Финляндии.

У дяди Петра от первой жены Екатерины Каппинен (1892–1932) были дочери Мария (1915–1941) и Айно (род. в 1925) и сын Эйно (род. в 1928), от второй жены Марии Капанен (1899–1971) – дочь Хельми (род. в 1938). Айно и её муж Иван Кемппи (1912 – 1992) тоже оказались в 1943 г. в Финляндии, а Эйно и Хельми – в Эстонии¹.

Когда-то, теперь уже очень давно, в окрестностях Царского Села находились деревни с названиями, повторяющими фамилии потомков деда Андрея – Риехкала, Капписи, Кемпиля, Капаси, Ихалайси. Таким образом потомки хранят память о своих исчезнувших родных деревнях, своей родине. Историю моих родственников–иноземцев могут и должны написать они сами. А на мне осталась обязанность поведать об одной, довольно слабой ветви родословного древа – о семье Ивана Риехкалайнена. В моей памяти он, мой отец, остаётся как Иван Старший.

В 1915 г. дядю Петра взяли на германскую войну. Он оставил дома жену с маленькой Марией и больных родителей. Забота о них досталась Ивану, по здоровью он в солдаты не годился. Пётр вернулся домой в 1920 г., во время Гражданской, крепко обморозив ноги на фронте у Архангельска.

Иван мечтал учиться. Несмотря на приличный для ученика возраст, он в 1921 г. поступил в Троицкий финский педагогический техникум. Там и встретились наши будущие родители – Иван Риехкалайнен (*Luikkalan Juho*) и Соня Ханнолайнен.

Далее не помешает небольшой экскурс в историю российского народного просвещения, в 19-е столетие.

¹ В приведённых родословных я упоминаю только три поколения (наших дедов, отцов, братьев), ограничивая этим и хронологические рамки повести.

О народном просвещении. Молодые учителя

Император Александр I, будучи современником Великой Французской революции и последующих революций в Испании, Италии и Греции, пришёл к выводу: переход к конституционным формам власти должен происходить под охраной и контролем государства. В революционной обстановке войны и хаоса законность и порядок в стране не создать.

Александр II, учитывая опыт своего дяди, посвятил свою жизнь коренному преобразованию и реформам практически всех сторон жизни государства. За четверть века своего правления он сделал для развития страны больше, чем все предыдущие правители России, вместе взятые.

Одной из важнейших была реформа народного образования. Ещё до начала 1860-х гг. по всем губерниям России распространилось движение российской интеллигенции за просвещение народа. Открывались начальные народные школы с преподаванием на языках местного населения. Появились учительские семинарии и высшие женские курсы (например, знаменитые Бестужевские в Петербурге), которые готовили преподавателей для народных школ.

Лишь в Княжестве Финляндском, где до середины XIX в. господствовал шведский язык и правили шведские чиновники, реформа Александра II встретила сопротивление властей. В университете г. Турку преподавание велось только на шведском и латыни. В *Alma mater* студентам запрещали разговаривать по-фински.

В годовщину 200-летия университета (1840 г.) уволенный за свободомыслие преподаватель Снельман (*Juhana Snellman*) писал из-за границы: «Наше несчастное отечество, веками не знавшее независимости, пришло в такое состояние, что нет там никакой любви к отечеству. Потому что образованную часть (шведскую) ничуть не волнует духовное и материальное развитие части необразованной (финской). Разве кто-нибудь из учёных мужей утруждает хоть на минуту голову свою мыслью о просвещении финского народа? Никогда не поднять [с колен] народное большинство, покуда языком суда и школы остаётся

шведский. Финляндия ничего не добьётся насилем, единственное её спасение – в силе просвещения»¹.

В 1863 г. Снельман и его единомышленники добились утверждения Сенатом указа Александра II о введении двух равноправных государственных языков – финского и шведского.

Финны-ингерманландцы не знали языковых затруднений. Школьная реформа проводилась в спокойной, деловой обстановке. Росла сеть народных школ. Гатчинская (в Малых Колпанах) финская учительская семинария была открыта в 1863 г.

Молодость наших родителей совпала с недолгим временем своеобразного ренессанса, духовного и культурного подъёма ингерманландцев. За десятилетие (1920–1930) у людей появилась надежда, что войнам, террору и насилию пришёл конец. Невзирая на голодные времена, наблюдались энтузиазм и творческая активность молодёжи, принявшей на веру идеи и лозунги свободы, равенства, братства. Только старые мудрые крестьяне, осторожные и консервативные, не спешили восторгаться новой жизнью. Г. Зиновьев, первый советский руководитель Петроградской губернии, был не типичным, рьяным, большевиком. Во всяком случае, он как будто всерьёз принял и выполнял касающиеся Ингерманландии условия Тартуского мирного договора с Финляндией 1920 г. Ингерманландцы, не зная всяких политических хитростей, увидели добрые перемены и потом не раз вспоминали это «время народного подъёма».

Увлечённые благородными идеями, а также гонимые мировым экономическим кризисом 1920-х гг., тысячи финнов из Финляндии, Швеции, Канады, США ехали в Петроград, Ингерманландию, Карелию помогать строить светлое будущее человечества. В большинстве это были честные люди, даже не коммунисты. Наравне с местными кадрами они работали в вузах, техникумах, сельских школах, различных губернских и районных управлениях, учреждениях культуры и образования. Не хватало финноязычных чиновников. Эти «интернационалисты» привезли с собой песню – мечту большевиков о будущей счаст-

¹ Mantere – Sarva. Historian oppikirja. Helsinki, 1939, s. 291. (Перевод автора.)

ливой советской Финляндии. Из той песни, давно позабытой, мне запомнились две строчки:

*Helsingissä punalippu liehuu,
Jossa on sirppi ja vasara¹.*

Пели эту песню ученики и выпускники Гатчинского техникума, но только до конца двадцатых годов.

Касаясь подготовки кадров для Ингерманландии, грешно не упомянуть работавшую с 1921 г. в Москве международную «кузницу кадров». Это Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. Его Ленинградский филиал, носивший имя Зиновьева, готовил руководящие кадры из коммунистов разных национальностей, в том числе финнов, немцев, эстонцев, латышей. Один из родственников деда Андрея был тоже среди студентов филиала (имени не привожу). Многие преподаватели и студенты не миновали большевистских репрессий.

В 1918 г. Гатчину переименовали в Троцк. Учительскую семинарию из Малых Колпан перевели в центр города, на улицу 25 октября, и преобразовали в Троцкий финский педагогический техникум. Техникум оснастили по тому времени современнейшим образом. Преподавателей пригласили из Петрограда и Финляндии. Техникум готовил не просто педагогов, а специалистов с обширными знаниями и мастеров на все руки. Именно такие учителя были нужны для сельских школ. Специалистов сельского хозяйства не хватало, и крестьяне обращались к учителю за советом по любому делу, от домоводства до борьбы с вредителями растений. Даже деревенский кузнец мог спросить учителя, как лучше закалить инструмент. Крестьяне считали, что их учитель знает всё. В Троцкий техникум принимали предпочтительно сельскую молодёжь на государственную стипендию.

Большевики умело и успешно вели политическую обработку молодёжи, внедряли в её сознание идеи коммунизма. Политическое образование в СССР всегда считалось выше любого профессионального. В техникуме Ивана хвалили не за отлич-

¹ Над Хельсинки реет красный флаг с серпом и молотом. (Перевод автора.)



*Выпускники техникума (1925 г.). В правом верхнем углу
Соня Ханнолайнен, рядом в кепке Юхо Риехкалайнен*

ную учёбу, а за политическую пропаганду среди крестьян. Соня вступила в комсомол, получала похвальные грамоты за активное участие в молодёжных кружках. Она любила хоровое пение. Народные финские песни ещё звучали, но уже стали преобладать песни, зовущие к мировой революции:

*Вперёд, заре навстречу,
Товарищи, в борьбе
Штыками и картечью
Проложим путь себе!*

За полгода до окончания техникума Иван подал в партийную ячейку заявление с просьбой принять его в РКП(б). Рекомендации дали члены ячейки Вяйнё Хауккариутта, Густав Ренквист и Харольд Рийхонен¹. С начала 1920-х гг. РКП(б) постоянно ли-

¹ Здесь и далее имена подлинные (иногда в русской транскрипции) и приводятся с целью напомнить о простых людях, безусловно, честных, но, возможно, уже забытых.

хорадило. Большевики регулярно чистили свои конюшни, выгоняли неугодных членов, принимали новых. Между Сталиным и Троцким шла жестокая борьба за власть, поэтому каждого вступающего в РКП(б) проверяли на предмет причастия к троцкизму, причём подозревали всех. На эту работу уходили годы, поэтому большевикам было не до национального вопроса.

После дискуссии о профсоюзах к профсоюзным работникам и активистам партия тоже относилась с подозрением. Из крестьян в РКП(б) принимали самых бедных, нередко плохих хозяев и батраков. При оформлении документов вступающий в партию должен был учитывать все элементы политической погоды и чувствовать, что может таиться за каждым коварным



*Антти, друг Юхо
(август 1925 г.).*

вопросом заполняемой анкеты. На вопрос «Принимаете ли участие в профработе и какое именно?» Иван Риехкалайнен ответил лучшим образом: «В профсоюзе не состою». А вот с крестьянским вопросом дело было сложнее: «Сохраняете ли связь с деревней? Какую именно?» Ясно, что крестьянин, находясь рядом с родной деревней, не мог оторваться от родных и друзей. Кроме того, будущий сельский учитель обязан иметь связь с деревней. Однако Иван записал в анкете ответ: «Не сохраняю». А в автобиографии Иван, конечно, преувеличил бедность своих покойных родителей, назвав их хозяйство «ничтожным». Ознакомившись с личным делом Ивана, я сейчас бы посоветовал: «Дорогой Юхо, я уже старше твоего отца, а ты ещё неопытен. Возьми назад своё заявление». Но тогда мы с ним ещё не были знакомы. 15 мая 1925 г. Ленинградский губернский комитет РКП(б) утвердил Ивана Риехкалайнена кандидатом в члены партии с двухгодичным кандидатским стажем.

А через месяц, 15 июня, экзаменационная комиссия выдала Ивану «Свидетельство об окончании техникума и присвоении ему звания кандидата на должность учителя финских трудовых школ первой ступени». Теперь подобный документ стал исторической реликвией, и его копия здесь приводится (стр. 75). Аналогичный документ Софии Ханнолайнен исчез, изъятый инспектором РОНО из её личного дела в 1929 г., когда имя Троцкого стало ругательным.

Соню и Ивана направили на работу учителями в Куйвозовский финский национальный район, её – в деревню Карабселька (*Korπισelkä*), его – в Мистолово (*Mistola*), приход *Toksova – Naarakangas*. В декабре 1925 г. Иван и Соня поженились, и с сентября следующего года они работали вместе в Лемболове (*Lempraala*). Копия свидетельства о браке приводится в качестве образца официального документа давно минувших дней (стр. 76).

Деревня Лемболово находилась у южной оконечности одноимённого озера, недалеко от границы с Финляндией. При тогдашних дорогах и транспорте это было словно «у чёрта на куличках». И в самом деле, названия пошли от слова *lempo* – злой дух, чёрт. Этот злодей обитал в обширных окрестных болотах и

V. S. F. N. T.

Leningi 1 Kans. val. os.

LEXINGHAPROFESSOR

Trotskin Suomenkielinen

Pedagooginen Teknikumi

15^p päivä kesäkuuta 1925

TROTSK

Lokak. 25 pn. katu. № 10.



TODISTUS.

Trotskin Suomenkielisen Pedagoogisen Teknikumin Tutkijakomissionin päätöksen mukaan ja Pedagoogisista Tekeikumeista annetun asetuksen perusteella on tämä annettu todistukseksi siitä, että kansalainen

*Julio Antti-poika
Riekkalainen*

joka on syntynyt vuonna 1898 29^pinä huhti kuuta ja

tullut oppivuotena 1921 1^p päivä syyskuuta Trotskin Suomenkielisen

Pedagoogisen Teknikumin oppilaaksi, päätti sen täytettyään kaikki opetusamm-
telman vaatimukset ja sen tähden kansalainen *Julio Riekkalainen*

kvalifikaation antamisesta ammattikoulun päättäneille annetun asetuksen 5 §:n
perusteella, julistetaan kandidaatiksi suomenkielisen I asteen yhteisten työkou-
lujen opettajantöihin.

Tutkijakomissionin puheenjohtaja:

L. V. P. O. Suominen

Teknikumin johtaja:

A. M. Mäkelä

Teknikumin apulaisjohtaja:

M. K. Kivimäki

Tutkijakomissionin sihteeri:

M. K. Kivimäki

Свидетельство об окончании техникума

Свидетельство о браке

Стол записей актов гражданского состояния		1925 ГОД.	
№ при	№ записи	ВЫГИБЬ	
о браке.			
1	№ записи	39	
2	Число в месяц и наименование брака	7/XI-25г.	
3	Фамилии и инициалы	Свидетели о женихе	о невесте
		Саввастьян, Лантманн,	
		Вед. м. п.	Св. м. п.
		27.11	1925
4	Подписное местожительство (указать подробный адрес)	дер. Сидорова, Рязанской губ.	дер. Наровская, Рязанской губ.
5	Род занятий	С. м. п.	И. м. п.
6	Холост, вдов, разведен.	Свободен.	Свободен.
7	Семейное положение	Девца, вдова, разведена.	Девца.
8	В каком из случаев брак регистрируется	Свободен.	Свободен.

9	Фамилии, которой желают именоваться брачующиеся.	Лантманн
10	Особые примечания.	Брачный акт в силу закона принят в закон, согласно свидетельства Ф. В. Д. за № 402.
11	Подпис жениха и невесты с собственноручным изъяснением о добровольном вступлении в брак.	Лантманн
12	Подпис должностных лиц, совершивших запись.	Вед. м. п. Свободен Св. м. п. Свободен

лесах, в путанице бесчисленных речек и озёр. Люди там часто блуждали, иногда пропадали бесследно.

Почти вся топонимика в Ингерманландии первоначально была финноязычной, связанной главным образом с природой, и разнообразной, как сама природа. Российские чиновники, конечно, не могли фонетически точно внести в государственные документы местные финские названия. По мере прохождения по различным инстанциям названия обрастали огрехами в зависимости от числа и грамотности переписчиков. В результате могла получиться забавная чушь: *Korpiselkä* – Карабселька, *Tikanpesä* – Тикопись, *Metsäpirtti* – Нечеперть. Время работало быстро: *Saarenkylä* при Державине – Саарское село, а при Пушкине – Царское Село. Попадают довольно точные переводы: *Haarakangas* – Осиновая роща, *Valkeasaari* – Белоостров, который у дальтоники стал Красноостровом. Фонетически точных названий совсем немного, например, река Нева – от *neva* – болотистая.

В начальных школах учительствовали преимущественно женщины. На сохранившихся у матери групповых фотографиях учителей строгий, в неярких тонах стиль одежды. Украшений минимум, самых простых, причёски без изысков. Наша мать имела одну лишь брошь, овальную, из уральской яшмы. Зимой к серому свитеру собственной работы прицепляла модный тогда сувенир – финский ножик (*puukko*) в кожаном чехле с бронзовой отделкой. Позднее носить его запретили. Красное платье надевала только в революционные праздники. Не пришлось нашей матери в нарядах погулять.

30 августа 1927 г. отец написал в Куйвозовский райком ВКП(б) прошение о переводе из кандидатов в члены партии. На этот раз рекомендующими были: Яло Кохонен, член ячейки ВКП(б) Народного Комиссариата просвещения СССР (Москва); Иван Мюллер, член лемболовской ячейки; А. Хирвонен, член той же ячейки и член райкома. Стоит привести выдержку из рекомендации от Яло Кохонена: «Я знаю Юхо Риехкалайнен как активного общественного работника и сторонника диктатуры пролетариата и международной революции. Беру полную ответственность перед партией за его деятельность». Решение о приёме в партию подписал секретарь райкома Викстрем. Все

партийные документы оформляли от руки на русском языке, только печать райкома была двуязычной. 7 февраля 1928 г. Ленинградский окружной комитет ВКП(б) утвердил приём Ивана Риехкалайнена «в действительные члены партии».

1 декабря 1927 г. в семье сторонника международной революции произошло более важное событие – родился мой брат Нийло. Забот и расходов прибавилось, а мать не работала. Отцу дали дополнительную должность инспектора Токсовского (бывшего Куйвозовского)¹ районного отдела народного образования. В 1929 г. молодая семья переехала в Кайдолово (*Suuri Kaitala*), где отец работал директором и преподавателем неполной средней школы колхозной молодёжи, а мать была учительницей начальных классов.

От романтики к реальности. Начало разгрома

Борьба за власть в верхах ВКП(б) продолжалась. Сталину удалось изгнать Троцкого и Зиновьева из Политбюро, Зиновьева одновременно из Коминтерна, а также из Ленинграда, где его заменил Киров. При всеобщем шуме и головокружении от успехов первой пятилетки шли судебные процессы против троцкистов и вредителей, началась ликвидация кулачества. В годы пятилетки и позднее Россию в очередной раз истязал голод. Ввели карточную систему продажи продуктов. Официально были запрещены всякие сообщения и разговоры о голоде, чтобы об этом не узнали за рубежом. Но делегаты VI конгресса Коминтерна (Москва, 1928) разнесли информацию по всему свету. К последнему, VII конгрессу (1935) карточную систему отменили. Сталин прекратил эти сборища болтунов и стал чистить их ряды. Большевики готовились к большим делам. Всё это как будто мало касалось жизни Ингерманландии, но люди внимательные чувствовали напряжённость атмосферы.

В 1931 г. жизнь семьи круто изменилась. Отец мечтал о выс-

¹ Центр финского автономного района понадобилось перенести подальше от границы.

шем образовании и получил от Токсовского РОНО направление в Ленинградский педагогический институт им. Герцена с сохранением зарплаты на время обучения. В июле отец привёз семью в Вииттолово. Мать стала заведующей и учителем второй Дудергофской школы первой ступени (она же Хумалистинская начальная школа в деревне *Humalisto*). Места и люди кругом были знакомые. В первой Дудергофской школе работала подруга матери, однокурсница по техникуму Екатерина Томберг (1906–1977). С первых же дней мать окунулась в дела школы и колхоза имени Красной артиллерии.

В самый разгар голода, летом 1932 г., я осчастливил родителей своим появлением на свет. Отец был на военном лагерном учении. Матери помогали дядя Пётр со своими ребятишками, а также Екатерина Томберг и её муж Георгий Парри (р. 1907)¹. В Талликовском (*Tallikola*) сельсовете Георгий Семёнович получил свидетельство о моём рождении, осмелившись назвать меня своим именем (*Yrjö*). Родился я в Детском Селе и тоже могу гордиться, что «отечество нам Царское Село». С первых минут я был криклив и слаб здоровьем. А через пару недель разболелся так, что добрые соседки советовали матери напрасно не плакать, а выбрать для младенца место рядом с дедом Андреем на Церковной горе. Мать рассказывала, что я «съел» её единственную драгоценность – серебряное колечко, подарок отца. Комсомолки не носили этот знак презренного мещанства. Мать продала его и в коммерческом магазине купила для меня риса. Я выкарабкался и к осени уже начал ползать. Мать устроила меня в ясли. Ей надо было работать, строить социализм и кормить своих сопливых. Кроме этого, успевала мать руководить колхозным хором и танцевальным кружком. Такая работа называлась ударной. И всё это при постоянной нужде, которая стала привычной нормой жизни.

1 октября 1933 г. сельсовет наградил Софию Риехкалайнен грамотой. Матери присвоили «почётное звание ударника четвёртого, завершающего года пятилетки за активную работу по социалистическому обновлению сельского хозяйства и деятельное участие в общественной жизни».

¹ С 1946 года они жили в Эстонии, в г. Вильянди.

Мои первые воспоминания относятся к весне 1935 г. Вечерами мать брала меня с собой на репетиции. Комсомольцы готовили концерт к столетию первого издания «Калевалы». В одной из калевальских песен повторялась звонкая строчка припева: «*Kullervo, Kullervo, Kalervon poika*». А хор школьниц очень трогательно пел про берёзку. Много лет спустя мать записала мне слова этой незатейливой песни. Параллельно привожу не очень удачный перевод.

*Yksin kasvoi kaunis koivu
Yksin kummilla yleni.
Ilman ikiystävättä,
Vailla vieruskumppania.
Tuota itki kaunis koivu,
Valkoviittainen valitti.
Kukaan ei kuullut valitusta,
Yksi vienotuuli kuuli.
Kuivaisi hän kyuneleet
Ja koivun lehdet tuuletteli.
Hiljaa itki kaunis koivu
Yksin kummilla yleni.*

*Одинокая берёзка
Вырастала на пригорке.
Нету друга дорогого,
Рядом нет родного сердца.
Горько плакала берёзка,
Белорукая роптала.
Жалобы никто не слышал,
Только слышал ветерочек.
Он сушил берёзке слёзы,
Освежал листву прохладой.
Тихо плакала берёзка
Одиноко на пригорке.*

Первое, что я запомнил об отце: я сидел у него на руке, он ходил, напевая что-то непонятное. По-русски я не знал ни слова. Отец тот не различал, но для исполнения его любимой песни «Глухой, неведомой тайгою» достаточно было простого сочувствия бродяге. Даже таких малых эпизодов, связанных с отцом, в моей памяти сохранилось немного. Всё остальное об отце я знаю по рассказам матери и Нийло. Но брату тоже недолго довелось общаться с отцом.

Отец начал обучение на отделении национальных меньшинств Герценовки. Но отделение это вскоре прикрыли, оставив родные языки в качестве учебных предметов. Срок обучения отцу сократили, так как за плечами был техникум и опыт работы. О содержании программы говорит справка об окончании института (стр. 81): половина учебных дисциплин – чисто марксистско-ленинская, педология (лженаука) зачёркнута.

С. Ф. Н
 ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА
 29/IX 64
 3705
 Ленинград
 М. Ф. № 48 Теле. № 88-40

СПРАВКА.

Дана настоящая справка гражданину РИЕХКАЛАЙНЕН Ивану Андреевичу в том, что он поступив в Ленинградский Педагогический Институт им. А. И. Герцена в октябре 1931 г. выполнил учебный план по ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ в марте 1935 года.

За время своего пребывания в Институте на указанном факультете гр. РИЕХКАЛАЙНЕН Иваном Андреевичем сданы следующие дисциплины:

- | | |
|--|-----------------|
| 1. Диалект | зачт. |
| 2. Истмат | хор. |
| 3. История Запада эпохи промышленного капитализма и империализма | хор. |
| 4. История народов СССР эпохи империализма | уд. |
| 5. История народов СССР эпохи промышленного капитализма | уд. |
| 6. Теория советского хозяйства | хор. |
| 7. История ВКП/б/ | уд. |
| 8. Ленинизм | уд. |
| 9. Политэкономика | уд. |
| 10. Методика по политэкономии | уд. |
| 11. Экономическая география капиталистического мира | уд. |
| 12. Экономполитика | хор. |
| 13. История экономических учений | уд. |
| 14. Немецкий язык | хор. |
| 15. Индустриальный | хор. |
| 16. Педагогика | хор. |
| 17. История педагогики | хор. |
| 18. Русский язык | хор. |
| 19. Родной язык / финский / | хор. |
| 20. Основы индустриального производства | зачт. |
| 21. Мастерские | зачт. |
| 22. Физкультура | зачт. |

Примечание: Диплом об окончании Института может быть выдан после того, как будет выдержан Государственный экзамен.

Директор Института *Давидович*
 Декан факультета *Т. Сидоров*
 Секретарь *Т. Сидоров*

Справка об окончании обучения в институте (1936 г.)

Большое внимание уделялось военному делу, готовили красных командиров взвода, готовых к войне против мирового империализма.

В марте 1935 г. в Токсовском РОНО отцу показали бумагу: «Вот команда из ОблОНО. Госэкзамен сдадите потом, когда вам будет удобно. А сейчас вы нужны в качестве директора Красноостровской школы. Приступайте к работе».

В райкоме партии обстановка была горячая. Готовились к проверке и обмену партбилетов, что означало очередную чистку ВКП(б). Когда один из членов райкома куда-то выбыл, вместо него избрали Ивана Риехкалайнена. В начале 1934 г. на XVII съезде партии Сталин заявил: «В ряде республик партийные организации ослабили борьбу против местного национализма, дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с враждебными силами, стал государственной опасностью»¹. Это был призыв к репрессиям против всех народов. Началось с действий, как будто незначительных для огромной страны: НКВД почти бесшумно провёл операцию «по очистке 22-километровой пограничной полосы». «Очистка» входила в план подготовки войны с Финляндией. Для Ингерманландии это стало началом её разгрома.

В апреле 1935 г. за одни сутки была опустошена вся северная часть Токсовского финского национального района. По официальным данным, было выслано более двадцати тысяч человек, не считая детей. Кадры НКВД забирали всех финнов подряд из сотен деревень. Людей загоняли в товарные вагоны и запирали двери. На площадках вагонов стояли часовые. Грузовыми путями состав за составом выходили за пределы Ленинграда и области. На станциях из репродукторов гремели песни. А в вагонах была тишина. Не шумела детвора, украдкой плакали и шептались женщины, изредка обменивались фразами мужчины. Куда везут – никто не знал. Токсовский райком пытался по телефону выяснить происходящее. Ленинград ответил: «Идёт очистка пограничной полосы от кулацкого и антисоветского элемента. Никаких сведений не разглашать, всякие слухи пресекать».

¹ История ВКП(б). Краткий курс. 1938, с. 307.

Коллективизация и раскулачивание в Ингерманландии прошли в 1930–1932 гг. Каким же образом в 1935 г. всё финское население бывшего Куйвозовского района оказалось кулацким плюс антисоветским? Мы не знаем, размышляли ли над этим вопросом в Токсовский райкоме.

Западный участок погранзоны очищали спокойнее и постепенно, чтобы не привлекать излишнего внимания иностранцев. Здесь предстояло выселить население и вывезти некоторые предприятия. Деревня Белоостров стояла недалеко от берега реки Сестры, по которой тогда проходила граница с Финляндией, установленная Александром I в 1811 г. и подтверждённая Тартуским договором. Недалеко находилась деревня Майнила и пограничная застава, ставшая в 1939 г. печально знаменитой.

К приезду отца в Белоостров финское население окружающих деревень уже заметно убыло. Была закрыта и разрушалась церковь. Я подбирал там всякие красивые обломки и похозяйски складывал в свой чемодан с игрушками. Отец привёз нас из Вииттолово в августе. Нийло готовился пойти в первый класс.

Двухэтажная, недавно построенная неполная средняя школа была рассчитана на шестьсот учащихся и оборудована отлично, лучше многих современных городских школ. Были лаборатории физики и химии, учебные мастерские и сельскохозяйственные участки – теплицы, огороды и прочее.

Преыдуший директор школы и многие учителя уже куда-то выехали. Директорская квартира для нас



Нийло и Юра (зима 1935 – 1936 гг.)

оказалась слишком просторной: все наши вещи помещались в нескольких чемоданах. Мать сохранила вещественное доказательство существования той школы. Это фотоснимок, сделанный учениками в школьной фотолаборатории. А на снимке я и Нийло на финских санках (*potkukelkka*) у школьного крыльца.

Окрестности Белоострова разорили весной 1936 г. Население двенадцати сельских советов выселили неизвестно куда. Отец получил из райцентра задание разобрать школу и перевезти её в Токсово. Этим он занимался всё лето.

Когда из классов вынесли парты и сложили в коридоре первого этажа, я с удовольствием лазил по этому нагромождению. Однажды упал и ушибся. Целую неделю я с матерью провёл в сестрорецкой больнице. Как приятный сон я запомнил весенние ясные дни и себя, завёрнутого в тёплую шаль, на коленях у матери. Последнее воспоминание о Белоострове — это брызги осколков шифера, когда разбирали школьную крышу. Мать увезла меня и Нийло в Веллингонт, чтобы мы не мешали работать. Мы провели лето у бабы Евы. Она немножко приучила нас к своим порядкам. Я выучил молитву *Isä meidän* (Отче наш) и читал её утром, перед завтраком. В конце августа мы вернулись домой, точнее, на новое место, в Кузьмолово.

Закончив перевозку белоостровской школы, отец попросил в роно и райкоме партии разрешения переехать в Красногвардейск (бывший Троцк), ближе к родным местам. Ему отказали и назначили директором школы в Кузьмолове. Вдобавок отца выбрали секретарём тамошней парторганизации, в которой было более двадцати членов ВКП(б). Время было славное. В стране шло всенародное обсуждение проекта Сталинской конституции. Отца включили в эту пропагандистскую кампанию. Одновременно продолжались проверка и обмен партбилетов, шла поголовная аттестация руководящих работников и интеллигенции. Иван и София Риехкалайнен были аттестованы комиссией облоно 20 декабря 1936 г.

А в Москве проходил открытый судебный процесс по делу троцкистско-зиновьевской банды убийц и шпионов. На собраниях трудящиеся требовали расстрела врагов народа. Газеты писали о самой демократической в мире конституции. Органы

были заняты поисками спрятавшихся повсюду врагов. Аппарат Ленинградского Управления НКВД подготовил секретное «Дело финских националистов», которые были иностранными шпионами и сомкнулись с зиновьевской и другими бандами. Напомнили, что ещё в 1935 г. был снят с работы и арестован председатель Совнаркома Карельской АССР Эдвард Гюллинг, один из вождей финляндской революции 1918 г. Он оказался главарём советских «финских националистов»¹. При расследовании это дело расширилось и дошло до финнов-ингерманландцев.

В октябре 1936 г. НКВД возглавил Н. И. Ежов. Нового опричника советская пресса восхваляла как верного ученика Сталина. Коммунистические поэты воспевали борьбу Ежова против врагов народа. Немногие из поэтов избежали участи «врагов». У одного из уцелевших, знаменитого А. Жарова (1904–1984) в стихотворении 1927 г. звучала жалоба:

*Я из тех, кто опоздал в подполье
И в тюрьму немного не успел.*

Однако спустя десять лет поэт не пожелал воспользоваться ежовским сервисом и сложил ещё много красивых партийных песен.

Арест. Дело Ивана Риехкалайнена

Жизнь продолжалась. Мать и отец осваивались на новом месте. С 1 сентября 1936 г. отец организовал моё обучение. За предыдущий год я справился с финским букварём и читал довольно прилично, а по-русски не знал ни слова. Отец был против яслей, где русскому языку детей обучали плоховато. Мать нашла для меня няню, русскую девушку Марусю, которая сносно говорила по-фински. Она приходила к нам утром, управлялась по хозяйству, занималась со мной и Нийлом, когда он приходил

¹ В те годы Карельская АССР подчинялась Ленинградскому обкому ВКП(б) и была в ведении Ленинградского управления внутренних дел.

из школы. Мать, возвратившись домой, отпускала Марусю. Такое обучение было лучше школьного. Через год я уже болтал по-русски и начал читать.

Оказавшись в районных партийных кругах, наш отец занялся также политическим воспитанием своих чад. Нийло окончил 2-й класс и весной 1937-го стал пионером, а я получил круглый значок с кудрявой детской головкой и ласковой надписью: «Октябрюта – внучата Ильича». Шла гражданская война в Испании. Нийло регулярно читал «Пионерскую правду», писавшую об испанских героях и их детях, которых увезли от войны в счастливую страну трудящихся. До сих пор помню строчки: «Везёт пароход драгоценный груз, везёт он в Советский Союз смуглых испанских детей».

Летом Нийло провёл месяц в токсовском пионерском лагере на берегу Кавголовского озера. Однажды мы всей семьёй навестили его там. Гуляли по берегу и сосновому бору. Почти напротив лагеря на берегу стоял одинокий домик. Отец сказал, что в нём живёт ленинградский профессор, человек очень учёный. И добавил, что мы тоже должны хорошо учиться. В конце 1940-х на месте профессорского домика Ленинградский Горный институт организовал учебный полигон геофизического факультета. А бывший пионерский берег стал отличным пляжем для ленинградцев. Вспоминая своё пионерское время, Нийло упоминал о большевистских приёмах воспитания в лагере. Например, в столовой висел пролеткультовский плакат с изображением жадной акулы мирового империализма и призывом: «Жуйте не спеша, пусть работают скулы. Вы пионеры, а не акулы!»

У отца не бывало свободного времени. Его рабочий день заканчивался обычно поздно вечером. Тогда была трудовая пятидневка с семичасовым рабочим днём (её отменили в сентябре 1939 г.). В выходные дни отец «пропадал» на общественной работе, редко ему удавалось быть дома целый день. В райком могли вызвать в любое время. Дома о партийных делах разговоров никогда не было.

Зимой мы иногда вместе выходили на лыжах. Нийло с отцом убегали далеко, у них были лыжи с ботинками – пьексами (*pieksu*), а я оставался недалеко от нашего учительского дома и

катался с ребятишками на пологом холме. (В настоящее время у подножья этого холма расположено Кузьмолдовское кладбище, где похоронен Нийло.)

Только последним летом отец часто проводил с нами целые дни. Мы гуляли, купались в речке Охте (*Ohtajoki*). Речку я переплывал у отца на спине. Всей семьёй мы собирали лесную землянику и грибы. В связи с земляникой я однажды здорово оконфузился. Ребятишки постарше взяли меня с собой поесть земляники на огороде у председателя колхоза. Я не успел ещё полакомиться, как раздался свист. Ребята побежали, я за ними. На бегу слетела моя шапочка-испанка, яркая, с кисточкой впереди. Она вошла в моду во время гражданской войны в Испании. Дома мать спросила, где шапочка. Я соврал, что потерял её на болоте. Меня с Нийлом отправили поискать – болотце крохотное. Мы, конечно, не нашли. А вечером сын председателя принёс мою испанку, которая якобы нашлась на улице. Отец поглядел на меня и только усмехнулся.

Нашими соседями по дому были Семён (*Simo*) и Айно Саволайнен. Их сын Арво был на два года старше меня. В 1938 году у них родилась дочь Эльвира. Семён был родом из села Рябова, которое до революции входило в имение графов Всеволодских (Отсюда название нынешнего города Всеволожска). Всю родню Семёна в 1930 г. раскулачили и выслали в Сибирь. Семён тогда уцелел, потому что работал учителем в далёком селе Котли (*Kattila*).

В Токсовском районе аресты начались уже в 1935 г. и множились. Скрыть это от людей было невозможно, слухи расходились. Исчезали члены райкома, председатели колхозов, учителя. Вместо них появлялись новые, но не финны, приезжие. С весны 1937 г. репрессии стали регулярными.

Нашим родителям, особенно матери, хотелось верить в справедливость большевистской власти. Не только им, но и младшему поколению внушалась идея о грядущем светлом будущем. Ради этого, дескать, надо терпеть временные трудности, воевать против империализма, разоблачать внутренних врагов. Отец, конечно, обязан был знать больше, чем рядовые жители. Он был вхож в разные кабинеты, следил за всем, что происходит в мире.



СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) Рисаканкин
Иван Александрович

умер(ла) 21.11.1990 двадцать первого
ноября двадцать
первого кабинета мэрии советской
тридцать сорок города

в возрасте — лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
19 90 года сентября, 19 числа

произведена запись за № 116
Причина смерти ракетный

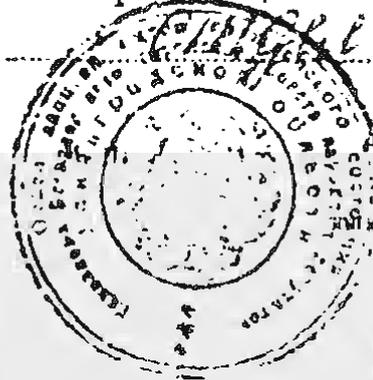
Место смерти: город, селение Ленинград
район —

область, край —
республика Р С Ф С Р

Место регистрации Всёволотский
ЗАГС Ленин. обл.
наименование
местонахождение органа ЗАГС

Дата выдачи 19 сентября 19 90

Классификационный признак (бюро)
номер акта гражданского состояния
И-ВО № 352390



[Handwritten signature]

МФД 10081-1-3

Свидетельство о смерти

У отца было разрешение иметь дома радиоприёмник. Это был даже не ламповый, а простейший детекторный приёмник с выходом только на наушники. Осенью его у матери отобрали.

В народе рождались сомнения в справедливости действий властей. Но люди уже перестали доверять друг другу, вслух проносили то, что совпадало с официальными газетными данными. Сомнения превращались в уверенность, когда арестовывали людей своих, всем известных и знакомых. Нийло рассказывал, что как-то подслушал часть разговора отца с Симо Саволайне-ном: «Юхо, ты знаешь, что «Х» забрали? – Да, слышал. Кто бы мог подумать, что он тоже... – А ты веришь, что он – тоже? – Нет, не верю. Так могут и нас с тобой...»

Похоже, что наш отец давно убедился в неизбежности того, что разделит судьбу своих исчезнувших друзей и знакомых. Он заранее отдал матери на хранение часть документов из своего личного дела, рукописных подлинников с подписями своих товарищей. В сейфе оставались только официально необходимые материалы личных дел кузьмоловских членов партии, ничего «лишнего».

В начале учебного года неизбежное произошло. Днём 9 сентября, когда Нийло уже пришёл из школы, у дома остановилась легковая машина. В деревне это было редкое событие, ребята тут же окружили машину. Из неё вышли отец и командир-пограничник, давний знакомый по Белоострову. Они зашли в квартиру, а два бойца остались на улице. Отец велел Нийлу сходить в школу и привести мать домой. Пограничник показался матери необычно смущённым, он спросил о здоровье, начал говорить о своей семье. Отец вмешался, сказал матери, что ему надо с товарищем поехать в Ленинград: «Произошло какое-то недоразумение. Уверен, что всё выяснится».



*Последняя фотография
отца (1936 г.)*



Семья Симо Саволайнена (1940 г.)

Мужчины попрощались и вышли. Садясь в машину, отец помахал нам рукой. Только после этого мать заметила, что дверца сейфа была открыта. Ни партийных документов, ни отцовского револьвера. На столе лежала пустая кобура.

Когда мы с Нийлом пришли домой, мать медленно ходила по комнате, как будто наводила порядок. Потом негромко запела: «*Yksin kasvoi kaunis koivu, ilman ikiystävättä...*» и вдруг зарыдала. Я тут же разревелся в голос. Нийло стоял у окна, молчал. Мы долго сидели в тот вечер, лампу не зажигали. Отец не вернулся.

Через несколько дней забрали ещё двоих учителей. Саволайнена арестовали в июле 1938 г. В школьной учительской комнате, где обычно не смолкали разговоры, теперь была тишина, дверь кабинета директора заперта.

Уже целый месяц об отце не было известно ничего. Мать не могла бездействовать. Прежде всего она отвезла меня к тётке Эльзе в Мокколово (*Mokkala*, приход *Inkere*). Потом несколько раз съездила с Нийлом в Ленинград. На Литейном, 4¹ сначала от-

¹ Знаменитое здание спецназначения, построено в 1931–32 гг. по проекту архитектора Н. А. Троцкого (1895–1940). Ной Абрамович погиб почти одновременно со своим знаменитым однофамильцем. О функциональных структурах подобных комплексов, о характере работы кадров на примере Лубянки рассказал Павел Судоплатов в книге «Спецоперации. 1930 – 1950».

вечали, что ничего не знают о нашем отце. Нийло рассказывал, что только в конце ноября матери дали адрес какой-то тюрьмы. Там сказали, что отец приговорён к десяти годам содержания в дальних лагерях без права переписки. Этот стандартный ответ получали все, без каких-либо объяснений. В Токсове мать случайно встретила жену нашего пограничника. Оказалось, что он тоже исчез без права переписки. Только в 1944 г. мать узнала, что эта формулировка на языке чекистов означала расстрел.

Наша мать, бывший комсомольский вожак, на этом не остановилась. Во время зимних каникул съездила в Москву искать правды у «всесоюзного старосты» М. Калинина (1875–1946). Мать считала, что Калинин-то уж во всём разберётся. Попасты на приём к популярному в народе председателю Верховного Совета СССР было просто, хотя он не обладал никакой реальной властью. Он внимательно выслушал рассказ матери, что-то записал, отдал записку своей помощнице и сказал: «Я всё постараюсь сделать». А в приёмной секретарь прочитала записку и тихо сказала матери: «Ничем он не сможет вам помочь». Калинин был бессилён помочь даже своей жене Екатерине Лорберг, в 1938 г. сосланной на семь лет в Воркуту.

Теперь, чтобы немного разобраться в деле нашего отца, заглянем на двадцать лет вперёд. Во время хрущёвских массовых реабилитаций массово уничтоженных людей Нийло в конце 1957 г. написал в Военный трибунал Ленинградского военного округа прошение о пересмотре дела отца. Трибунал прислал справку № 782 о посмертной реабилитации Ивана Риехкалайне-на «за отсутствием состава преступления». Копия справки здесь приводится (стр. 92).

В другой справке сообщались вымышленные сведения о дате, месте и причине смерти отца: «Умер в 1942 году в местах заключения от рака пищевода». В трибунале Нийлу сказали, что «истина» находится в Большом Сером доме, но не советовали туда обращаться (!).

По справке о реабилитации мать получила двухмесячную отцовскую зарплату. Такую компенсацию за убитых отцов финны с горьким юмором называли «*nahkaraha*» (плата за шкуру). Как говорится, дёшево, но сердито. Тогда нам было важно хотя

бы не считаться сыновьями врагов народа. Это как-то смягчало наши отношения по месту работы с Первым отделом КГБ.

Прошли ещё тридцать лет. Накануне новой российской смуты появилась возможность получить некоторую информацию непосредственно от КГБ, преемника НКВД и держателя всех «ценных бумаг». 29 ноября 1989 г. Нийло запросил Ленинградское управление КГБ о возможности ознакомиться с делом по обвинению отца и постановлением (приговором) от 14 ноября 1937 г. Через месяц—полтора Нийло был удостоен получасовой беседы в форме интервью на Литейном, 4: вопрос и краткий профессиональный ответ. Ни слова лишнего, никакой выдачи документов на руки.

Информация была следующая. Нашего отца обвиняли по статье № 58 Уголовного кодекса СССР (политические преступления) по трём пунктам: пункт 6 — шпионаж в пользу Финляндии; пункт 10 — антисоветская пропаганда и агитация; пункт 11 — организаторская деятельность, принадлежность к финской националистической организации. Обвинение было групповое по длинному списку, список засекречен. Судила «двойка», так для



Исп. ш. № _____

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ

ЛЕНИНГРАДСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

С П Р А В К А

96 мая 1958 г.

№ 782

Ленинград 55. Герцена 1

Дело по обвинению гражданина РИЕХКАЛАЙНЕНА Ивана Андреевича, 1869 года рождения, уроженца д. Большое Витолово, Ленинградской области, арестованного 10 сентября 1937 года, работавшего до ареста директором Кузмоловской неполной средней школы, Токсовского района Ленинградской области, — пересмотрено военным трибуналом Ленинградского военного округа 14 апреля 1958 года.

Постановление от 14 ноября 1937 года в отношении РИЕХКАЛАЙНЕНА И.А. — ОТМЕНЕНО и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Гр-н РИЕХКАЛАЙНЕН реабилитирован посмертно.

ВРИО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВТ ЛЕН ВО
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

/АНАШЕВ/

краткости называли «Особое совещание комиссии НКВД и Прокурора СССР». Эта пара и вынесла 14 ноября 1937 г. своё постановление, приговор – расстрел, приведённый в исполнение 21 ноября. Вероятное место захоронения – Левашовская пустошь недалеко от Парголова.

Предъявленные отцу обвинения опровергают сами себя. Любой шпион едва ли станет привлекать к себе внимание пропагандой и агитацией. А создавать антисоветскую организацию в сельском районе, где все люди на виду, да ещё почти рядом с Серым домом – дело гиблое. Советские чекисты – это не ротозей царской охранки.

Имеется ещё документ по делу отца, справка о партийной реабилитации (стр. 94). Как все типовые советские бумаги, она содержит общие фразы и обходит конкретные вопросы. Например, что это за «вновь открывшиеся обстоятельства», позволившие прекратить дело? Об этом умолчали творцы подобных дел – ЦК КПСС, КГБ и ВТЛенВО. Лидеры КПСС, инициаторы и виновники массовых репрессий, снисходительно реабилитировали свои жертвы. Нам, детям расстрелянных отцов, важно было узнать, как палачи сумеют выкрутиться. Как видно из документов – выкрутились. А если бы миллионы безвинно убитых чудом воскресли, едва ли многие из них согласились бы на реабилитацию, чтобы вернуться в преступную партию.

А наша мать не очень интересовалась формальными отписками советских властей. Она всегда была уверена в честности и невиновности отца. Вот только теперь, представив себе, какие мог отец терпеть истязания в течение двух с половиной месяцев от ареста до расстрела, мать всплакнула, наконец. Полвека не признавая слёз, всплакнула за два года до своей кончины. Мать не дождалась своей, ссыльной жены врага народа, реабилитации. Российский закон от 18 октября 1991 г. ещё не работал.

В тридцатые годы прошлого века Ленинградское управление НКВД расстреляло около тринадцати тысяч финнов-ингерманландцев. Это были мужчины в самом активном и творческом возрасте. Половина семей осталась без отцов. В числе убитых оказалась практически вся мужская часть финской интеллигенции. За этим ударом судьбы вскоре последовали другие.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Гатчинский городской комитет

188350. Ленинградская обл. г. Гатчина,
Революционный пер., д. 1

№ 122

Телефон 222-16

4 мая 1990г.

СПРАВКА

о реабилитации в партийном отношении (посмертно) Риехкалайнена И.А.

25 сентября 1937 года на пленуме Токсовского райкома ВКП(б) Риехкалайнен И.А. в связи с арестом органами НКВД выведен из состава членов райкома и исключен из членов партии.

Постановлением комиссии НКВД и Прокурора СССР от 14 ноября 1937 года Риехкалайнен И.А. за принадлежность к финской националистической организации приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор приведен в исполнение 21 ноября 1937 года. Проверкой, проведенной Главной военной прокуратурой СССР, установлено, что Риехкалайнен И.А. осужден необоснованно. Определением Военного трибунала Ленинградского Военного округа от 14 апреля 1958 года отменено постановление комиссии НКВД и Прокурора СССР от 14 ноября 1937 года в отношении Риехкалайнена И.А. по вновь открывшимся обстоятельствам уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Постановлением бюро Ленинградского обкома КПСС от 21 марта 1990 года Риехкалайнен Иван Андреевич, состоявший членом КПСС с октября 1927 года по сентябрь 1937 года (партбилет № 1137246), реабилитирован в партийном отношении (посмертно), т.е. отменено постановление Токсовского райкома ВКП(б) от 25 сентября 1937 года об исключении его из членов партии.



Секретарь горкома КПСС

М.Новиков

лв - 2.

Справка о реабилитации в партийном отношении

В 1938 г. первым делом властей была ликвидация национального Токсовского района и всех признаков финской культурной автономии. В школах было запрещено преподавание и употребление финского языка. На родном языке стали говорить только дома.

Высылки. Накануне Второй мировой

В январе 1938 года представитель облоно вызвал мать в Токсово, объявил, что мы должны немедленно выехать за сто первый километр от границы. Мать соглашалась только на Ораниенбаумский и Тосненский районы, ближе к сёстрам. В Ораниенбауме тоже погранзона. Просвещенец позвонил в Ленинград, выяснил, что в Тосненский район направить можно. Из Тосно отвечали: «Мы своих финнов высылаем, а нам присылают других». Поворчали, однако дали матери направление на работу в финскую деревню Поги (*Pohi*, приход *Liissilä*). Дальний, с пересадками, переезд занял более недели. В начале февраля Нийло продолжил учёбу в третьем классе в новой школе, там же он окончил и четвёртый.

А я в это время жил у тёти Эльзы. Она закончила Гатчинский техникум в 1929 г. и с тех пор учила ребятшек в Мокколове. Деревня протянулась вдоль левого берега реки Ижоры (*Inkerijoki*) и заводского пруда до самого Колпина. На другом берегу с петровских времён был большой немецкий заводской посёлок, носивший имя Тельмана. От Колпина до Ям-Ижоры ходили небольшие речные катера, возили рабочих на завод.

В 1935 г. тётя Эльза вышла замуж за молодого парня Михаила Койвистойнена (1916–1962), слесаря Ижорского завода. Позднее дядя Миша (*Mikko-eno*) шутливо рассказывал, что ещё школьником заметил молодую учительницу и задался целью покорить её сердце. Молодые жили в одной половине отцовского дома, отец с мачехой – в другой. Дед Матвей тоже работал на заводе. Тётя Эльза иногда оставляла меня у свекрови, а чаще брала с собой в школу. Я сидел на уроках в её классе, входил и выходил, когда вздумается, передразнивал ребят, в общем, вёл себя неважно. Ду-

маю, что всем полегчало, когда в середине февраля дядя Миша отвёз меня в Поги. До станции Новолисино ехали на поезде, а потом километра четыре на колхозных санях до деревни.

Погинская школа располагалась недалеко от деревни, в двухэтажном каменном доме, на бывшей помещичьей мызе. Жена директора Петра Вальякко была немкой, их дочь Гертруда была года на два старше меня. Характерно, что почти все учителя были мужчины. Первую зиму мы жили в комнате на втором этаже. Дверь комнаты напротив была заперта и опечатана. К весне появилась хозяйка этой комнаты. Она носила жёлтое кожаное пальто и хромала, опираясь на трость.

Это была Ольга Лехикойнен, преподаватель истории. Она, гражданка Финляндии, была из числа упомянутых выше добровольцев-интернационалистов, беспартийная. Её арестовали в декабре. Перед этим специально для неё придумали церемонию исключения из членов профсоюза. На собрании учителей две комсомолки прочитали по бумажкам о том, что в советских профсоюзах, «школе коммунизма», нет места иностранной шпионке. Ольга Петровна сказала юным обвинителям: «Я не буду упрекать вас, мне жаль вас, бедных и беззащитных». На Литейном арестованной повредили ногу, добиваясь признания в связях с финскими националистами. Однако её пришлось отпустить, чтобы избежать международной огласки.

Наша мать часто беседовала с Ольгой Петровной, от неё узнала и про отца. В тюрьме говорили, что Юхо Риехкалайнен держался твёрдо. Сейчас мы знаем, что после вынесения приговора отец семь дней ожидал расстрела. Можно лишь догадываться, какие у него были мысли.

Весной Ольгу Лехикойнен выслали в Финляндию... Через тридцать лет, в марте 1968 г., мать получила приглашение от Айно Кемппи и впервые посетила Хельсинки. В телефонном справочнике она нашла фамилию Лехикойнен. Оказалось, что это родственники Ольги и она как раз гостит у них. Почти бегом мать вместе с Айно направились по нужному адресу. Наговорились они за все тридцать лет... В 1980 г. мать снова побывала в Финляндии, звонила, но никто не отвечал.

Всё лето мы прожили на мызе. Она стояла над оврагом, где

протекала речка, приток Ижоры. В ней ребяташки ловили раков и ленивых пескарей. На поляне возле дома стоял старый дуб. Рядом возвышались огромные качели, на которых помещалось человек шесть. Вечерами качались и дети, и взрослые. К осени мы переселились в деревню, в здание начальной школы. В квартире вместе с нами жила подруга матери Лиза Хиппонен, молодая учительница.



*Лиза Хиппонен
(1936 г.)*

Мать уже убедилась в правоте бабы Евы, что учительской зарплаты хватает только на постное масло. Выручала наша «кормилица» – швейная машина. Одежду отца мать перешивала для Нийла, а я наследовал его одежду. В деревне швейных работ было сколько угодно, и деревня нас подкармливала. Помогал также отцовский велосипед, на нём мать и Нийло успевали быстро съездить куда угодно. Однажды матери не повезло. Осенью в дождь поехала в Новолисин. Для быстроты согласилась вернуться домой в кузове колхозной полуторки. Машина соскользнула в канаву. После этого у матери долго болела спина. С тех пор мы с Нийлом всегда мыли полы и без напоминания делали всё по дому.

Летом 1939 г. многих погинских учителей выслали за пределы Ленинградской области, остальных расселили по русским деревням. Лиза Хиппонен попала в район Любани. Нас оставили в Тосненском районе, направили подальше от границы, в деревню Андрианово. Родная советская власть ежегодно бросала нас с места на место, не давала нигде привыкнуть и освоиться. Мне опять пришлось уехать первому. Мать увезла меня к тётке Кате в Ольгино.

От Нового Петергофа на юг шли три дороги, мощёные булыжником. Средняя – от вокзала через пригород Луизино на Ольгино, Владимировку (*Mustaoja*). Западная – на Санино (*Soikkala*), Низино (*Teppola*), Узингонт (*Uusinkontu*). Восточная – на Марьино (*Nastola*), Веллингонт. Их пересекала поперечная дорога – от Санина до Марьино, с перекрёстком в Ольгино. Отсюда и на-

звание *Ristikylä*. Между Ольгино и Владимировкой протекает речка Лебяжья (*Joutsenjoki*), впадающая в Стрелку недалеко от Горбунков, где находился аэродром бомбардировщиков. А возле Низина был аэродром истребителей, маленьких самолётиков с фанерным каркасом, обтянутым прочной тканью.

Исторические места были рядом со знакомыми деревнями. Чуть севернее Санино, на холме у дороги возвышался заброшенный, но прекрасный маленький дворец, окружённый нешироким парком. Квадратное в плане здание обращено фасадом к Петербургу. Массивные стены нижнего этажа сложены из плит пудостьского песчаника. Просторную, на весь фасад, нишу входа, разделённую на три дверных проёма, украшали четыре бело-мраморные женские фигуры. Верхняя надстройка представляла собой павильон с колоннадой. Двадцать полированных колонн из серого гранита стояли по периметру здания. Дворец иногда называли бельведером или павильоном, но общепринятым было название Бабигон (*Papinkontu*)¹. В царские времена павильон был местом летних однодневных развлечений столичного высшего света. В 1866 г. император Александр II встречался там со своей последней любовью, княжной Екатериной Долгоруковой. «В ночь с первое на второе июня в Петергофе, в павильоне Бабигон, состоялось их первое любовное свидание»². У меня сохранился снимок павильона полувековой давности (1952). После войны даже в развалинах, без парка, он был хорош.

Дядя Осип Муосолайнен до 1938 г. был председателем колхоза, тётя Катя – лучшая доярка в районе. Когда я в июле оказался у них, они только что вернулись из Москвы с Всесоюзной сельскохозяйственной выставки достижений колхозного строя. Туда в качестве поощрения посылали на экскурсию деревенских ударников. Тётя Катя была невелика ростом, но великая работница. Постоянно в движении, она успевала сделать всё на ферме и в своём большом хозяйстве. Непонятно, когда она отдыхала.

На заболоченной низине южного берега Финского залива

¹ В старину рядом была усадьба православного священника.

² Все монархи России. М., «Вече», 2003.



Павильон Бельведер (1952 г.)

были не самые уютные места Ингерманландии. Это отмечал и Пушкин: «По мшистым, топким берегам чернели избы здесь и там – приют убогого чухонца». А во времена языческие капризная Кюллиikki (из «Калевалы») отказывала всем сватам: «Я и в Инкери не выйду, на печальное побережье: только голод там да холод. Нет там дров и нет лучины, нет воды и нет пшеницы, даже нет ржаного хлеба». Не знала богатая невеста, что в Ингерманландии можно выращивать и рожь, и пшеницу, и всё необходимое. Конечно, нет обилия чистой воды, приходится рыть колодцы. А мшистые, топкие болота вокруг Петербурга трудолюбивый чухонец превратил в плодородные поля. При царском режиме в столицу России не было нужды завозить картофель, овощи, молочные продукты из-за границы. Всё это и теперь могли бы производить на родной земле крестьяне Ингерманландии.

В Ольгино я застрял надолго и включился в жизнь деревенских ребят. Летом играли в традиционные игры, но больше все-

го любили играть в войну. Нас воспитывали в духе героических фильмов и песен о Гражданской войне. Едва познав азы русского языка, я знал песню «Ворошилов, Тимошенко и Будённый – три испытанных, прославленных орла». Самой популярной в конце 1930-х гг. была песня «Если завтра война, мы врага разобьём малой кровью, могучим ударом».

Военные игры мальчишек моего возраста обычно завершались спорами и выяснением, кто убит и кто победил. А вожаком старших ребят в Ольгино был Рейно Муосолайнен (1925–1947), племянник дяди Осипа. Его отца арестовали накануне Зимней войны. Мелкие игры Рейно не интересовали. Он командовал, когда случалось драться с большими ребятами из Владимировки. Противники всегда были одни и те же, драки с «чужими» запрещались. Вожаки-противники заранее договаривались об условиях «войны», для них она была развлечением. Начинали малыши, потом они становились зрителями. Мне удалось участвовать в одном сражении. Сначала мы позорно бежали от речки до своей деревни. У школы стоял Рейно. Отступление прекратилось. Противники стали перебрасываться камнями. Когда камень угодил в нашего вожака, он скомандовал атаку. Мы с криком «Ура!» бросились вперёд. Рейно был доволен. Этот немного хулиганистый, славный парень погиб в местах отдалённых.

До школы я ещё не дорос, тогда в первый класс принимали с восьми лет. Скоро начались работы на огороде, дети пошли в школу. А где-то уже грянула настоящая война. Казалось, что нам до неё дела нет, она была от нас очень далеко...

Глава 2

ВТОРАЯ МИРОВАЯ. СИБИРЬ

С годами смещается в объективную сторону оценка действий большевистских вершителей судеб народных. Публикуются некоторые, ранее спрятанные в секретных архивах, исторические документы. Постепенно вырисовывается также более правдивая картина Второй мировой войны. Чтобы обойтись без вранья, присущего солидным советским изданиям типа «Вторая мировая война» (М., Наука, 1984), обратимся к другому источнику — последнему незаконченному роману Валентина Пикуля¹.

«Ещё в 1933 году Сталин пытался установить с Гитлером тайные контакты. Сталин считал, что с Гитлером надо не бороться, а находить с ним точки соприкосновения... А фюрер спокойно взирал на то, как немецкие коммунисты бегут в СССР, где их сразу же ставили к стенке, как «фашистов», «троцкистов» или «шпионов».

В мае 1939 г. Япония, союзница Германии, напала на Монголию, союзницу СССР. Это была проверка боеспособности Красной армии. От результатов проверки зависели гитлеровские планы войны в Европе. К 30 августа «на реке Халхин-Гол японская б-я армия была окружена и разгромлена полностью... Советскими войсками командовал не известный ещё тогда Жуков...»

¹ В. Пикуль. «Барбаросса». Наш Современник, 1991. №№ 2 – 8.

23 августа, когда провал японской авантюры уже был неизбежен, «между гитлеровской Германией и сталинской Россией был заключён договор о ненападении сроком на 10 лет, скреплённый подписями Риббентропа и Молотова (они учились когда-то в одной петербургской гимназии). Сталин, согласно договорённости, сразу начал снабжать Германию сырьём, горючим, ценными металлами, мясом и хлебом. Любая антифашистская пропаганда в СССР была запрещена». В свою очередь, «нацистские газеты выходили под девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а немцы дружно распевали советские песни».

Зимняя война

Из Ольгино ещё летом 1939 г. призвали в армию молодых ребят и мужчин. При мне ушёл на службу Андрей, ещё неженатый младший брат дяди Осипа. Домой он не вернулся, погиб в июле 1941-го под Лутой. А осенью 1939-го стали набирать военнообязанных всех возрастов. В ноябре забрали и дядю Осипа. Его отправили в Карелию, где формировались части так называемой «Народной армии Финляндии». Финнов-ингерманландцев ожидала роль солдат, якобы бежавших из армии Маннергейма и жаждущих освободить народ Финляндии от буржуйского ига и создать с помощью Красной армии Финляндскую Советскую Республику.

Войну недаром назвали Зимней (*Talvisota*): долго держались сорокаградусные морозы. Тётя Катя получила из Петрозаводска письмо от своего солдата и вечерами вязала для него тёплые носки. В феврале уволенный по возрасту Осип Андреевич вернулся домой.

У нашей Раи сохранилась фотография солдата 106-й стрелковой дивизии «Народной армии Финляндской Республики». Снимок сделан 2 февраля 1940 г. в городе Терийоки, только что занятом Красной армией. Солдат одет в шинель красноармейца со звёздами на пуговицах, но на шапке нет красной звезды. Ему двадцать три года. Это Павел Сярки, муж Марии Вайнонен, сестры Раи. Хорошо, что Павлу не довелось подни-



*Павел Сярки
(2 февраля 1940 г.)*

мать красный флаг над Хельсинки.

На зимние каникулы Нийло поехал в Веллингонт. По пути он забрал меня с собой из Ольгино. Я провёл две недели под присмотром нашей бабы Евы. Больше мне не пришлось её увидеть.

В Андрианово мать привезла меня в марте. Туда мы от станции Ушаки ехали пятнадцать километров на санях по снежной лесной дороге. Я пробыл в этой деревне на реке Тосне всего три месяца. Запомнил только красивую церковь с разноцветными витражами высоких окон. Общался в основном с соседями по учительскому дому,

мальчиком и девочкой с немецкой фамилией. Отца у них тоже не было. Освоиться в среде русских ребятишек не успел.

Для русского населения Ленинградской области было характерно дружелюбное отношение к финнам-ингерманландцам. Они веками жили по соседству. На юге области во многих деревнях население было смешанное, и церквей было две – православная и лютеранская. Финны и русские одинаково служили богу, царю и отечеству; при советской власти одинаково подвергались раскулачиванию и прочим процедурам. Признаки недружелюбия появились во время Зимней войны и позднее. Начиная с лживого утверждения, что войну якобы спровоцировали финны, обстреляв белоостровских пограничников, советская пропаганда ежедневно разжигала враждебность к финнам. Среди населения всегда попадаются такие, кто не отличает своих от чужих. Дольше других сохранили вражду те, кто потерял в войне родных. В середине 1970-х гг. я встретил человека, который назвал меня белофинном. Это было в Москве. В те же годы Нийло с матерью посетили все знакомые места. В Андрианове Нийло нашёл своих одноклассниц, которые были рады поделиться воспоминаниями...

В начале июля состоялась очередная высылка. На этот раз власти учли просьбу матери, и мы попали в финскую деревню Войскорово (*Inkerinkirkonkylä*), бывший центр прихода *Inkere*. Мне предстояло пойти в первый класс, и я провёл лето у тётки Эльзы. Дядю Мишу зимой с работы уволили, но в конце августа он вернулся на Ижорский завод. «Отпуск» дядя Миша посвятил своему хобби – рыбалке. Огромный заводской пруд был богат рыбой, мы приносили тётке Эльзе множество щук и окуней.

Войскорово было рядом с Ям-Ижорой, что на шоссе Петербург – Москва. Деревня тянулась вверх по реке Ижоре, вдоль её высокого левого берега. В центре деревни стояла церковь, от неё мощёная камнем дорога вела прямо в Павловский парк. Павловск тогда называли Слуцком, по имени большевички Берты Слуцкой. Церковь была давно закрыта, но жители берегли её и кладбище держали в приличном состоянии. Недалеко от церкви стоял учительский дом, прежний дом священника. Наверху, в мезонине, была наша комната, на чердаке Нийло держал пару голубей.

Из Войскорова была родом известная петрозаводская актриса Елизавета Томберг (1909–1989). Она окончила сельскохозяйственный техникум в Рябове, но уже с 1932 г. играла на сцене.

Запомнилось имя первой учительницы Анны Адамовны, а из школьной программы почти ничего, кроме закорючек чистописания да стихов Сергея Михалкова про пионера Мишу Королькова, попавшего в плен к японцам. Толком не понимая смысла, я читал неплохо и был в числе лучших учеников.

Осень сорокового года была полуголодной. За продуктами мать ездила по воскресеньям в Ленинград, брала с собой Нийла, чтобы не стоять в очередях дважды. Продукты выдавали малыми нормами, например, масла можно было купить крохотный пакетик в 50 граммов. К строчке советской песни «Жить стало лучше, жить стало веселей» шутники добавили: «Шея стала тоньше, но зато длинней».

Нийло окончил шестой класс, и в первые дни июня мы с ним уехали на каникулы – я в Ольгино, он в Веллингонт. Увиделись вновь в сорок восьмом.

Весной сорокового казалось, что война закончилась. Но она продолжалась непрерывно, от Чёрного моря до Балтики. Большевики лихорадочно зачищали новую погранзону¹. Зачищали от нового антисоветского элемента Советскую Бессарабию, Галицию, западные Украину и Белоруссию, Литву, Латвию, Эстонию. «Работа ада», как говорил лучший поэт советской эпохи. Антисоветчину вывозили в Сибирь эшелонами. Железнодорожный нарком Л. Каганович едва справлялся с работой, вагонов не хватало. Много «элемента» Мехлис и Берии приходилось ликвидировать на месте, например, в Катыни². Силы и средства страны тратились зря, в ущерб защите границ. Надвигался новый этап Второй мировой – советско-германская война, которая стала для России Великой Отечественной.

Диапазон мнений о готовности СССР к войне довольно широк. «В отчётном докладе XVIII съезду партии (март 1939 г.) И. В. Сталин говорил, что наша страна развернула серьёзнейшую работу по усилению боевой готовности нашей Красной Армии и Военно-Морского Флота. Так оно и было в действительности... Боевая готовность частей укрепленных районов от 4 до 6 часов по боевой тревоге. Укреплённые районы СССР имеет вдоль всей своей западной границы от Ледовитого океана до Чёрного моря... Готовность основных соединений авиации по боевой тревоге исчисляется от 1 до 4 часов. Дежурные части находятся в постоянной боевой готовности»³.

«Вслед за Сталиным наши историки хором твердили, что договор с Германией был очень выгоден для СССР, ибо за эти два года (1939–1941) наша страна как следует подготовилась к отражению нападения. Верить этому наглейшему вранью нельзя!

¹ Финляндия сама «зачистила» Карельский перешеек, ввезла более 400 тысяч своих беженцев, 12 % тогдашнего населения страны.

² Упомянуть название этого смоленского посёлка было запрещено, в СЭС его нет.

³ Г. В. Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1970, стр. 182–184, 187.

За эти два года ничего не было сделано для того, чтобы подготовить мощный контрудар по агрессору»¹.

Похоже, что Валентин Саввич прав. Никаких укрепрайонов не было. «В течение марта и апреля 1941 г. в Генеральном штабе шла усиленная работа по уточнению плана прикрытия западных границ и мобилизационного плана на случай войны... В середине мая в приграничные округа поступило указание о форсировании строительства укрепленных районов на государственной границе»².

«4 июля немецко-фашистские войска овладели Ригой, на следующий день Островом, а 9 июля – Псковом... к 10 июля захватили почти всю Прибалтику и вторглись в пределы Ленинградской области... 5 июля Ставка приказала для прикрытия Ленинграда... до 15 июля 1941 г. построить... основной оборонительный рубеж – на всем протяжении р. Луги... до оз. Ильмень»³. Вот такие пироги...

Ребятишки в войну уже не играли. Над Ольгино на большой высоте не раз пролетали немецкие самолёты. Репродукторы завывали сиреной, объявляли: «Воздушная тревога!» Зенитные пушки из соседних лесов стреляли по самолётам, летевшим к Ленинграду, окружённому блестящими, как дирижабли, аэростатами заграждения. Над нами на небе вспыхивали белые пятна – облачка разрывов. Дети подбирали падавшие на мостовую звонкие осколки снарядов, колючие и ещё тёплые. Однажды в июле, в середине дня, над деревней совсем низко пролетели штук десять огромных «Юнкерсов-88» и сбросили бомбы на аэродром возле Низина. Сделали второй заход и третий, каждый раз над нами. Маленьких истребителей не стало. Через несколько дней был разбит и аэродром в Горбунках.

Деревни не бомбили, но тётя Катя, уходя на колхозную ферму, наказывала мне и Нийлу: «Если будут бомбить – забирайтесь под печку». В начале августа красноармейцы под руководством каких-то «полномочных» угнали колхозное стадо. Заодно забра-

¹ В. Пикуль. Наш современник. 1991, № 4, с. 67.

² Вторая Мировая Война. М., Наука, 1984, с. 108.

³ Непокорённый Ленинград. Л., Наука, 1985, с. 15.

ли и у колхозников лишний скот в фонд обороны, под расписку. Тётя Катя занялась своим огородом и прочим хозяйством.

Взрослое население и старшие школьники были на оборонных работах, копали противотанковые рвы. Вдоль нашей речки тоже копали. Северный борт речного оврага делали отвесным. Потом сапёры строили вдоль рва проволочные заграждения, ставили надолбы. Однажды над длинной цепочкой работающих женщин тихо пролетел маленький самолёт, бросая за собой облако листовок. На них были цветные рисунки и надписи. Я подобрал два листка, мне крикнули, что их трогать нельзя, они фашистские. Но я сунул их под рубашку и убежал. Какие-то люди собирали бумажки, отбирали их у работающих. Вечером я встретил Рейно и показал ему свои трофеи. На одной картинке было написано: «Советские дамочки, не копайте ямочки, всё равно пройдут германские таночки». Другой рисунок был непонятный: два красноармейца били своего командира. И надпись: «Бей жида-политрука, морда просит кирпича». Я спросил, что такое жид. Рейно ответил, что так немцы называют политруков, и забрал у меня листовки.

В начале сентября по радио сообщили о срочной эвакуации населения. Немцы наступали со стороны Красного Села на Ропшу. Представители районных властей и красноармейцы торопили людей с отъездом. Никому не хотелось бросать дом, хозяйство, неубранный урожай. Толпа соседей спряталась в большом погребе у дяди Осипа. Но нас обнаружили: «Что, в погреб загорать забрались?» – ехидно усмехнулся командир. Все разошлись собирать пожитки, запрягать лошадей. Скоро обоз беженцев потянулся к Петергофу, оттуда – в Мартышкино и в сторону Ораниенбаума.

Месяц мать работала на окопах у Колпина. Койвистойненов вместе с рабочими Ижорского завода эвакуировали на восток. В Ям-Ижорском сельсовете 28 августа матери выдали справку о том, что она с сыновьями Нийлом и Юрием «временно эвакуируется из Тосненского района». Эта потрёпанная справка, служившая главным документом, визой на въезд, «видом на жительство» в любом месте, сохранилась до сих пор.

Мать закопала за домом всё своё богатство – швейную маши-

ну «Зингер» и первое издание «Большой Советской энциклопедии». Села на отцовский велосипед и укатила по дороге на Павловск, заехала в Вииттолово. Нашим дудергофским деваться было некуда, они остались дома. У Гатчины фронт, укреплённые Пулковские высоты закрыли путь на Ленинград. Оставалась одна «лазейка» – запертая надолбами Волхонка. Мать простилась с родственниками, доехала до Стрельны, оттуда – до Веллингонта.

Дядя Ваня закончил сборы, сказал матери, что готов выехать вслед за ней, и мать поехала обратно в Стрельну, которую уже стали обстреливать немцы. Миновала Стрельну, через Нижний парк проехала Петергоф, где уже не было красноармейцев, и наконец добралась до Мартышкина (*Tyrö*). Это происходило 8 сентября. Дядю Ваню с семьёй и нашим Нийлом немецкие мотоциклисты догнали возле Стрельны и приказали им вернуться домой. Только к рассвету по разбитой дороге едва добрались они до деревни. Деревня была сожжена дотла. О жильё напоминали прокопчённые печи, колодцы да уцелевшие за огородами бани. Два года прожили наши «пленники» и другие жители Веллингонта в банях. При обстрелах прятались в блиндажах. Но об этом мы узнали не скоро.

Ораниенбаум, попросту – Рамбов (*Rampova*), с окрестными деревнями оказался отдельной частью ленинградской блокады, или Приморским плацдармом. Участок размером порядка 20 на 40 километров, защищённый Кронштадтом, фортами Красной Горки и кораблями Балтийского флота, а с юга – заминированными болотами, был неприступен. В Мартышкине, рядом с остановкой пригородных поездов, мы прожили недели две под ежедневным обстрелом со стороны Петергофа. Осип Андреевич и Рейно соорудили блиндаж, но проводить ночи в осенней прохладе и сырости стало тяжело. Мы переехали в деревню Ванхаконту, южнее Ораниенбаума, недалеко было село Тамменконту, центр совхоза «Дубки». За деревней тянулись минные поля, ограждённые колючей проволокой. В деревне стояла рота красноармейцев.

Устроились мы у родственников Муосолайнен в летней половине дома. В довольно просторной комнате нас было одиннад-

цать душ, включая Рейно с сестрёнкой Линдой и двух молодых их тёток. Вдали от города было спокойнее, а главное — теплее.

К зиме линия фронта тоже устроилась. Немцы укрепились на Ижорской возвышенности, оттуда вели перестрелку с Кронштадтом. К выстрелам дальнобойных пушек и долгому гулу снарядов мы привыкли. За несколько километров от передовой шум боёв был едва слышен. Снаряды в деревни залетали редко. По ночам гудели «Юнкерсы», летавшие бомбить Рамбов, Кронштадт и скованные льдом корабли, работали зенитки, общаривали небо прожектора. Всё было обычно и буднично.

Жители местных деревень успели кое-чем запастись на зиму. Им карточек не давали. А неимущих беженцев на рамбовском пятачке набралось много десятков тысяч. Многие люди не дожили до весны. У нас в сентябре кончилось почти всё, что привезли с собой. Ещё с месяц продержались, обменивая что-то из барахлишка на картошку да свёклу. Оставался только казённый источник питания — продовольственные карточки. С ноября до весны по карточкам получали только хлебный паёк. В карточках были названия разных продуктов, на всякий случай, если завезут из голодного Ленинграда. В ноябре хлебная норма дошла до минимума: 250 граммов рабочим и 125 граммов остальным, к новому году норму повысили, соответственно, до 350 и 200 граммов. Мы все были в числе «остальных». Только Осип Андреевич и Рейно недели две или три получали рабочую норму, занимаясь заготовкой дров для горожан на нашей вконец отошавшей лошади. Скоро бедную лошадку мы съели.

Беженцы дважды и трижды перекапывали картофельные поля, надеясь найти затерянные клубни. На краю деревни однажды взорвалась мина: подорвался беженец, пытаясь найти картошки под колючей проволокой. Жить было скучновато. В деревнях — ни кошек, ни собак. В лесу — ни зверя, ни вороны. Всё живое было съедено или бежало от людей. Зимой пешеходы умирали на ходу, падали на дорогах, где угодно. Красноармейцы едва успевали убирать мёртвых и закапывать в снег до весны. К смерти в её разнообразных формах люди относились почти спокойно.

Длительное голодание приводило меня в какое-то полусон-

ное состояние послеобеденной блаженной сытости. Что-то слышишь, даже разговариваешь, но сознание отдыхает. Эта вульгарная апатия напоминала нирвану буддиста либо усталость роденовского мыслителя. Заметив, что я всем доволен, мать тут же прогоняла меня на мороз, проветриться. Помогало. А мать и тётя Катя никогда не расслаблялись. Школа бабы Евы...

В ноябре начались занятия в Бронненской школе (*Pronna*, приход *Tyrö*) при совхозе, только в 1 – 6 классах. До школы было километра два, ежедневные прогулки полезны, но в школе ещё и кормили. Нийло Муосолайнен был ещё мал, а Марта тоже пошла в школу, в шестой класс. Да, в школе кормили, это стимулировало посещаемость, а про успеваемость тогда речи не было. Совхозных ребят, ещё не знавших голода, посылали на поля собирать из-под снега листья и корневища капусты. Их варили, добавляли ещё какие-то травы, получались щи. Ради миски этой горячей похлёбки стоило ходить в школу.

Учились по два класса вместе. Пока учительница занималась с четвероклассниками, мы, второклассники, обычно дремали, потому что слушать, например, нудное и непонятное спряжение глаголов было скучно.

Моим соседом по парте был Роберт Бернатович, маленький еврей, худой и бледный. Однажды я увидел, что Робик что-то жуёт, доставая кусочки из парты. Мать дала мне с собой жёлтой жмыхи, на вкус довольно противной. Я тоже решил пожевать, но куска на месте не обнаружил, он был в руках у соседа. Я побил воришку, хотя сам был бессильный. Для школы – случай обычный, учительница даже не обратила внимания, а мы с соседом тут же и помирились. Однако через несколько дней он в школу не пришёл, сказали, что умер... Голодная память была дырявой, многое забывалось начисто, лишь изредка всплывая. Но Робика я не забыл.

День стал прибывать, а с едой стало совсем худо. В середине января тётя Катя с матерью отправились за картошкой в деревню Сойкино, ближе к Рамбову. Там жила двоюродная сестра тёти Кати. Их задержал военный патруль. Проверили паспорта, справки об эвакуации. «Как попали сюда из Тосненского района? Кто там председателем райсовета?» Услышав ответ, коман-

дир сказал: «Ну, бабоньки, вам повезло, что меня встретили: я сам из Тосно, знаю тамошних. А могли бы угодить в полевой суд». Когда женщины возвращались, патрульные сказали, чтобы приходили ещё.

Скоро у матери не осталось денег даже на покупку хлеба. Она отправилась в Ораниенбаумский роно, искать работу. Заведующая роно Бочкарёва приказом от 24 февраля 1942 г. назначила С. А. Риехкалайнен заведующей детским очагом при совхозе «Дубки». Мы с матерью поселились в каморке в здании детского дома, эвакуированного в начале войны. Мать поработала всего один месяц, успела получить зарплату, но потратить не успела.

Рамбов – Иркутск. Дорога смерти

Мы были беженцами. Тётя Катя рассказывала, как в 1919 г. люди тоже бежали от войны (*sottaa rakoon*), бежали от генерала Юденича. Однако мы были беженцами не простыми. Дело в том, что летом 1941 г. А. Жданов задумал выслать из Ленинградской области всё финское население.

С декабря 1934 г. судьбы ингерманландских финнов решал Жданов. Член Политбюро ЦК ВКП(б), он был одновременно (до 1944 г.) первым секретарём Ленинградского горкома и обкома партии и членом Военного Совета Ленинградского фронта. Один из первого десятка советских вождей! И вдруг, через сорок лет после его кончины, выясняется, что политические репрессии 1930–40-х гг. в Ленинградской и смежных областях были организованы по инициативе Жданова и исполнялись под его руководством. Об этом мне впервые удалось прочитать в самом дальнем, дополнительном закутке советского энциклопедического словаря: «В постановлении ЦК КПСС (январь 1989 г.) отмечается, что Жданов был одним из организаторов массовых репрессий в 1930–40-х годах в отношении ни в чём не повинных советских граждан. Он несёт ответственность за допущенные...»¹ Далее можно не читать, поскольку, даже будучи

¹ СЭС, М., 1989, с. 1624.

преступником, Жданов ответственности нести не мог: он давно покоем на почётном Кремлёвском кладбище рядом с другими организаторами репрессий.

Итак, нас ожидала «забота» этого вождя. Но большевики не любили подписывать бумаги, разоблачающие дела родной партии. Поэтому команды о репрессиях против «преступных» народов отдавались от имени военных. И любой командующий армией или фронтом выполнял задания высокопартийных членов Военного совета, каких-нибудь ждановых или хрущёвых.

В первые дни войны из чрева НКВД вышел новый наркомат – НКГБ. Его ленинградское управление и Жданов доложили в Политбюро о раскрытии контрреволюционной повстанческой организации финнов-ингерманландцев. В это время финны всех призывных возрастов уже служили в Красной армии, в основном, в стройбатах. В «повстанцах» числились мы – ребяташки, старики и женщины. Вопрос был решён: в Сибирь, в самые экзотические края. Приказ командующего войсками Ленинградского фронта генерала М. М. Попова о высылке из Ленинграда и области немцев и финнов появился 21 августа. Но выслать не успели, Ленинград с Всеволожским районом и Рамбов с окрестностями оказались в блокаде. В зоне блокады осталось около пятидесяти тысяч финнов, под германской оккупацией – порядка семидесяти тысяч. При новом командующем, генерале М. С. Хозине, 9 марта 1942 г. вышло Постановление № 00713 Военного совета «О выселении из Ленинграда социально опасного элемента».

Утром 26 марта в комнату детского очага вошёл лейтенант, совсем молодой, но шумный. «Фамилия? Немедленно готовьтесь к отъезду. Машина будет через час». Мать шума не любила и подала учительский голос. Лейтенанта смущала неприятная обязанность выгонять людей из дома. Он объяснил, что идёт срочная эвакуация, надо одеться потеплее, взять с собой только самое необходимое, не забыть документы. С неделю люди считали себя обычными эвакуированными, слово «спецпереселенцы» слышали только за пределами Волховского фронта. Разница стала понятней позже.

Кузовы грузовиков с дымными печками газогенераторов

были набиты людьми и мешками с пожитками. Двигались медленно. Миновали Рамбов, спустились на лёд залива. Ехали по маршруту Кронштадт – Лисий Нос, почти по линии нынешней дамбы, спасающей Балтику от нечистот. На станции нас ожидал пассажирский поезд.

Народ упаковался в вагоны плотно и тепло. Полчища вшей только этого и ждали! Надо было привыкать к этим непременным спутникам войны. Поехали вечером. Весь следующий день, избегая бомбёжки, стояли на Пискарёвке, окраине Ленинграда. Бродили по редкому лесу, разводили костры, отдыхали от вагонной духоты. Мать навестила Муосолайненов в соседнем вагоне. Хотя Осипу Андреевичу шёл сорок седьмой год, это был высохший старик, закутанный в одеяло. Глаза закрыты, нос заострён, говорил он едва слышно. Никто не узнал бы в нём недавнего крепкого и весёлого мужика. На следующее утро он был безнадёжен, на станции Рахья его увезли на санитарной машине.

В Борисовой Гриве нас ждали грузовики. Здесь матери повезло: свою получку она отдала красноармейцу за буханку хлеба, которую мы съели моментально. 28 марта мы покинули берег Ингерманландии. Ледовая Дорога жизни, пересекавшая Шлиссельбургскую бухту Ладоги, вышла в деревеньку Кобону. Знаменитой дороги я не видел, проспал. Из Кобоны была проложена временная железная дорога до станции Войбокало.

Г. Куприянов в своих воспоминаниях¹ отметил одну деталь, касающуюся начала нашего пути в ссылку. В давнем 1917 г. на Финляндской дороге машинистом знаменитого паровоза № 293 работал Гуго Ялава (1874–1950), его помощником был Вольдемар Виролайнен. Это они привезли в Питер Ленина делать Октябрьский переворот. В начале 1942 г. по личной просьбе Жданова нарком путей сообщения назначил заместителя начальника Кировской дороги В. М. Виролайнена специальным

¹ Г. Н. Куприянов. «Во имя великой победы». Петрозаводск, 1985, с. 149–150.

P.S. Партийная цензура не допустила в печать первый вариант книги, в котором даже не упоминался Ю. Андропов, руководитель карельских партизан.

уполномоченным по Волховскому отделению дороги. Жданов приготовил для финнов этот приятный сюрприз, позаботился, чтобы в ссылку нас провожал земляк.

В Кобоне нас посадили в теплушки. Так называются «уютные» товарные вагоны, у которых посередине топится железная печка. Возле печки стоит бак с кипячёной водой. По концам вагона нары в два этажа. В обычном жилом вагоне находилось человек пятьдесят, в большом – «пульмане» – до семидесяти. Имелись все бытовые удобства: для детей – параша с крышкой; для тех, кто постарше, на ходу поезда – открытая дверь вагона плюс поддержка соседей (чтобы не упасть), на остановках – под вагоном. Мужчин в нашем вагоне было двое, дядя Кааронен с сыном, остальные – женщины и дети всех возрастов. При необходимости мужчинам приказывали отвернуться.

В эшелоне было вагонов двадцать. В середине – комендантский, санитарный вагоны и кухня. Надо отдать должное рядовым работникам НКВД. В годы войны у них была дисциплина и порядок. Коменданта и охраны люди почти не видели; комендант знал, что он везёт совсем не опасных преступников. О нас заботились повара и медики.

В Волхове в вагоны забросили по мешку белых американских сухарей, и мощный паровоз марки «ФД», по имени Железного Феликса, потащил нас в Сибирь. Под этим славным именем началась долгая Дорога смерти. Приговор народу вынесен. Он будет приводиться в исполнение медленно, но верно.

Утром люди зашевелились. Стояли в Тихвине. Кто пошустрее, выбрались на свежий воздух. Выносили первые зашитые в простыни тела. Их складывали на перроне у закрытых ворот сарая. Я заглянул в щель: полный сарай мертвецов! Поодиночке они были давно привычны и будничны. А тут вспомнился страшный рассказ «Корабль мёртвых» какого-то финского автора, который ещё в Кузьмолове читал Нийло. На том корабле по ночам слышались стоны. Стало мне вдруг холодно и жутко, убежал в вагон.

В нашем положении ни у кого речи и мысли не было иной, кроме как – чего бы поесть. А после голодной зимы казённое регулярное питание казалось просто сказочным. Медики пре-

дупреждали, что после долгой голодовки еда бывает опасной, но голодные не хотели верить. Мать сохраняла былую подвижность и деятельность, её признали старостой вагона. Первую неделю она никому не позволяла съесть лишнего. В эшелоне было много случаев опасных расстройств здоровья. Зато позднее мать старалась добыть на кухне чего-нибудь дополнительно для своего вагона.

Два или три раза в больших городах эшелон стоял подолгу. Устраивались банные дни. В горячих камерах из одежды выжигали вшей, обрабатывали паром. Задолго до весны никого не удивлял и не пугал вид сильно исхудалого голого тела. Но картины, которые приходилось видеть в банях по дороге в ссылку, были страшнее дантова ада. Ещё совсем молодые женщины не отличались от старух. Кругом шевелились скелеты, покрытые дряблой кожей. Ребятишки отличались от матерей только ростом. В полумраке бани казалось, что сама смерть в облаках пара плавает над массой истощённых людей.

Многие из переживших первую блокадную зиму потом продолжали умирать от дистрофии, даже при относительном достатке пищи. Это происходило и год, и два подряд. А за месяц пути по железной дороге дизентерия и тиф унесли из нашего вагона человек восемь. Вдобавок появилась незнакомая болезнь, которую медики называли цингой. От неё зубы шатались, руки и ноги распухали, покрывались синими пятнами, надавишь пальцем — остаётся ямка. Стой весны цинга надолго стала нашей спутницей.

На нашей верхней полке было два необычных случая. Одна молодая мать не уберегла от сквозняков свою годовалую дочь. Ребёнок растаял за три дня. «Неужели она умерла?» — повторяла бедная женщина, надеясь услышать отрицательный ответ. Но соседка, бабушка в очках и с книжкой Евангелия, уже читала молитву. Другая соседка, на вид совсем старая, неожиданно родила. Все вокруг засуетились. Писклявой крохе завязали пупок, обмыли, завернули в тёплый платок и положили в изголовье обессиленной матери. Наутро женщина была мертва, у неё под боком лежал придавленный ребёнок. За Омском, в Барабинской степи, их положили на камни дорожной насыпи. Маленький свёрток — сверху.

Немало было в дороге всяких случаев. Многое, как во сне, промелькнуло и прошло мимо памяти. Полусонное вялое состояние держалось долго. Через пару недель люди стали чувствовать вкус жизни, проснулись. Нас догоняла весна, а мы от неё удалялись. Где-то на родине уже пропитались соком берёзы, а в Сибири крепко подмораживало по ночам. После станции Тайга, откуда путь на Томск и в знаменитую Нарымскую ссылку, уже пошли настоящие леса. А нас везли дальше. Мы читали незнакомые названия станций, старшие гадали, куда нас везут. Потом вдруг услышали очень знакомое: Иркутск! Да у нас любой мальчишка знал песню «Иркутск и Варшава... Этапы большого пути».

Долго стояли на станции Зима. И в самом деле было очень холодно. Часть вагонов от эшелона отцепили. На следующий день прибыли в Иркутск. Комендант поезда передал нас в руки иркутских работников НКВД. Для нас, спецпереселенцев, это был только первый этап большого пути.

Нам предстояло ещё долго плыть до места назначения, а до открытия навигации на сибирских реках было не меньше месяца. Об этом матери поведал работник иркутского отдела НКВД. Он сопровождал нас до временного пристанища в таёжный леспромхозовский посёлок Кордон. Плыть надо было вверх по Ангаре, почти до славного Байкала¹, откуда вытекает стремительная красавица Ангара. Прежде она никогда не замерзала на протяжении сотни вёрст.

На колёсном пароходике «Черембасс» (полное название «Черемховский комсомольско-молодёжный угольный бассейн»²) мы доплыли до села Тальцы. Оттуда на грузовиках нас довели до Кордона, расположенного у подножья хребта Приморского, протянувшегося вдоль Байкала.

¹ Бай-кол (тюрк.) – Царь-озеро.

² Комсомольско-молодёжными в советские времена назывались все малые и великие стройки за счёт рабской силы ЗК. Например, славная Байкало-Амурская магистраль тоже строилась на костях «комсомольцев», но до 1941 года секретная стройка официально называлась «Бамлаг НКВД». В начале войны строительство прекратили. К 1974 году, новому началу великой стройки, уцелела только станция Тында.

Расселили по баракам. Взрослых сразу включили в работу. Пилили и кололи чурки для газогенераторных печей автомашин. А тех, кто посильнее, послали валить лес. Я видел, как мать с напарницей пытались полутораметровой двуручной пилой свалить сибирскую лиственницу диаметром порядка 70 сантиметров. Наши лесорубы падали от слабости.

Кормили нас довольно мокрым ржаным хлебом и супом, который называли баландой. Он представлял из себя мутную водицу, где плавали комочки теста. В тайге ещё лежал снег, но на вырубках пробивалась травка с чесночным вкусом – черемша. Мы добавляли её в горячую баланду. Сибиряки советовали есть её от цинги, но болезнь одолевала. Совсем слабых увозили в Иркутск.

В конце мая нас быстро собрали в дорогу. В Тальцах погрузились на баржу, и пароход «Советская Бессарабия» потащил нас вниз по Ангаре. По пути останавливались, к каравану прицепляли баржи с другими партиями наших земляков. Так добрались до Заярска. Оттуда вдоль строившейся Бамовской дороги нас перебросили на грузовиках с Ангары на Лену, в порт Усть-Кут, прежнее название Осетрово.

Между Усть-Кутом и Якутском тогда ходил большой пассажирский пароход под названием «Коминтерн». Он был не винтовой, а колёсный, образца чуть ли не времён Марка Твена. Только это единственное самоходное судно могло взять на борт до пятисот человек. «Коминтерн» сновал непрерывно до Якутска и обратно, чтобы успеть до ледостава перевезти всех прибывавших спецпереселенцев. Через год Сталин «прикрыл» Коминтерн, имя парохода устарело, и его назвали «Клавдий Краснояров» в честь якута, героя войны.

Якутия. К Ледовитому океану

На протяжении порядка пятисот километров ниже Усть-Кута Лена остаётся рекой горной. Она петляет по узкой долине, зажатой между гор. Течение стремительное, особенно на перекатах. Матросы парохода говорили, что их капитан отлично знает сложный и опасный фарватер. Можно не бояться. Самое при-

мечательное место в долине Лены носит название Пьяный Бык. Это высокая скала на правом берегу. Вокруг Быка наш громоздкий пароход проскочил быстро и ловко. По рассказам матросов, однажды здесь разбился карбас, на котором везли бочки с водкой и быков на мясо. Эту легенду поныне напоминают туристам. На нашей фотографии 1975 г. скала высотой более 50 метров действительно похожа на поднятую над водой голову быка. Кажется, что зверь не в силах противостоять мощному потоку, и эхо разносит по ущелью отчаянный рёв погибающего сильного живого существа. Это предупреждало: берегись, ты плывёшь в суровый край, край сильных. Но мы, слабые, этого не знали. Скоро проехали Пеледуй, устье Витима, золотой реки Якутии.

В X – XII вв. потоки кочевников вытеснили предков современных якутов от границ Китая на безлюдный север Восточной Сибири. Тюркоязычные якуты сохранили родной язык и легенды о давних временах.

В 1632 г., при царе Михаиле Фёдоровиче, русские казаки построили Якутский острог, от которого в нынешнем Якутске сохранилась одна из деревянных башен. Во времена патриарха Никона якуты были крещены и получили русские имена. Христианство ничуть не мешало якуту хранить свои древние языческие обычаи. В 1805 г., в царствование Александра I, образована Якутская область, в 1922 г. – Якутская АССР, ставшая в 1991 г. Республикой Саха-Якутия.

Площадь Якутии более трёх миллионов квадратных километров, она находится между 56-й и 74-й параллелями северной широты. В целом – страна горная. Значительная низменность, Центральная Якутская, находится в среднем течении Лены и низовьях её притоков Вилюя и Алдана. Это основной сельскохозяйственный район Якутии.

Бассейн реки Лены занимает 80 % площади страны. Гигантская дельта реки изобилует рыбой. С запада к Лене прижимаются низовья реки Оленёк¹. В Ледовитый океан впадают ещё

¹ Название родилось аналогично «опёнку», «ошейнику» и др., и не имеет отношения к северному оленю. Чалдоны, потомки казаков, называли реку не Оленёк, а Олёнек.

три якутские реки – Яна, Индигирка и Колыма. Климат Якутии более континентален, чем в центре Азии – Туве. На всей территории – вечная мерзлота. Летом в Якутске созревают арбузы, а зимой нормальным считается мороз в 50°C. Заметно прохладнее в районах Верхоянска и Оймякона (до -70°C), называемых полюсами холода.

Если природные ресурсы всей Сибири огромны, то даже мало раскрытые недра Якутии фантастически богаты. Достаточно напомнить про алмазы и газ Вилюя, золото и редкие металлы Алдана и Витима, южноякутские месторождения угля, железа и соседние с ними залежи меди Удокана. Освоение Сибири, начатое в XVII в., до настоящего времени остаётся на уровне того века. Благосостояние народов Сибири мало интересует и нынешнюю Москву. Большой сибирский патриот Валентин Распутин ещё в 1970-е гг. питал надежду увидеть родную Сибирь процветающей. В одной из повестей, говоря о грабеже природных богатств Сибири, он кивал на царские времена, когда из края вывозили в Россию только золото и пушнину. При этом народы ничего не получали взамен. По словам Распутина, «ограбленному спасибо не говорили». Писатель не смел худого слова сказать о советском времени, когда разгром и грабёж Сибири возросли в сотни раз.

Ныне к власти пришли потомки большевиков. Их не устраивает примитивное воровство прежней партийной элиты. Они воруют открыто и законно, астрономическими суммами. Золото и алмазы Якутии исчезают бесследно. Своих богатств якуты как не видели, так и не увидят. Если бы даже ничтожная доля богатств Якутии досталась самим якутам, они имели бы всё необходимое для современной жизни.

Попытки первого президента Республики Саха Михаила Николаева улучшить жизнь своего народа вызвали яростное сопротивление «новых русских». Демократическая пресса и телевидение развернули шумную кампанию клеветы и добились своего: якута Николаева удалили из Якутии, перевели в Москву, чтобы не мешал воровать.

Заглянем в СЭС издания 1989 г.: «До свержения царизма Якутия – место политической ссылки». Первым узником в Якут-

ске был сосланный Петром I в 1718 г. Андрей Войнаровский (?–1740), племянник и соратник украинского гетмана Мазепы, союзника Карла XII в Великой Северной войне. Судьбе Войнаровского посвятил замечательную поэму поэт-декабрист Кондратий Рылеев.

Известный политический террорист и убийца Сергей Степняк-Кравчинский (1851–1895) оплакивал судьбу народовольцев. «Сибирь, страна, название которой сделалось синонимом каторги. При этом слове холодная дрожь пробирает вас до костей. И когда мы думаем о несчастных ссыльных, затерянных в ледяной пустыне и осуждённых на вечную каторгу в кандалах, наше сердце исходит горем и состраданием». Сибирский губернатор приказал бунтующих каторжан Кары «выслать в якутскую деревню на Крайнем Севере, в район полярной ночи, где жизнь среди полудиких якутов ещё более жестока, чем в тюрьме». «Даже пустынная Якутская область стала заселяться ссыльными. По-видимому, следовало бы ожидать, что если люди высылаются в Якутскую область, то это должны быть весьма важные преступники»¹. Выходит, что и мы – весьма важные?

В книге «Сибирь, Сибирь» В. Распутин осмелился лишь намекнуть на эту тему, донныне актуальную: «Не самое лучшее назначение Сибири – великая ссылка и каторга, продолжавшаяся более трёх столетий, а потом и ещё... Сотни, тысячи и до миллионов прошло печальным и набитым путём отвержения в тёмные глубины Зауралья».

Несмотря на столь неприятную репутацию, именно самые суровые края Сибири – якутские берега Ледовитого океана и полярные неисследованные острова – всегда манили смелых исследователей. Даже среди действительности тридцатых годов, когда в советской поэзии царила революционная романтика Гражданской войны и «романтика» политических убийств соотечественников, промеж казённых стихов можно было найти прекрасные строчки, окрашенные романтикой открытий загадочных полярных стран.

⁴⁴ С. М. Степняк-Кравчинский. «Россия под властью царей». «Мысль», М., 1965, с. 168, 177, 229.

У матери оказался редкий сувенир – маленькая книжка стихов Леа Хело «Песнь весне»¹, где сохранилась эта мечта открывателей:

*Sinne satujen saarille vei heitä veri...
Harvat sai tahtonsa täyteen, –
Oli vastassa kuolema jäinen.
Ja jos kulkisit saarien rantoja
Tai leveiden salmien suita, –
Niin löytäisit jäästä ja hiekasta
Vaaleita ihmisen luita.*

*Они шли за мечтою о сказочных землях...
Немногих судьба одарила, –
Их ждала ледяная могила.
Пройди по широким протокам,
Огляди острова пустые, –
Там найдёшь в песке неглубоком
Беловатые кости людские.*

В 1811 г. Яков Санников видел у Новосибирских островов неизвестную землю. Поисками Земли Санникова позднее занимались многие, но она исчезла. В поисках её в 1881 г. экспедиция Де-Лонга погибла в дельте Лены от голода. В Булуне, старинном центре самого северного района Якутии, часто находили убежище и зимовали те, кого октябрь настигал в низовьях Лены. В устье реки Булунки суда надёжно укрывались от сокрушительного весеннего ледохода. В 1902 г. после гибели Эдуарда Толля в Булуне зимовали участники его экспедиции. Один из них, матрос Трифон Носов, там же и похоронен. До наших дней отлично сохранились каменные надгробия Носова и Якова Санникова, внука открывателя затерянной земли. В 1940-х гг. в Булуне ещё крепко стояли избы, срубленные в XVIII в. из лиственниц полуметровой толщины.

В эти сказочные края, где ещё не бывал ни один ссыльный,

¹ L. Helo. Laulu keväälle. 1940, Petroskoi, s. 62–64.

родная советская власть отправила нас «на вечное поселение». В Якутском порту нас ожидал первый северный караван из дюжины тысячетонных барж, попарно связанных борт о борт. Пары соединялись в цепочку толстыми короткими канатами, по которым можно было перебраться на любую из барж. Длинный стальной трос соединял гибкую колонну барж с кормой буксирного парохода. Одна из барж была служебной и хозяйственной, с кухней.

Половина барж была уже заселена пассажирами предыдущего рейса «Коминтерна». Деловитые граждане с бумагами в руках довольно долго разбирались, как распределить нас, вновь прибывших. Народ толпился на пристани. У берега Лены я увидел Рейно. Он курил самокрутку и негромко мурлыкал что-то незнакомое: «Сойдѣшь поневоле с ума, отсюда возврата уж нету». – «Про кого эта песня?» – «Это про нас», – ответил Рейно. Я ничего не понял, не знал, что бывают и тюремные песни.

Наконец, разошлись по своим «домам». В караване было около тысячи человек. В трюме каждой баржи почти всё, как в вагоне, те же нары в два яруса, то же обилие вшей. Не было только печки, и было просторно.

Из Якутска отплыли в жаркий полдень, смола на палубе прилипала к подошвам. Но в пути с каждым днём становилось всё прохладнее, хотя солнце скоро стало светить круглые сутки. В нормальных условиях путешествие по Лене – это редкое, приятнейшее событие, мало кому доступное. Однако ссыльные женщины, вконец измотанные пережитым за год, не очень восторгались величию и красотой якутской природы. Беспокоило неведомое будущее.

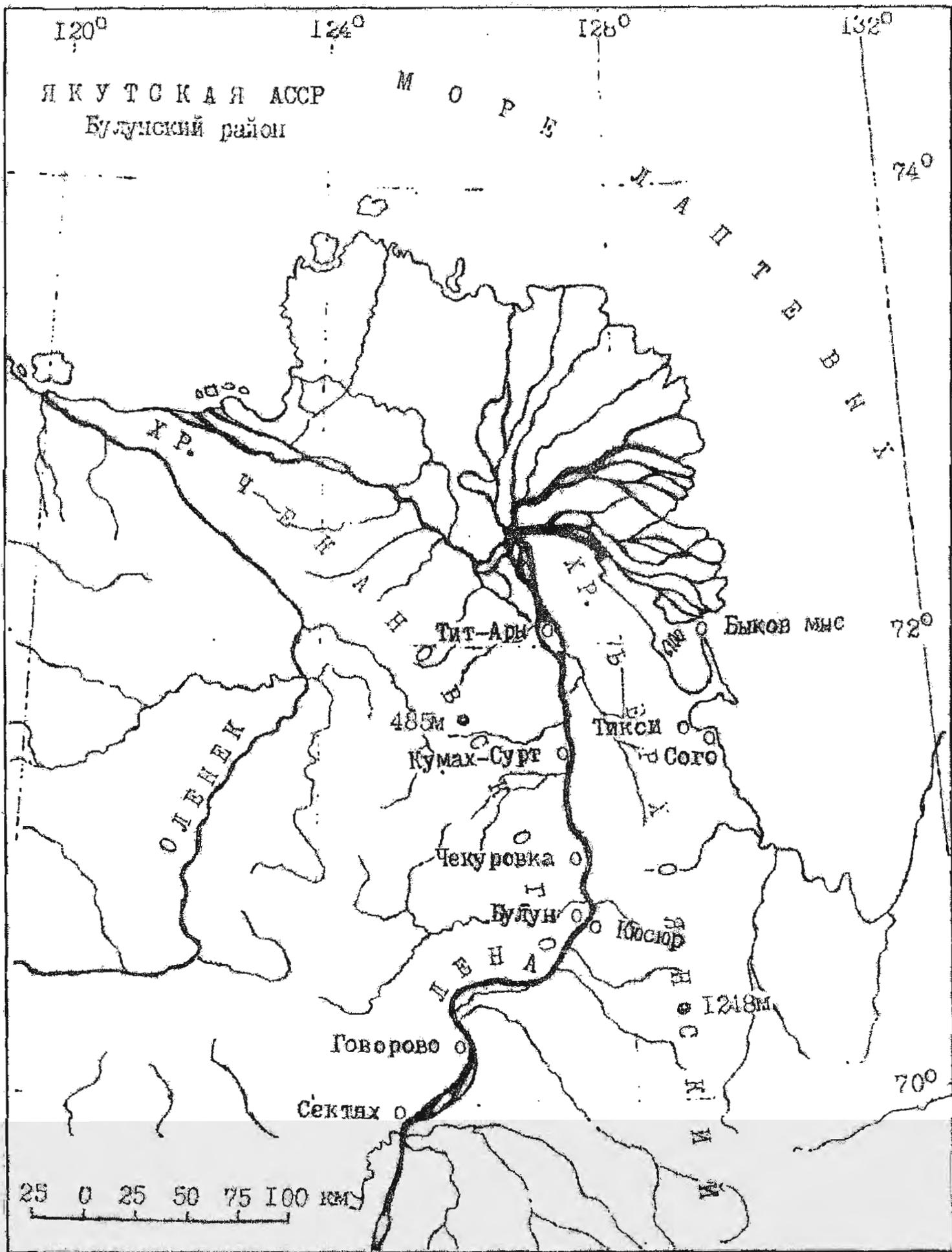
За полярным кругом, ниже Жиганска, пароход развернул караван хвостом по течению, бросили все якоря. Впереди стоял лёд, где-то в низовьях был затор. Стояли пару дней, ждали, когда Лена пробьёт ледовую пробку. Вода всё прибывала, заливая берега. Лена несёт в среднем почти полтора кубических километра воды в сутки, а весной намного больше. Плыли вырванные с корнями деревья, разбитые плоты, масса крупного и мелкого мусора. Наконец, река пробила себе путь, и вода скоро сошла. Плавающее добро осталось на берегу вместе с огромными

глыбами льда. Всё это обеспечивало хороший запас стройматериалов, дров и чистой питьевой воды. Иногда весенние паводки оборачиваются разрушительными наводнениями.

В 250 километрах севернее Жиганска начинается Булунский район, по площади (250 тыс. кв. км) равный Великобритании, но почти безлюдный. Десятую часть занимает дельта Лены. Чем дальше на север, тем реже и меньше селения по берегам реки. Многие из них были обитаемы только летом, когда прибывали бригады рыбаков. Жильё временное – бревенчатые маленькие юрты с плоской крышей, засыпанной землёй. На этих широтах летом ветер северный, он приносит частые морозящие дожди. Ливней не бывает. В 1940-х гг. севернее Кюсюра, тогдашнего районного центра, на картах были отмечены шесть небольших посёлков: Булун, Чекуровка, Кумахсурт, Тит-Ары, Столбы и Быков Мыс. В военное время практически не имел отношения к району посёлок Тикси, морской порт. Он был в ведении ГУСМП – Главного управления северного морского пути. До Второй мировой войны начальником ГУСМП был немец, академик О. Ю. Шмидт (1891–1956). В 1939 г. вместо него назначили И. Д. Папанина (1894–1986), также известного полярника.

Все селения, включая райцентр, мы миновали. Тем, кто нас вёз, не было дела до районных властей: НКВД был высшей властью. Караван спешил, шёл без остановок.

В низовьях своих Лена вновь зажата между гор. Слева – хребет Чекановского, справа – отроги хребта Верхоянского. У Кюсюра ширина реки не более трёх километров, течение быстрое. На широте 72° посередине реки стоит высокий Тит-Ары, по якутски – лиственничный остров, протоки узкие. Тут часты заторы льдов. За островом Лена вырывается на свободу, на просторы своей дельты, где сотни мелких протоков и множество низких заболоченных островов, сложенных песчаными наносами реки. Главные судоходные протоки – сравнительно малая Оленёкская и огромные Трофимовская и Быковская.



Карта Якутии

В конце июня на развилке трёх протоков наш караван обогнул северную оконечность Верхоянского хребта и пошёл по Быковской протоке на юго-восток к заливу Неёлова. Этот почти замкнутый пресноводный залив отделён от бухты Тикси перешейком, который далее узким полуостровом тянется на север и оканчивается острым Быковым Мысом. У выхода в залив, возле безымянного пустынного острова, названного просто Ары, от каравана отцепили две баржи. Здесь высадили первый «финский десант», в котором оказались все наши Муосолайнены. А через день караван причалил к Быковому Мысу. Закончился наш маршрут. Мы были в полутора тысячах километров от Якутска, в трёх с половиной тысячах – от Усть-Кута, в девяти тысячах – от родины. Дальше пути не было. Перед нами простирался Ледовитый океан.

В первую неделю июля у входа в Трофимовскую протоку на большой остров со второго каравана высадили тоже около тысячи финнов. В их числе были Арво Саволайнен с сестрой Эльвирой, тёткой и бабушкой. Айно, мать Арво, умерла весной недалеко от станции Зима. Летом финские поселенцы появились на Тит-Ары и в Булуне, а также в соседнем Жиганском районе, в частности, в посёлке Натара. В Булунском районе финнов оказалось около трёх тысяч.

Поскольку навигация Северо-Якутского речного пароходства недолгая, то последующие партии ссыльных расселяли в более южных районах, также по берегам Лены, например, в Покровске и Синске, недалеко от Якутска. Каким-то образом финские переселенцы оказались даже в Усть-Янске! В целом в Якутию было выслано не менее десяти тысяч финнов. Точных данных нет.

Для расселения «неугодных» или «враждебных» народов большевики использовали уже упомянутую процедуру, придуманную декабристом Пестелем: «Силою переселить в внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям». Малыми количествами в системе Великого ГУЛАГа нас раскидали не только по Якутии, но и по другим регионам Сибири. Характерной особенностью расселения была

изоляция интеллигенции от своего народа. В Булунском районе всех учителей направили в Кюсюр или Тикси, чтобы они не могли учить финских детей.

В Булунском районе были также сосланные из Литвы «классовые враги» – крестьяне, якобы, кулаки, и «буржуазная» интеллигенция. Они были «раздроблены» столь «малыми количествами» по таким гиблым малым посёлкам, что сведений о них практически не было.

Природа заполярной Якутии сурова. На широте Кюсюра местами ещё растут низкорослая даурская лиственница, карликовые ива да берёзка, изредка встречается кедровый стланник. Довольно много морошки и голубики. А в дельте Лены и на морском побережье – настоящая арктическая тундра. Растут только мхи и чахлые травы, под ними мёрзлый песок и вечный лёд.

В июле два-три дня бывают тёплые, воздух прогревается до $+20\text{ }^{\circ}\text{C}$ днём и $+15\text{ }^{\circ}\text{C}$ ночью. Но стоит подуть северному ветру, и температура за каких-то полчаса может упасть до нуля, повалит снег. Вечный лёд за лето немного оттаивает, местами сбрасывает скудный слой почвы и обнажается. Во льду появляются глубокие трещины, к зиме они снова зарастают и закрываются. В Быковском рыбзаводе склады были вырублены в толще такого льда, получились отличные холодильники. Считалось, что весь полуостров лежит на льдах, покрытых морским прибойным галечником и речными наносами. В августе уже крепко подмораживает. К сентябрю, обычно на один месяц, освобождается от льда бухта Тикси. Иногда она вовсе не открывается, и прибывающие морские караваны разгружаются далеко на рейде.

Зимой температура достигает $-40\text{ }^{\circ}\text{C}$. Пурга может длиться несколько дней. Между жилищами иногда приходится передвигаться, держась за протянутые верёвки. Единственным зимним транспортом в рыбацких посёлках были собачьи упряжки. В Кюсюре и южнее зимой и летом ездили на оленьих нартах. В Тикси и Сого, шахтёрском посёлке, использовались американские грузовики студебеккеры и тракторы.

Авиатранспорт был редкостью. Между Якутском и Тикси, вдоль Лены, летали двукрылые «аннушки» с посадками в районных центрах. Рейсы были очень нерегулярными из-за даль-

ности и погоды. Летом в Тикси изредка залетали лётчики полярной авиации, выполнявшие ледовую разведку.

Итак, перед нами простирался Ледовитый океан. Был первый день июля. Караван причалил к Быкову Мысу со стороны залива, где нет морского прибоя и слабее вечер. Высадка на берег шла в советском духе парадности. Изнурённые путешествием люди осторожно спускались по шатким трапам на твёрдую землю. В радиорубке парохода завели патефон, и на всё необъятное пространство раздалось:

*Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.*

За три месяца люди увидели всю широту страны, на себе ощутили все прелести каторжного пути в десять тысяч вёрст. Несмотря на перенесённые трудности путешествия, все радовались, что оно закончилось. Слезы и улыбки на лицах, даже у старушек, едва передвигавших опухшие ноги. Радовал свежий морской воздух. Дышалось вольно, совсем как в песне. Наша воля теперь тоже была безгранична: с севера – бесконечный океан, с юга – просторы тундры. При виде этого величия природы никому пока не пришло в голову, что всё это – наша бескрайняя тюрьма. Большинство людей были настолько слабы, что мысли их почти не тревожили. Преобладало одно желание – поесть и отдохнуть, отдохнуть.

Власти заранее завезли на строительство Быковского и Трофимовского рыбзаводов сезонных рабочих – плотников, столяров, бондарей, печников. Были группы опытных рыбаков для обучения рыбацкому делу всех пригодных. Постоянно, до закрытия навигации, прибывали плоты, на них везли необходимые стройматериалы.

Женщин одели в брезентовую мужскую одежду, резиновые сапоги и с первых же дней впрягли в работу. Одни учились обращаться с неводом и грести на баркасах. Другие, по пояс мокрые, разбирали плоты и, точно бурлаки, вытаскивали брёвна из ледяной воды на берег. Тут же на песчаном пляже рабочие

вручную распиливали брёвна на доски, рубили срубы домов и юрт. Все работали круглые сутки, благо солнце вообще не заходило. К нашему приезду уже были готовы контора рыбзавода, цех разделки и засола, работал бондарный цех – готовил бочки. Это и был весь рыбзавод. А мы, ребяташки, обегали весь Быков Мыс, напрасно искали заводские трубы.

Вдоль берега залива строился посёлок, заканчивалось оборудование школы. Могла бы показаться странной такая забота о грамотности детей ссыльных. Но именно школа обязана была сделать из нас, детей врагов народа, борцов за великое дело Ленина–Сталина. В третьем классе Быковской школы я успел проучиться один месяц. Комендант Быковского лагеря распределил всех взрослых по работам. 12 июля он назначил мать секретарём директора рыбзавода. В конторе временно работали и другие учительницы-финки.

В день приезда нас поселили на пустынной морской стороне в длинные палатки из тонкой бязи. Мебель лагерная – деревянные топчаны. Ездовые собаки, летом не злые и общительные, к нам не забегали, потому что в палатках холодней, чем на улице, и поесть нечего. К заморозкам были готовы первые бараки. Мать предпочитала жить отдельно: меньше вшей и без казарменной атмосферы. Мы заняли маленькую старую юрту на берегу залива.

Приятные воспоминания оставила живая природа Севера. Толпа зрителей собралась на берегу, где наши рыбацки впервые заводили длиннющий невод. Никто не верил, что они что-нибудь поймают. Все разинули рты, когда общими усилиями на песок вытащили целую гору невиданной рыбы, крупного ленского омуля, груды живого серебра!

В залив Неёлова и Быковскую протоку иногда заходили любители деликатесной рыбы – огромные северные дельфины белухи. Там же паслись стада тюленей. Однажды проезжие полярники с Ляховских островов оставили в посёлке молодого белого медведя. С ним постоянно играли ребяташки. Медведь бродил возле школы, ждал перемен и конца уроков, чтобы порезвиться. Но у него начал портиться характер, и зверя отдали матросам проходившего парохода.

О жизни на Быковом мать оставила и невесёлые заметки. В них повторяются строчки из упомянутого выше стихотворения Леа Хело. Уже в летние месяцы финнов умерло много. Длительное голодание часто приводило к дистрофии, общему расстройству обмена веществ и гибели организма. Эту болезнь ссыльные привезли с собой. В те годы она была неизлечима¹. Дополнительно действовала коварная цинга.

На морской стороне для кладбища был отведён участок вечных льдов, покрытых тонким слоем почвы. Сначала покойников хоронили в гробах. Но досок не хватало для бондарного цеха и строительства. На собрании решили обходиться без гроба, обёртывать тела старой парусиной или брезентом. Рытьё могил облегчалось благодаря трещинам в вечной мерзлоте. Трещину только расширяли до нужных размеров. В мёрзлой толще покойники могли храниться веками.

Одной из первых была похоронена Мария Кесянен, и кладбище назвали ледовым царством Марии (*Kesäsen Marian jäinen valtakunta*). У могил знакомых или незнакомых последние слова обычно произносил кто-нибудь из учителей: единственный член ВКП(б) Михаил Карху, Пётр Каява, Айно Иванова, Екатерина Лиукконен. Больше всего собиралось народа, когда у покойника не оставалось никого из близких. Оставшиеся в живых часто вспоминали похороны Анны Кякяйнен (*Käkäinen*). Две бабушки собирались спеть что-нибудь из Псалтыря (*Virsi*), но обе оказались безголосыми. Тогда Ольга Ковалевская вдруг грянула на русском языке:

*Вот умру, вот умру я, похоронят меня,
И родные не узнают, где могила моя.*

Одного куплета было довольно: женщины заревели хором. Многих ожидала такая же участь...

¹ Известна судьба ленинградской девочки Тани Савичевой. В блокадную зиму 1941–42 гг. у неё умерли все родные. В 1942 г. Таню вывезли из Ленинграда в детский дом посёлка Шатки Горьковской области. В 1944 г. она умерла от дистрофии.

Миновало короткое полярное лето. Надвигалась долгая и суровая полярная зима. Вторая голодная зима. В рыбзаводских посёлках Быковском и Трофимовском населения насчитывалось до полутора тысяч в каждом. Жили в бараках-общежитиях. Посередине коридор, по обе стороны большие комнаты, в каждой комнате – по несколько семей. Посёлки имели всю стандартную структуру: орган советской власти, школу, больницу, магазин, почту, радиоузел... И над всем этим – комендатура НКВД. Поблизости от посёлков, на островах, было несколько селений рыбацких бригад.

Разделкой и солением рыбы занимались пожилые женщины и подростки. Дело нелёгкое даже для крестьянок, привыкших к любому труду. Не менее десяти часов в сутки – на ногах. Руки, порезанные и поцарапанные, вечно мокрые, в ледяном рассоле. В цехе холодно летом, морозно зимой. Тётя Катя с детьми провела на острове Ары семь лет. О жизни в полярной пустыне Марта рассказывает спокойно, как о чём-то будничном, обычном. Тесная низенькая юрта с плоской крышей, на крыше – люк, запасной выход. Зимой пурга заметала юрту полностью, торчала только печная труба.

Если летом рыбалка – не курорт, то зимой – кошмар. Семь месяцев длится подлёдный лов. Подлёдный лов рыбы – это работа, которую иначе как каторжной не назовёшь. О такой работе ссыльные народовольцы и большевики и не слыхивали. В мороз и метель надо очистить от льда длинную прорубь, поднять сеть, быстро вынуть из неё рыбу и снова погрузить сеть в воду. За это время намокшая брезентовая роба становится железной, руки коченеют до бесчувствия, кожа лица замерзает. Небольшая передышка в палатке, редко у костра, затем то же самое на следующей сети. Это повторяется ежедневно, при свете керосиновых фонарей в полярной ночи, с отдыхом только во время пурги. В войну план выполняли любой ценой... У Марты до сих пор лицо и руки чувствительны к холоду.

Наша первая якутская зима была голодная, хотя и не сравнимая с рамбовской. При изобилии рыбы, по карточкам её выдавали мало, только рыбакам добавляли, если перевыполняли план.

Каторжные условия быта и работы, голод, полярная ночь, постоянное напряжение сил и нервов – всё это добивало многих. За первую зиму все больные и слабые исчезли, их просто вычеркнули из списков НКВД. Приговор большевистского правосудия приводился в исполнение без насилия. О жертвах на Ары я у Марты не спрашивал, поинтересовался только судьбой Рейно.

Летом Рейно рыбачил, а зимой служил на почте каюром. Регулярно ездил по тундре и ленским протокам, держал связь между рыбаками и внешним миром. В декабре 1947 г. были какие-то выборы. Царила обычная политическая показуха: кто раньше проголосует за единственного в бюллетене кандидата сталинского блока коммунистов и беспартийных. Рейно получил задание срочно отвезти на Быков Мыс члена избирательной комиссии с ящиком бюллетеней. Отвёз. Начиналась пурга, возвращаться домой не советовали. Но Рейно рискнул: всего два часа езды. Его нашли только весной, совсем недалеко от дома.

Трофимовская протока, а также остров и посёлок на нём получили названия от надписи на давнишней одинокой могиле: «Здесь похоронена семья рыбака Трофимова». О жизни в Трофимовке рассказывал Арво Саволайнен. Он навсегда запомнил ту первую полярную зиму, когда умерли его бабушка, тётя и пятилетняя сестрёнка Эльвира. Зимой свирепствовали сыпной тиф, цинга и голод. Арво считает, что за первый год в посёлке вымерла половина населения. Только к осени 1943 г., когда наладилась торговля с США и Канадой, снабжение продовольствием резко улучшилось. Из Тикси в рыбацкие посёлки стали поступать отличные продукты. Но американская помощь запаздала. Вокруг могилы Трофимовых выросло огромное финское кладбище.

Мы не знаем, сколько финнов-ингерманландцев погибло за восемь лет якутской ссылки. Большинство из них стали пропавшими без вести, безымянными и всеми забытыми, словно их и не было на свете. Никто не найдёт их могил, много раз перепавших весенними ледоходами и размытых великой рекой на её пути в Ледовитый океан.

Кюсюр

В конце сентября 1942 г. мать получила направление на работу в среднюю школу районного центра. С ближайшим караваном мы поехали в Кюсюр, где оказались оторванными от своих земляков, в непривычной, довольно пёстрой интернациональной мешанине.

Кюсюр в точности соответствует словам Рылеева:

*В стране метелей и снегов,
На берегу широкой Лены
Чернеет длинный ряд домов
И юрт бревенчатые стены.*

Посёлок растянулся километра на два вдоль правого берега реки. Берег полого поднимается метров на десять выше среднего уровня воды, этого достаточно, чтобы паводки не заливали посёлок. На востоке виден гребень Верхоянского хребта. Крутой левый берег обрывается к воде своими обнажёнными «щеками», характерными для сибирских рек. На южном конце Кюсюра был расположен оленеводческий совхоз, за ним административный центр, где находились также клуб, школа и общежитие учителей. Дальше к северу были основной жилой и хозяйственный «микрорайон» и аэродром со своими службами.

Утром 2 октября мы сошли на берег. Милиционер, встречавший караван, проверил наши документы и объяснил, как пройти в отдел НКВД. На двух мешках нашего багажа я более часа просидел в тёмном коридоре милиции, пока мать беседовала с нашим шефом Смерчинским, начальником районных лагерей. Шеф создавал о себе неплохое впечатление. Опытный чекист, он относился к спецпереселенцам снисходительно, общаясь с ними, не забывал о своей репутации. Не касаясь служебных запретов, говорил обо всём четко и недвусмысленно. Мать посчитала возможным доверить шефу нашу историю. Она спросила, что ей писать в автобиографии относительно моего отца, и получила ответ: «Пишите и говорите, что муж и отец умер в 1942 г.». Правда, в Кюсюре уже знали, что мой отец – враг народа.



Учительский дом (1975 г.)

Шеф дал матери записку для заведующего роно. Там уже был приказ о назначении Риехкалайнен С. А. преподавателем русского языка и литературы в 5–7-х якутских классах. Из роно нас провели на место жительства в учительский дом. Это был просто небольшой барак в восемь изолированных комнат, по четыре с обеих сторон коридора. Обширный тамбур служил кладовой для запаса дров. В каждой комнате размером 3,5 на 2,5 метра у входа стояла плита с обогревателем, в наружной стене – окно. Дом этот ещё в 1975 г. сохранял свой прежний вид. Гнили и плесени на вечной мерзлоте не бывает.

Нас временно поселили к Марии Афанасьевне Припузовой, завучу школы. Она с младшей сестрой выехала в Якутск с последним пароходом. Несколько дней мы жили вольготно. Но скоро к нам вселилась семья литовских евреев – учительница немецкого языка Гута Моисеевна (фамилии не помню) с матерью и сёстрами. Младшая Ася училась в десятом классе, а Берта была школьным библиотекарем. Берта запомнилась своей

забавной аллитерацией согласных «л» и «р», например, «я вам книгу плинесра». Теснота была невероятная, и роно освободил для нас комнату напротив, с окном на улицу, с отличным видом на Лену.

Отдельно, хотя бы коротко, хочется рассказать о якутах тех времён. Они составляли большинство двухтысячного населения Кюсюра. Якутами были районные руководители, значительная часть служащих, все жители и работники оленеводческого совхоза. Кроме оленеводства, якуты занимались охотой на дикого оленя и песца, а также рыболовством. При совхозе работали мастерские – меховая, кожевенная, швейная, вышивки бисером, косторезная. Женщины обрабатывали шкуры песца и оленя, превращая их в меха и замшу, шили меховую одежду и обувь, рукодельницы украшали праздничную женскую одежду и торбаса народным орнаментом из разноцветного бисера. Мужчины-косторезы делали множество прекрасных сувениров и бытовых предметов из мамонтовой кости, которую привозили с Новосибирских островов. Сейчас подобное увидишь разве что в музее.

Суровый Север требует непрерывной и рациональной деятельности. Якуты вели жизнь спартанцев, имели только всё необходимое и без лишних запасов. Кочевое жильё (тордох), одежда, обувь, нарты, упряжь, инструменты, снаряжение – всё было удобным, прочным, лёгким и тёплым. Мясо и рыба, основное питание пастуха и охотника, добывалось в тундре, на месте работы. Из Кюсюра брали с собой периодически пополняемый запас муки, соли, непременно чай и табак. Мужчины курили почти с детства, женщины – в пожилом возрасте.

Якуты немногочисленны, но они за многие века сложились в физически крепкий, выносливый и здоровый народ. Таких подвижных и ловких краснощёких ребяташек, как в Кюсюре в 1940-х гг., сейчас едва ли где увидишь. В широком школьном коридоре (он же актовый и спортивный зал) на переменах дети, как весёлые бесенята, вертелись в якутской народной борьбе. Болезней и медицины якуты не признавали. От бича Севера, цинги, верными средствами были оленьё молоко и сырая свежая рыба, которая в виде строганины – первое лакомство. Многие финны узнали об этих лекарствах слишком поздно.

Для оторванного от мира жителя тундры важнейшее условие жизни – общение. Якуты более всего ценят беседу. Недаром у них приветствие звучит «kärsee» – поговорим, а «kärsee soh» – отказ от разговора – воспринимается как грубость. Беседа обычно сопровождается горячим чаем или трубкой. Собеседники внимательно слушают, не перебивая друг друга.

Даже в одиночестве, чаще всего в поездке, якут тоже разговаривал или речитативом напевал, словно размышлял вслух. Однажды в юрте у моего одноклассника Вани Винокурова я встретил молодого пастуха. Он был грамотным, разговорчивым, но говорил по-якутски. Ваня переводил. Этот парень объяснял, что в тундре он не бывает одинок. Как говорили старики, человека повсюду окружают духи природы, с которыми надо советоваться, иначе может быть худо. Если человек беседует с духами, они ему помогают. Похоже на колдовство «диких якутов», но тогда к дикарям придётся отнести и философов древности, которые одухотворяли природу. Умение беседовать с духами природы – это знание и использование многовекового жизненного опыта народа. В пути пастух говорил и напевал о своих делах и планах, обо всём, что встречалось, что видел и слышал. Внимательно наблюдал окружающее, отмечал малейшие изменения погоды, поведение своих оленей или собак, зверей и птиц, звук треснувшего от мороза речного льда и длительность этого гулкого звука, свист ветра и шорох снега. Слушал голоса духов, своих друзей.

Отдельно надо отметить неперенные черты характера якутов – дружелюбие, доверчивость, честность.

Мать считала, что мы выжили в первую зиму благодаря карточной системе и щедрости якутов. Рабочим и служащим по карточкам на месяц выдавали по двести граммов спирта и листового табака, зверски крепкого. Для взрослых якутов этого было недостаточно, и они охотно обменивали мясо и рыбу на дефицитный товар. Ученики любили свою Сопью Абрамовну (в якутском языке нет звука «ф»), и бескорыстные родители снабжали нас своими продуктами сверх общепринятого обменного курса. Деньги популярностью не пользовались, да и зарплата матери всегда была учительская.

Во время войны северные районы ЯАССР были освобождены от призыва в армию. С 1944 г. эта льгота распространилась на всю Якутию. Поэтому первые три года «дезертиры» всеми путями ухитрялись попасть на Север. В Кюсюре их оказалось сравнительно немного, но среди них было достаточно людского сброда, отравлявшего жизнь окружающим. Летом 1944 г. почти все они покинули Кюсюр. Присутствие этих «враждебных элементов» особенно явно чувствовалось в школе. Многие русские мальчишки постарше открыто презирали якутов, летом иногда организовывали драки младших школьников с якутскими ребятами. Однажды я встретил толпу русских пацанов примерно моего возраста, которые шли в сторону совхоза. С ними был незнакомый верзила. «Иди с нами бить якутов», – крикнул он мне. Я прошёл молча. Минут через десять ребята возвращались, радостно распевая: «На краю оленьсовхоза мы закончили поход». Верзила мимоходом наградил меня подзатыльником: «Ты за якутов? Зачем они тебя защищают?» Я осмелился ответить: «Чтобы ты меня не трогал». Он усмехнулся и прошёл дальше.

В третьем классе меня приняли в пионеры. На сборе отряда я прочитал клятву «быть готовым к борьбе за дело Ленина–Сталина». А те же мои «товарищи в борьбе», даже некоторые из одноклассников, надо мной издевались. Логика была железная: я – сын врага народа, финн, Финляндия – союзница фашистской Германии, значит, я не просто враг, но ещё и белофинн и фашист! Эти слова я слышал часто. В мои десять лет я чувствовал себя чужим и отверженным.

От всей этой пакости скоро нашлось надёжное убежище – чтение. Той зимой, дорвавшись до художественной литературы, я просто зажил в новом, прекрасном мире. Я сблизился с Эдуардом Колесниковым, парнишкой умным и начитанным. Его отец был директором районного рыбкоопа, контора была напротив нашего дома. В те времена на таких «хлебных» должностях на одном месте долго не держали, ежегодно переводили в другой район. В 1943-м Колесниковы уехали в Якутск. У Эдика была небольшая, но хорошо подобранная домашняя библиотека. Ничего подобного мне прежде и не снилось. Эдик

на свой вкус выбирал мне книги, и за долгую первую зиму я пристрастился к чтению. Это стало лучшей школой русского языка. Раньше я не подозревал, что можно быть счастливым даже в самой паршивой обстановке, если в руках хорошая книга. Нужен был ещё какой-нибудь светильник, чтобы читать, у меня была самодельная коптилка – фитиль из ваты в жестянке с рыбьим жиром.

До конца лета в школьном интернате жили литовцы, девочка по фамилии Плеските (имени не помню) и Бейнорас Кестутис Юргис. Им было около четырнадцати лет, но они попали в третий класс, так как плохо владели русским языком. Плеските зимой умерла... В то время я только что прочитал пушкинский перевод из Мицкевича о сыновьях князя Будрыса. Я рассказал Кестутису содержание баллады и назвал его «Кестут-воевода», как у Пушкина. Он улыбнулся. Скоро он куда-то уехал. Я не успел узнать, откуда они появились, эти малолетние изгнанники. Надеюсь, Кестутису удалось вернуться на родину, он был из крестьян, парень крепкий.

Наша жизнь в Кюсюре началась в мрачной обстановке изоляции при гнетущем настроении обречённости. В школе мать впервые встретила с напряжёнными, не деловыми отношениями между дирекцией и учителями, атмосферой взаимного недоверия. «Здесь можно с ума сойти», – говорила мать, привыкшая к активной жизни среди людей с общими интересами. И в этом мраке всё же был неожиданный просвет.

В конце октября в Кюсюре застряли московский археолог А. П. Окладников с женой. Они поселились в соседней с нами комнате и почти месяц ждали вылета в Якутск. Рейсы маленьких АН-2 были редки. Они брали почту, срочные грузы и только одного пассажира. Вечерами мать подолгу беседовала с учёными людьми, свободного времени у них было достаточно. Молодой профессор носил бородку, был деловит, бодр и стремителен, как Нюргун Боотур¹.

Алексей Павлович проводил жену и ещё дней десять ждал нового рейса. Он вёл раскопки древних поселений и могильни-

⁴⁷ Герой якутского народного эпоса «Нюргун Боотур Стремительный».

ков. Увлекательно рассказывал о первобытных жителях Севера. Демонстрировал свои новые любопытные находки – каменные наконечники стрел, ножи и статуэтки из мамонтовой кости, бусы, брошки и прочие интересные вещи.

Через много лет, в 1968 г., в московском Домодедове я ожидал своего рейса и услышал голос диктора: «Пассажир Окладников Алексей Павлович, вас ожидают у справочного бюро». Я подошёл поближе к справочному, чтобы разглядеть старого знакомого, избранного в академики. Он был лёгок и подвижен, как прежде.

Уже в октябре мать познакомилась почти со всеми ссыльными из Литвы. Мужчин как не бывало. Подружилась с семьями Козловских, Луцкевичей и другими. Лучшей подругой матери стала Ольга Антоновна Меркене. После ссылки они встречались и переписывались до последних дней своих.

Кюсюрская изоляция от соотечественников одинаково угнетала всех ссыльных, и всем понравилась идея включиться в клубную работу. Клуб обычно развлекал людей вечным повтором старых кинофильмов и танцами, там отмечали революционные даты. Директор клуба Новиков обрадовался, когда мать и сёстры Ирина и Виктория Козловские пришли с предложением организовать драматический кружок и хор. К финнам и литовцам присоединились сначала несколько старших школьников и школьниц. Потом в драмкружок пришла жена Степанова, первого секретаря райкома партии, и работа клуба стала частью жизни населения. В день сталинской конституции публика приветствовала своих артистов. Мать вспоминала свою комсомольскую юность.

Директором школы был Элиос Гаглоев, из вновь прибывших, земляк Сталина, осетин. Он обладал сталинским акцентом и дурным характером, даже внешне и одеждой был похож на вождя, но без усов. Его боялись не только ученики, но и учителя. Выпускницы якутского пединститута плакали от этого ухажёра.

В декабре в школе возникло дело о воровстве: двое четырнадцатилетних учеников-финнов, живших в интернате, попались на краже рыбы из кладовой. По законам военного времени ребятам полагался год тюрьмы. На первом заседании судья заявила, что нужен общественный защитник. Степанов посове-

товал матери выступить в роли адвоката. Она обвинила во всём директора школы, в чьём ведении был интернат. Ребята отдавали рыбу своему воспитателю, который коптил её для директора. Суд оправдал ребят, Гаглоеву вынесли порицание.

Директору не нравилась художественная самодеятельность, которая, дескать, отвлекала учителей от работы. После суда он каждый понедельник приходил к матери на урок, листал тетради учеников, планы уроков, искал погрешности в работе, публично делал замечания матери. Он отнёс в роно солидное досье с выводом о несоответствии Риехкалайнен С. А. своей должности. Результатом стал приказ № 13 по роно от 27 февраля 1943 г. об увольнении матери. В понедельник 1 марта она пошла в райком с подробным описанием всего происходившего. Появился новый приказ, № 14 от 4 марта, о назначении Риехкалайнен С. А. методистом и библиотекарем методкабинета роно. Большого Степанов сделать не смог. Мать на эту работу не согласилась и отнесла свои бумаги Смерчинскому. Шеф сказал: «Отдохните и не волнуйтесь».

Через месяц из Якутска пришёл приказ № 410-К от 23 марта 1943 г. Наркома просвещения ЯАССР В. Чемезова: «Заведующему роно тов. Уваровскому немедленно отменить приказ об увольнении Риехкалайнен С. А. Оплатить ей вынужденный прогул за счёт зарплаты тов. Гаглоева. Последнего предупредить о возможной судебной ответственности за дискредитацию учителей». Гаглоева назначили директором в начальную школу п. Булун. Летом он уехал из района.

Задолго до открытия навигации, в мае, из Кюсюра срочно вылетел Смерчинский, передав Булунский лагерь в ведение районной милиции. По-видимому, наш шеф без работы не остался. После Сталинграда в ГУЛАГе дел прибавилось. Надо было позаботиться о жилье и работе для пленных кадров фельдмаршала Паулюса, а также о советских гражданах — всех тех, кого Красная Армия освободила из плена и оккупации.

Первую зиму прожили мы в крайней бедности. Не было ни одежды, ни обуви. И в продаже почти ничего. Для меня мать купила девичье пальто, застёжки налево, воротник типа шарфа. Ворот мать переделала, сошло. Торбаса из шкурок оленьей голе-

ни на лосиной подошве были дорогие. Поэтому кянчи, меховые чулки, мать обшила сукном от старой шинели. На эти «торбаса» в весеннюю слякоть я напяливал драные калоши. Было тепло, но вовсе не нарядно. Сначала было стыдно за свой нелепый вид среди прилично одетых школьников, потом привык.

Летом я пропадал с ребяташками на берегу Лены, обычно недалеко от дома. Купаться даже в июле удавалось редко. Почти всё лето на склоне берега лежали и таяли огромные льдины. При заторах уровень воды иногда поднимался до верха галечной гряды берега, и Лена забрасывала льдины почти к домам Кюсюра. Таявший лёд раскалывался на столбчатые голубые кристаллы. Это была чистейшая питьевая вода. Топлива было много. Мы разводили большие костры. Удочками и закидушками ловили плотву и окуней, попадались сиги и налимы. Жарили ершей и ели в них икру, без соли и хлеба. Улов бывал приличный. По домам расходились поздно, солнце не заходило.

На зиму я заготавливал дрова, таскал с берега. В августе в зарослях карликовой ивы и берёзки собирал голубику и морошку, встречались подберёзовики, тощие и мокрые.

Праздничными были дни прихода караванов. Пароход издалека оповещал о себе гудками. Днём или ночью весь Кюсюр высыпал на берег встречать и провожать знакомых и незнакомых или просто поболтать с новыми людьми.

А мать всё лето светлое шила и штопала для себя и для людей, готовилась к следующей долгой зимовке. Изредка навещала своих подруг и знакомых. В конце августа северо-восток подул на наш пологий берег. На Лене поднялся сильный шторм. Короткое было у нас лето. Снова в школу, опять всё то же.

В тридцатые и сороковые годы политика опутала жизнь. Советский малыш, едва научившись ползать, различал портреты великих вождей, знал их имена раньше имени своего отца. Политграмота продолжалась в школе как будто на более высоком уровне, но формально и нудно. Ежедневно об одном и том же писали «Пионерская правда» и «Советская Якутия». С возрастом человек становился неверующим и лицемером. А реальная жизнь и окружающая среда тоже по-своему воспитывали нас.

В Кюсюре вся пёстрая публика была на виду. Даже осуждён-

ные гуляли на воле без охраны. В райцентре была только тесная КПЗ, камера предварительного заключения, где кадры ночевали. Тюрма (баржа № 5) в комплексе с шахтой находилась в Тикси. За долгую зиму в КПЗ формировались две небольшие группы осуждённых: одна из тех, кого послать в Тикси, другая – на фронт, в штрафники. До первого каравана эта бесплатная работа использовалась на всех необходимых работах, в основном на свежем воздухе. Все жители знали их, они могли запросто зайти в любой дом или юрту погреться, перекурить. Народ нестандартный, всякое повидавший. Слушать их разговоры было интересно, однако небезопасно. Некоторые зеки слишком откровенно и нелестно говорили о советских порядках, о властях всех уровней, даже о вожде, отце народов.

На просторах великого ГУЛАГа среди миллионов ЗК были тысячи знаменитых и талантливых людей. Там зарождались крамольные идеи, проникавшие на волю; там создавалась и своеобразная тюремная поэзия, популярная в СССР. Всё это привлекало новизной и даже романтикой, имело воспитательную силу не меньшую, чем набившая оскомину казённая идеология. Возможно, без ГУЛАГа не было бы солженицыных. В начале мрачных 1960-х гг. эту тему осмелился затронуть молодой поэт:

*«Я в ту ночь позабыл все хорошие вести,
Все призывы и звоны из Кремлёвских ворот.
Я в ту ночь полюбил все тюремные песни,
Все запретные песни, весь гонимый народ»¹.*

Култ вождя меня обошёл, не задел, я был к нему равнодушен. В Кюсюре он совсем потерял в моём незрелом пионерском сознании свою святость и безгрешность. И однажды пионер совершил... покушение на вождя! Поступок мелкий и глупый, но для затерянного в тундре посёлка, да в суровое военное время – происшествие неслыханное, чрезвычайное. Но речь об этом немного позднее.

В четвёртом классе я подружился с Амиром Искаковым, моим ровесником. Он родился в Колпашеве, городе на реке Оби в 350

¹ Николай Рубцов. «Осенняя песня». (Строки, зачёркнутые цензурой)

км к северу от Томска. В царское время Колпашево было столицей знаменитой Нарымской ссылки, а с советских 30-х гг. там находился центр Нарымского окружного отдела НКВД. Его лагеря располагались по берегам и островам Оби до Салехарда на полярном круге. В 1941–1942 гг. там появились ссыльные немцы Поволжья, финны-ингерманландцы и «другие народы». В советской печати об этих знаменитых лагерях – ни гугу. Поэтому здесь требуется небольшое отступление, относящееся к концу XX в.

Долгие десятилетия от нас была спрятана страшная тайна колпашевского лагеря смерти. Тайну раскрыла могучая река. Об этом в 1989 г. рассказал Ю. Хардигов.

«Обь подмывала крутояр, где располагался Нарымский отдел НКВД. И вот обнажился подвал «грозного органа» с штабелями мёртвых человеческих тел. Испуг от увиденного был парализующим. Не любопытные, но исполнительные потомки вымыли винтами мощных теплоходов останки «белокостного» штабеля в свинцово-сизую обскую воду. В густом крошечке глины и костей всплывали на поверхность черепа с округлыми отверстиями на затылках, обращали последний взор пустыми глазницами на «посёлок Колпашев», на обнажённый крутояр и, наполнившись отчаянной водой, вновь погружались в тёмную бездну».

«Вымыли мы огромную площадь. Потом бурильным станком прошлись, может, ещё где ниши с убитыми есть, – вспоминает работник Томского областного КГБ... – Почти полмесяца шли скорбные работы, которые имели целью раз и навсегда покончить с вдруг обнажённой могилой...»

«Фашистский режим, установленный в Германии, ... лишь в более усовершенствованной форме напоминает режим тридцатых годов. Страна была превращена в лагерь».

«В пылу реабилитации к репрессированным чекистам отнесли и Мартона – начальника Нарымского НКВД, заложившего из человеческих трупов фундамент «Обнажённого яра»¹.

Отец Амира, Ахтам Искаков, врач колпашевской больницы, возможно, рад был бежать хоть на край света из нарымско-

¹ Ю. Хардигов. «Кровь моя связует две эпохи». «Наш современник», 1989, № 12, с. 179–189.

го кошмара. ГУЛАГ направил его на работу в новый якутский концлагерь. В 1941 г. Ахтам с семьёй приехал в Кюсюр и был назначен главным врачом Булунского района.

В военное время ребяташки любили играть в партизан и нередко, как положено партизанам, что-нибудь ломали и портили. Нам с Амиром было по 12 лет, но что-то портить мы не собирались. Однажды вечером в весенние каникулы мы с ним прогуливались по безлюдной улице и зашли в школу погреться. Широкий школьный коридор служил залом для собраний, уроков физкультуры и военного дела, а также для беготни на переменах. Лишних предметов в коридоре не было. Только на стене висели изображения вождей: копия картины маслом «Ленин на трибуне» и графический портрет Сталина за рабочим столом. Дежурной по школе не было слышно, истопив печи, она обычно дремала в одной из классных комнат.

Обогревшись, мы остановились у портретов вождей. Молча переглянулись и дальше оба поступили машинально, будто подсознательно. Не знаю, было ли в этом «подсознании» у обоих что-нибудь из предыдущего жизненного опыта. Но поведение было одинаково. И, кажется, что-то направляло наши действия, они и сейчас мне представляются почти сознательными.

Я впервые внимательно рассмотрел родного и любимого. Он чуть усмехался в усы и следил за мной добрым взглядом. Я нашарил в кармане огрызок карандаша и написал на белой раме: «Ось тобі дуля». Это украинское пожелание (шиш тебе) встретилось в журнале «Крокодил». Потом в углу рамы увидел дырку в полотне. Ткнул пальцем, и ветхая ткань порвалась вдоль и поперёк, повис треугольный лоскуток. Амир в это время у картины с Лениным с трудом отдирает от рамы нижний край полотна.

Мы вышли на улицу. Никто нас не видел. Только у нашего дома встретились нам завуч Гуляев и его жена Анастасия Эмануиловна, наша учительница. Мы поздоровались и прошли мимо. Между прочим, с Гуляевыми, нашими соседями, мать не поладила с первых дней их появления в Кюсюре.

Был слух, что повреждения портретов обнаружила дежурная. Вскоре наша льстивая и хитрая Анастасия сумела выпытать всё у Амира, и он стал избегать встреч со мной. Гуляевы написали

о происшествии в райком партии. Опытный сотрудник ГУЛАГа и член райкома Искаков-старший, конечно, оценил ситуацию и возможные для себя неприятности. Он принял меры, чтобы отвести обвинения от сына. Его поддерживали работники райкома, роно и очень рьяно – Гуляевы. Без лишней огласки появилось дело о надругательстве над портретами вождей, дело почти по 58-й статье УК СССР! Обвиняемым мог быть только я, сын врага народа. Амир и Гуляевы стали свидетелями.

Сразу после каникул на заседании педсовета школы состоялся суд. Вся процедура была спланирована как положено. Выступил кто-то из роно, доложил о происшествии. Заслушали свидетелей. Амир коротко и невнятно что-то произнёс, ответил на пару вопросов, и его отпустили домой. Очень складно и убедительно говорили Гуляевы. Моя вина стала очевидной. Меня попросили рассказать, как было дело. Ошарашенный, я не мог и рта раскрыть перед судьями и всеми учителями. Стоял молча. Тогда стали задавать вопросы, чтобы я признал свою вину. Первых вопросов я не понял или не расслышал, оставил без ответа, но постепенно стал соображать. Вспомнил рассказы заключённых, они советовали всё отрицать, даже если виноват. Вопросы были типа: «Чем ты разрезал портрет товарища Сталина?», «Почему ты это сделал?», «Может быть, это получилось случайно?», «Что ты написал на раме?» Чтобы не запутаться при ответах, я упрямо твердил, перебивая спрашивающих: «Я портретов не трогал». Так же ответил на хитрый вопрос: «Кто для тебя дороже, Ленин и Сталин или Гитлер с Маннергеймом?»

Учителя сидели молча. Мать плотно сжала губы, казалась совершенно спокойной. Судьи были недовольны мной за упрямство, им надоело придумывать новые вопросы и слышать один ответ. Меня прогнали домой. Педсовет постановил исключить меня из школы. На следующий день старшая пионервожатая сказала мне, что я исключён из пионеров.

Дома мать задала мне трёпку. Минут пять она таскала меня за чёлку, приговаривая по-деревенски: «*Mitä sie tiet? Mitä sie tiet?*»¹ Устала, по-русски выругалась, точно как баба Ева, и глу-

¹ Что ты творишь?

боко вздохнула. А ведь помогает оно, веское русское слово, снимает нервное напряжение... Мне было немножко смешно, но до слёз стыдно за себя. Добавил я матери неприятностей, но она об этом никогда не напоминала.

Анастасия принесла мне мой табель, где за поведение стояла жирная двойка. Мать табель порвала и бросила в комнату Гуляевым.

Последнюю четверть я провёл дома. Ничего не стоило перелистать учебники, оценить остатки задач по арифметике. Рылся в школьной библиотеке. Занимался нехитрым домашним хозяйством. Приходилось иногда отбиваться от «противника», однажды от целой группы. Я колол дрова у крыльца, когда первая смена вышла из школы. Кучка пацанов остановилась и стала бросать в меня камни. Были там и мои одноклассники. Я схватил полено и с отчаянным криком бросился на них. Разбежались. Старшие школьники не придавали особого значения истории со мной, а якуты относились ко мне спокойно, как прежде.

Летом 1944-го с каждым караваном вверх по Лене выезжали полярники-варяги. Заметно убыло и население Кюсюра. Уехали Искаковы и Гуляевы, многие другие. Обстановка в школе нормализовалась. Улучшились условия жизни в целом.

Осенью я недоучкой пошёл в пятый класс. Не очень затруднял себя. Чтобы слыть отличником, достаточно было слушать речи преподавателей и самобытные ответы учащихся. Я сидел за партой с Ваней Винокуровым, единственным в классе якутом. С дальнего угла комнаты нам был виден весь класс. Это место выбрал Иван. Он недурно рисовал, за несколько минут набрасывал очень похожие и забавные карандашные портреты учеников и преподавателей. Рисунки разбирали моментально. Этот парнишка помог мне ближе ознакомиться с жизнью и бытом якутов.

Учебный год прошёл как-то незаметно и бесцветно. Мать видела, что я мало работаю, валяю дурака. Видела, что уровень преподавания и требований в Кюсюрской школе низок, и задумалась о переезде в Тикси. Война кончилась, и летом мать получила из НКВД Якутии разрешение на переезд. Вопрос о работе был согласован.

Глава 3

ПОСЛЕВОЕННАЯ «ПЯТИЛЕТКА»

Эта глава должна была содержать обстоятельный рассказ Нийла о злоключениях другой части нашего народа – тех, кто оказался под германской оккупацией. Но в 1998 г. я остался единственным автором и теперь уже сомневаюсь, успею ли закончить работу. Восполнить потерю я не в силах. Далее, после заключительных страниц о якутской ссылке, эта часть истории приводится кратко, лишь в общем виде.

Тикси. Тридцать лет спустя

Попасть в порт Тикси в те годы было непросто. Бухта длиной порядка 70 км, открытая всем ветрам, освобождалась от льда не ранее середины августа. Бывало, лёд держался круглый год. Портового ледокола не было. Караваны Севморпути останавливались на рейде у мыса Муостах и там оставляли грузы, предназначенные для Тикси и Ленского бассейна Якутии.

В начале августа наши пожитки уже были в трёх мешках. Наш длинный караван развернулся и причалил близко к берегу. Лодки не понадобились, спустили трапы. Мы быстро забрались на одну из барж, но экипажи не торопились. Простояли в Кю-

сюре два дня. Мать встретила повариху с парохода, солдатскую вдову лет за тридцать. Разговорились и скоро перешли на «ты». Весёлая тётка рассказала, что нанялась на пароход на один рейс и едет в Тикси: «Там ещё мужики уцелели». Когда узнала, что мать шьёт, обрадовалась: «Соня, перебирайся с сыном на пароход, у меня своя каюта. Я с капитаном договорюсь. Плыть ещё неделю, бухта не открыта. У меня с собой машинка, а шить не умею. Сошьёшь мне платье и ещё что успеешь. Проедете бесплатно, а голодными у меня не будете».

Останавливались у рыбацких посёлков. До Тикси добрались без забот. Караван бросил якоря недалеко от южного берега бухты, ближе к посёлку. Пароход причалил, а мы ждали катера, который отвезёт нас на берег. Начался хороший шторм. Якоря не держали, и ветер отогнал связанные между собой баржи на север, к берегу перешейка, за которым лежит залив Неёлова. Высокие тысячетонки чуть не раздавили нашу баржонку, она дала течь. Пассажиры слегка запаниковали, но катер нас выручил. К вечеру мы с матерью устроились в комнатке на первом этаже большого барака.

Коридорного типа первый этаж был заселён семейными. Конец коридора занимала огромная общая кухня с гигантской плитой посередине. Второй этаж, разделённый на два зала, предназначался для женского и мужского общежитий. При двухсменной работе население барака было в непрерывном движении с утра до ночи. Каждый сантиметр кухонной плиты был вечно занят. Кухня непрерывно гудела разговорами, криками, перебранкой. Тишины не бывало и на втором этаже. Это «веселье», к счастью, длилось недолго. В сентябре матери дали комнату в только что построенном доме.

Основная часть посёлка застраивалась двухэтажными восьмиквартирными бревенчатыми домами. Квартиры двухкомнатные, для двух семей. Отопление центральное, угля сколько угодно: шахта рядом, в посёлке Сого. Западная окраина, получившая название Шанхай, состояла из устаревших юрт. Главными предприятиями были порт и «Тиксистрой», занимавшийся в 1946 г. строительством портовых сооружений и большого аэродрома на северном берегу. В шахте, кроме угля, добывали

богхед¹. После войны было закончено строительство завода по перегонке богхеда, получены первые литры бензина.

В годы войны порт Тикси приобрёл своё стратегическое значение. В 1943 г. наладилась торговля с Канадой и США. Во время короткой полярной навигации, в августе–сентябре, в бухте и на рейде постоянно разгружались американские суда типа «Либерти» с советскими экипажами. Они приходили с Аляски через Берингов пролив.

Связь с «материком» была коротка. Главными праздниками для Тикси были визиты первых судов с моря и Лены. Изредка приземлялись самолёты полярной авиации, особой популярностью пользовался экипаж знаменитого лётчика Ивана Черевичного. В его честь была рифма в частушке: «Открывайте дом публичный, прилетел...» В отличие от Кюсюра, где преобладали не разболтанные цивилизацией якуты, во всех слоях тиксинского общества довлел лозунг «свободы, равенства, братства», то есть характерная для морских портов атмосфера гульбы и либерального разврата. Всё было почти по-семейному, откровенно и привычно. Свободно чувствовали себя заключённые на «пятёрке». Нас, спецпоселенцев, не тревожил райотдел НКВД (с 1946 г. – МВД), его заменял политотдел порта. Постепенно ослабевало гнетущее чувство собственной ущербности. Тикси казался совсем иным, свободным миром.

Тикси не знал ни войны, ни голода. Едва ли там когда-нибудь жилось лучше, чем в страшные годы войны. Через порт шёл поток американских товаров и продуктов, каких советские люди никогда не знали. Карточная система в Тикси, конечно, была, однако нормы выдачи продуктов питания были достаточны, а их разнообразие велико. Изолированный от России заполярный посёлок был в сороковые годы каким-то словно выдуманном островком реального коммунизма.

Работой в школе мать была довольна. А для меня школьные годы в Тикси были самыми лучшими. Умница директор Иван Леонтьевич Красноштан и опытные учителя в двух довольно тесных зданиях отлично организовали работу. Возможно, боль-

¹ Разновидность каменного угля, богатая углеводородами.

шую роль играло то, что большинство преподавателей старших классов составляли мужчины. Кабинеты физики и химии имели приличное оборудование. В зале физкультуры высотой всего в три метра были основные гимнастические снаряды. Библиотека была чисто учебной. Зато при управлении порта была богатая публичная библиотека. Она приобщала к мировой литературе и элементам цивилизации. Во всяком случае, я стал немножко умней.

Среди учителей выделялся талантливый молодой литовский еврей Герман Годович Перльштейн. Он преподавал немецкий и английский языки, при необходимости мог заменить учителей математики и физики, руководил школьной художественной самодеятельностью. Был отличным спортсменом. Только Герман осмеливался переплыть бухту, а температура воды никогда не превышала четырёх градусов. После ссылки он жил в Вильнюсе, прославился как руководитель детского хора, позднее уехал в США.



Группа учителей. В верхнем ряду С. Риехкалайнен и Г. Перльштейн, в центре директор (1946 г.)

Вскоре после войны начались взаимные поиски разрозненных родственников. В 1946 г. в Тикси приехал Подулов (имени не помню), один из немногих финнов-фронтовиков. Он разыскивал свою семью, нашёл только сына в Быковском интернате. В школе Подулов вёл военное дело. Подвыпив, любил показывать свои награды за участие в военных операциях, имел более десяти листков благодарности от имени Верховного Главнокомандующего.

Поиски и встречи наших родных и близких тоже где-то начались, но мы об этом ещё не знали. Летом 1947 г. мы выехали в Якутск, на языке северян – в жилуху.

Многие годы мечталось мне вновь увидеть страну моего военного детства, проплыть по великой реке, на время вернуться в прошлое. В 1975 г. мы с Ириной, моей женой, повторили сибирский маршрут финнов-ингерманландцев. Это был уже современный вариант путешествия. Вместо теплушек – скорый поезд. В Иркутске навестили моего тиксинского одноклассника Анвара Кашаева, доктора физико-математических наук. Съездили на Байкал, миновав посёлок Тальцы. На ракете за десять часов пробежали пятьсот километров безобразия Братского моря (Ангара не было). Сфотографировались у плотины Братской ГЭС. На поезде доехали до Усть-Кута. Как раз успели на теплоход «Хабаровск», совершавший за неделю рейс до Тикси и обратно. Засняли на плёнку все чудеса Лены, включая Пьяного Быка. Во время дневной стоянки в Якутске осмотрели знакомые мне места: школу № 9, дом № 2 на улице Сергеляхской, спрятанный за зданием университета. В МВД получили пропуск в Булунский район, который превращён в погранзону. Вечером вернулись на «Хабаровск» и продолжили путь по Лене. Сошли на берег в Кюсюре, чтобы провести там неделю до следующего рейса.

Нас встретил участковый милиционер, представился: Тутушев Николай Сампарович. Проверил наши документы и, несмотря на поздний час, нашёл для нас свободное жильё. Посоветовал утром сходить в поссовет, зарегистрироваться о прибытии, а вечером зайти к нему в гости. По национальности алтаец, он владел якутским языком.

Днём мы обошли и разглядели берег Лены. Старого Кюсюра не было. Каким-то чудом сохранились наш учительский дом в восемь комнатшек, магазин и несколько юрт в оленеводческом совхозе. К юртам добавились десятка полтора двухквартирных домов и пять недавно срубленных двухэтажных восьмиквартирных. Эти пять элитных домов имели центральное отопление. Я узнал про школу и клуб: они давно сгорели. Построили новую школу, она тоже сгорела. Третья не понадобилась, потому что не стало школьников. Мы видели двоих мальчишек школьного возраста. Они, слегка пьяные, пытались продать нам потрёпанные торбаса. Капитан уличил ребят в каком-то воровстве и отвёз их с нашим рейсом в Тикси, в райотдел МВД.

Было безлюдно. Оленеводы на всё лето откочевали со стадами на север, где меньше комаров и мошки. Рыбаки работали на левом берегу, там река глубже. Завели в совхозе и новую отрасль, ферму песцов. Рыбных отходов, корма для них было достаточно. Завидев человека, песцы таякали и метались в тесных проволочных клетках, облезлые и злые. Раз в неделю на берегу рядом с фермой садился почтовый самолётик из Тикси. На посадочной площадке прогуливались четыре коровы и одинокая лошадка. В пологом овражке на краю посёлка единственный трактор навсегда погрузился выше гусениц в вечную мерзлоту. В сотне метров от совхоза – кладбище.

Председатель профкома, молодой парень, предложил нам съездить на лодке в Булун. Семь километров моторка прошла за пятнадцать минут. Под крутой горкой берега была причалена небольшая железная баржа. В её трюм, наполовину залитый рассолом, рыбаки погружали разделанную рыбу. Омуль и нельма выглядели заманчиво. Мы не могли отказаться от любезного предложения бригадира взять отборные образцы готовой продукции.

Булун исчез полностью. Над защищённым от непогоды устьем речки Булунки на пригорке стояла неказистая избушка, сооружённая из всяких деревянных предметов. В ней уже много лет жил Иван Кондратьевич Катеринчук, отшельник-робинзон по прозвищу Король Булунский. Он называл себя потомком Санниковых.

Исчезли бесследно почти все рыбацкие селения сороковых годов. Трофимовка появилась на картах Якутии в начале шестидесятых, когда от посёлка не осталось ничего. Безответственные наезжие рыбаки и дикие туристы сожгли всё дотла. На карте 1974 г. обозначены только Кюсюр, Чекуровка, Тит-Ары и Быковский. А спецпоселения и не должны были появляться на картах.

Мы напрасно искали на кладбищах финские могилы. В Булуне, как в старину, стояли только каменные надгробия Трифона Носова и Якова Санникова. В Кюсюре местами сохранились деревянные столбики с дощечками, но надписи стёрлись. Едва ли кто теперь поверит, что в Булунском районе отбывали годы каторги российские финны и другие народы. Этот «Освенцим» позабыт.

Дождались «Хабаровска». В малолюдном Быковском посёлке, где на часок причалили, всё взрослое население хлынуло в судовой ресторан. В говорливой толпе я уловил знакомый



Магазин (1975 г.)

акцент и нашёл единственного на Быковом Мысе финна. Он остался там с душевнобольной дочерью, родной язык забыл, но акцент сохранился. В Тикси приплыли в августовских ночных сумерках. Было видно, что старая часть посёлка почти не изменилась. Слева возвышалась знаковая гора с загадочным названием Лёлькин Пуп. Справа, на вершине Столовой Горы, нависла гигантская антенна локатора: там, за Ледовитым океаном, не дремлет вероятный враг. В полночь мы вылетели рейсом Чокурдах–Тикси–Норильск–Москва.

Сейчас, в декабре 2004 г., записав предыдущие строчки, услышал по радио в сводке погоды: «В Якутске мороз до -50°C , в Тикси -30°C , в посёлке треть домов лишилась отопления». Не понять, что творится, ведь считается серьёзной военной базой.

Странник не забывает родных мест, преступник – своих мест удалённых, меня манила Якутия. Наше путешествие приятно оживило память. Словно вор в законе, я в 1975 г. был на воле, но до старости числился преступником, не подозревая об этом. 12 апреля 1996 г. МВД Республики Саха (Якутия) выдало мне справки о реабилитации и сроках пребывания под надзором с ограничением прав и свобод. Постсоветская власть посчитала, что я «оказался не при чём». Мать реабилитации не дождалась.

Копии моих справок получил Серый дом, который жаловался: «ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области сведениями о высылке в 1942 году семьи Риехкалайнен Софьи Абрамовны, 1906 года рождения, из Ленинградской области не располагает». Что-то не верится, что НКВД, автор репрессий, работал так небрежно. Скорее всего, сведения дополнялись и уточнялись. КГБ СССР получал с мест ссылки все данные, включая адреса проживания оставшихся в живых жертв политических репрессий. Их дети, высланные с родителями или родившиеся в ссылке, тоже подлежали реабилитации и учёту. Теперь «зоркое око» имеет возможность следить за всеми, на всякий случай. Ведь нельзя гарантировать лояльность к властям всех гуртом реабилитированных «недомоченных» и их потомков, в особенности лиц подозрительной национальности, кавказской и прочих.

Немного истории. Репатрианты-изгнанники

География и хронология описываемых событий довольно широки, и нам приходится иногда перемещаться в пространстве и времени. Здесь уместно вернуться в дни войны, чтобы вспомнить обстановку вокруг Ленинграда и важные события.

8 сентября 1941 г. германские войска вышли на южный берег Шлиссельбургской бухты Ладоги и замкнули кольцо блокады. Линия обороны 42-й и 55-й армий Ленинградского фронта шла от Лигова на Пулковские высоты и Колпино к устью реки Ижоры. Отдельным блокадным участком стал Ораниенбаумский плацдарм, который обороняли части 8-й армии и артиллерия Кронштадта.

На Карельском перешейке армия Маннергейма к 23 сентября остановилась на государственной границе 1939 г., перед мощной линией обороны 23-й армии Ленинградского фронта. Более двух лет, до июня 1944 г., обстановка здесь оставалась стабильной, противники ограничивались перестрелками. Генерал Маннергейм в молодости присягал Александру III и Николаю II и не позволил сделать ни одного выстрела по столице своих государей.

Прорыв блокады в январе 1943 г. был предвестником жесточайших боёв. Летом германское командование приказало вывезти ингерманландских финнов из оккупированных районов в Финляндию. 14 января 1944 г. началось наступление Ленинградского и Волховского фронтов, 24 января Ленинград был освобождён от блокады. К началу марта немцы отступили на свой оборонительный рубеж, проходивший по линии Нарва – Псков – Остров.

С 1 марта представитель правительств Финляндии и СССР Юхо Паасикиви и Александра Коллонтай вели в Стокгольме переговоры об условиях перемирия. 17 марта президент Рюти отказался принять советские условия. 13 мая правительства СССР, США и Англии предложили правительству Финляндии прекратить войну на стороне Германии. Ответа не последовало. 9 июня И. Сталин пишет У. Черчиллю: «Подготовка летнего наступления советских войск заканчивается. Завтра, 10 июня,

открывается первый тур нашего наступления на Ленинградском фронте»¹. 20 июня советские войска заняли Выборг. Во втором туре войска Карельского фронта 28 июня освободили Петрозаводск. Только на севере Ладоги бои затянулись.

4 августа сенат Финляндии принял отставку Рюти и утвердил президентом страны семидесятисемилетнего Карла Густава Маннергейма. 29 августа Ставка Советского Верховного Главнокомандования приказала войскам Карельского фронта прекратить наступление и перейти к обороне. В начале сентября Финляндия обратилась к СССР, США и Англии с предложением заключить перемирие. Соглашение о перемирии было подписано 19 сентября. В январе 1945 г. Финляндия объявила войну Германии. «Сепаратный мирный договор с Финляндией в 1944 году... удалось заключить при посредничестве шведской семьи Валленбергов»².

Бывший президент Финляндии Рюти в 1946 г. был осуждён как военный преступник, приговорён к тюремному заключению, через три года освобождён. Маннергейм в 1946 г. вышел в отставку, сославшись на слабое здоровье. Однако более вероятной причиной отставки было нежелание участвовать в работе над «Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» между СССР и Финляндией, который предусматривал, в частности, ввод советских войск в Финляндию в случае агрессии против неё или через её территорию. В 1948 г. договор подписал на десять лет президент Паасикиви (1870–1956). Договор продлевался трижды, последний раз на двадцать лет, до 2003 г. Этот документ жёстко связывал Финляндию с большевистским режимом.

Характер советско-финляндских взаимоотношений полезно иметь в виду, поскольку они так или иначе сказывались на судьбе российских финнов. При этом ещё важнее иметь представление о характерах и делах советских вождей, в чьих руках

¹ Переписка Сталина с президентами США и премьерами Великобритании в 1941–1945 годы, т. 1. Москва, 1957 г.

² П. Судоплатов. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–50 годы, Москва, 1997, с. 144.

были судьбы нескольких поколений десятков народов. О наших фюрерах и лидерах написано много противоречивого, и ругани, и похвал. Наиболее достоверными кажутся воспоминания немногих наших старших современников, которые с давних пор видели и знали вождей, работали в контакте с именитыми большевиками. Много малоизвестных сведений о деятельности обитателей Кремля и Лубянки в 1940–1950-х гг. можно найти в книге Павла Судоплатова.

В ближний круг пожилого Сталина входили члены Политбюро А. Жданов, Л. Берия, Г. Маленков и Н. Хрущёв. Каждый из них ожидал смерти вождя, каждый тайно боролся с соперниками. Все средства были в руках этой верхушки – практически неограниченная власть и орудия насилия. Сталину было выгодно держать их возле себя, сталкивать друг с другом.

Лубянка объединяла МВД и МГБ (КГБ), держала «под колпаком» всю страну, наводнила своими агентами весь мир. Опасных врагов внутри страны и за границей выслеживали и похищали (либо ликвидировали на месте) спецподразделения МГБ. Отдельные службы прослушивали телефоны даже членов Политбюро, в 1960–1970-х гг. записывались все разговоры членов ЦК. Внутренняя тюрьма Лубянки служила фабрикой допросов, пыток, казней. Особым подразделением была токсикологическая лаборатория, подчинявшаяся только министру и его первому заместителю. Лабораторию, названную в 1921 г. специальным кабинетом, организовал аптекарь Г. Ягода, член президиума ВЧК. Позднее лабораторией руководили профессора-токсикологи Казаков (расстрелян в 1938 г.) и Майрановский (арестован в 1951 г.). В 1960–1970-х гг. она числилась как Спецлаборатория № 12 Института специальных и новых технологий КГБ. Там создавали, испытывали и применяли на опасных преступниках новейшие препараты, современные высокие технологии умерщвления людей.

Сталин хорошо знал и побаивался коварного Берия, но ценил его за выдающиеся организаторские способности. Поэтому в 1944 г. вождь назначил Берия руководить всеми работами по созданию атомной, а позднее и водородной бомбы, причём вся агентура МГБ была в его руках. Кстати, за заслуги по укрепле-

нию обороны страны Сталин присвоил академику Курчатову и Берии звания «Почётный гражданин СССР». В мирное время, в конце 1945 г., началась почти явная борьба за власть. В декабре Берия был освобождён от НКВД, кроме того, на его должность куратора МГБ Политбюро назначило Маленкова. Казалось, что укрепились позиции Жданова и его ленинградских выдвиженцев. В 1946 г. секретарём ЦК стал А. Кузнецов (1905–1950), на его место в Ленинграде рекомендован П. Попков (1903–1950). На одном из заседаний Политбюро с руководства МГБ снят Меркулов, человек Берии. Сталин предложил заменить его Абакумовым. Берия и Молотов промолчали. Жданов горячо поддержал. Вместо Маленкова куратором МГБ стал А. Кузнецов. Сталин перемешал все карты игроков, и это определило дальнейшие события.

Осенью 1948 г. неожиданно и скоропостижно скончался Жданов, и, как по заказу, уже в феврале 1949 г. начались массовые аресты ждановцев (Ленинградское дело 1949–1952)¹. Параллельно чистились партийный аппарат и МВД–МГБ. Чисткой руководил Маленков. С 1951 г. Берия был у Сталина в опале в связи с Мегрельским делом. В 1949–1953 гг. в Ленинграде правил Андрианов (исчез без вести), как будто человек Маленкова.

Один только Хрущёв оказался не у дел, но его час ещё не настал. Слишком сильны были соперники, да и вождь видел в нём шута. Была ещё одна загвоздка. В 1943 г. без вести пропал лётчик Леонид Хрущёв, сын Никиты Сергеевича. НКВД и СМЕРШ провели розыск и захват Леонида, обвинённого в службе у немцев. Военный трибунал приговорил его к расстрелу. На апелляцию папы вождь только руки развёл: так решил суд. Казнь состоялась. Однако Сталин распорядился считать Леонида погибшим в бою, так нужно было для политической карьеры отца. В 1953–1954 гг. из дела о розыске и суде было изъято много страниц. А в июне 1956 г. хитрый Никита по-своему отплатил за смерть сына – разоблачил культ покойного вождя.

¹ В 1961 г. Хрущёв объявил, что главным организатором Ленинградского дела был Маленков. Позднее пресса обвиняла в арестах и расстрелах «банду Маленкова, Берии, Абакумова».

Верхушка советской власти, Политбюро ЦК ВКП(б) – КПСС напоминало колорадских жуков в банке с водой. Каждый лезет наверх и какое-то время держится на плаву, на головах своего ближнего окружения. Драка непрерывная, желающих попасть наверх сколько угодно. В это смутное время незаметно пролез в ЦК молодой Ю. Андропов. Напрашивается простой вывод: едва ли народы СССР могли ожидать от советских правителей человеческого к себе отношения.

Вернёмся к дереву Абрама и Евы, к нашим родным, с которыми мать рассталась в сентябре 1941 года... Дядя Ваня развернул телегу от Стрельны и поздно вечером по разбитой мостовой они добрались до родных мест. Их было семеро Ханнолайненов и с ними наш Нийло. А Веллингонта не было, деревня была сожжена дотла. Ни одного дома. Дымились остатки брёвен, торчали закопчённые трубы русских печей. Уцелели только две шеренги бань по концам огородов. Аккуратность и стройность пожара подтверждали слова дяди Вани, что деревню подожгли. Вдоль пологого холма, на котором ещё вчера стояла деревня, за огородами появились новые окопы. Там остановилась рота немцев, они обустроивались капитально.

Позднее, немного привыкнув к присутствию оккупантов, наши поинтересовались, кто это мог сжечь деревню. Интендант в чине унтер-офицера немного говорил по-русски, а Нийло имел два класса уроков немецкого. О пожаре немец сказал, что деревни при отступлении сжигают сами русские по приказу еврейских политруков. Дядя Ваня по-фински предупредил Нийла, что это враньё, но спорить с немцами не стоит. Поверить было невозможно, но... «Страшен был 1941 год! Но вдвойне кажется он страшнее, когда узнаёшь, что Сталин повелел при отступлении выжигать всё, что доступно огню... Немцы – оккупанты, да, они сжигали наши деревни, чтобы наказать жителей за сокрытие партизан. Но Сталин приказал своим сжигать жилища своих же: «За отважные действия по уничтожению населённых пунктов представлять к правительственным наградам»... Кого награждать? – Поджигателей с факелами. Нашёлся ли хоть один, который бы сказал ему: «Товарищ Сталин, зима ведь на носу, оставляем деревни со стариками, женщинами, детьми...

куда ж они денутся? Погибало всё в огне – дома, хлевы для скота, сады»¹.

Почти два года жили в бане. При обстрелах отсиживались в землянке. Питались тем, что выросло на огороде. Немцы не зверствовали, но взрослых мужчин и подростков заставляли работать. Женщины были свободны от работ. Нарушителям инструкции полагался карцер и бесплатная работа. Основным занятием была заготовка дров, их требовалось много и круглый год. Кругом были оборонительные сооружения и минные поля. Для всякого передвижения вне пределов жилой зоны полагался особый пропуск. Жителей Веллингонта вернулось немного. Ребятишкам было тяжелее всего, без друзей, без леса и речки. Ни игр, ни прогулок. До линии фронта каких-то десять вёрст.

Из разговоров взрослых Нийло слышал про историю одного мальчишки лет двенадцати. Он жил у тётки в деревне возле Ропши. Отец его был расстрелян до войны, мать куда-то сослана. Смышлёный парнишка понравился молодому немецкому офицеру. Уезжая в начале 1943-го в отпуск в Германию, он взял мальчика с собой «на экскурсию», а летом отправил в Финляндию вместе с родственниками. Это не случайный пример снисходительности германских оккупантов. Далекое не все фрицы и гансы были «по природе своей зверями», какими их рисовала советская пропаганда. Жители Псковской области три года были «под немцем». В 1990-х, во времена демократического грабежа России, мне не раз приходилось слышать от псковских крестьянок: при немцах мы жили лучше, чем теперь.

Путь в Финляндию проходил через Эстонию. Возле Таллина находился карантинный лагерь, где переселенцев выдерживали необходимый срок. За лето через карантин прошли около 70 тысяч финнов-ингерманландцев. Отдельными партиями их переправляли через залив. Среди них были и потомки деда Андрея. Пётр Андреевич Риехкалайнен был расстрелян немцами 17 февраля 1942 г. Его семья распалась. Айно и Эйно ушли от мачехи, у которой осталась дочь Хельми. Пятнадцатилетнего

⁵⁵ В. Пикуль. Наш современник, 1991, № 4, с. 117–118.

Эйно взяли из карантинного лагеря и усыновили эстонцы супруги Таммемяе.

Финляндии не нужны были лишние рты, но требовались рабочие руки. Финны-ингерманландцы, преимущественно крестьяне, были расселены в сельской местности, по хуторам. Дядя Ваня и его бригада в семь пар рабочих рук оказались на севере, в районе Рованиеми, в большом хозяйстве состоятельного крестьянина, по советским меркам – кулака. Работа нашлась даже для семилетнего Юрия. Трудились на эксплуататора, но по привычке – на совесть. И кулак был не без совести, батраки не обижались.

Условия перемирия включали репатриацию всех граждан СССР. Вскоре после 19 сентября 1944 г. в Финляндии появились многочисленные советские комиссии, возглавляемые членами лубянского Красного Креста. Комиссары разъезжали по стране, уточняли списки финнов-ингерманландцев, полученные от местных властей. В списках оказалось около 60 тысяч человек. Недостающих не нашли.

Хозяин уговаривал дядю Ваню на время спрятаться и остаться у него. Баба Ева отказалась наотрез, она мечтала вернуться на родину, где были её Катя, Соня и Эльза. В январе погрузились в товарный вагон вместе с коровой, которую хозяин подарил своим работникам. Радовалась бабка, все радовались, планировали: «Через два – три дня будем в Веллингонте, а там и весна скоро. За лето поставим дом лучше прежнего...» Однако проехали мимо Ленинграда, дальше пошли незнакомые места. Через неделю выгрузили их на станции Бурмакино, в сорока километрах от Ярославля. Поселили и трудоустроили в колхозе. Батраки думали, что это временно. Не верилось, что родная советская власть обманула, хотя предупреждал об этом хозяин. Никогда не болела баба Ева, но тут сникла, совсем пала духом. За полгода высохла, слегла. Говорили – рак. Не стало у бабки родины, не увидела она своих дочерей. Похоронили её в чужой земле.

Ход событий определялся свыше. В верхах заранее было решено выслать репатриантов на поселение в сельские районы Новгородской, Калининской, Ярославской и других областей. Местные власти не были в восторге, это создавало лишние за-

боты, и они разрешали финнам выезжать куда угодно. Но очень скоро Председатель Совнаркома РСФСР А. Косыгин получил из НКВД СССР Постановление № 1/14776 от 23 июля 1945 г., в котором говорилось: «Из писем трудящихся, переживших немецкую оккупацию в районах Ленинградской области, видно, что проживавшие там ингерманландцы активно помогали немцам в чинимых ими зверствах над русским населением этих районов. При наступлении Красной Армии многие ингерманландцы добровольно выехали в Финляндию. В связи с изложенным НКВД СССР считает нецелесообразным разрешить переезд ингерманландцев из областей, куда они выселены, в Ленинградскую область и Прибалтийские республики, за исключением семей военнослужащих – участников Отечественной войны».

Это постановление было ответом на предложение Косыгина разрешить такой переезд. Исполнялось оно по-разному. В Ленинградской области оно вступило в силу немедленно, а в Прибалтике – с запозданием. Многие финны приехали в Эстонию и спокойно жили и работали до весны 1948 г.

Лживые измышления НКВД о якобы предательских и преступных действиях финнов-ингерманландцев не достойны опровержений. Никогда не бывали предателями крестьяне, ни русские, ни финские. Предатели и враги народов были в Кремле и на Лубянке, о чём говорят их собственные документы. Вот два «совершенно секретных» примера из книги В. Карпова «Генералиссимус».

1. «Дополнительный протокол» к советско-германскому Договору о ненападении, заключённому в Москве 23 августа 1939 г., за неделю до начала Второй мировой. Протокол представляет собой результат обсуждения вопроса о разграничении сфер влияния СССР и Германии в Восточной Европе. «1. В случае территориально-политического переустройства Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. 2. Вопрос о сохранении независимости Польши будет решаться в порядке дружеского согласия. 3. Советский Союз подчёркивает свой интерес к Бессарабии. 4. Стороны сохраняют этот Протокол в строгом секрете».

В. Карпов: «К сожалению, эту политическую авантюру не зачеркнёшь и из истории не выбросишь»¹.

2. «Генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности между Главным Управлением Государственной безопасности НКВД и Главным Управлением безопасности Национал-Социалистической Рабочей Партии Германии ГЕСТАПО... Русский текст остаётся в НКВД, немецкий в ГЕСТАПО. Совершено в Москве 11 ноября 1938 г., в 15 час. 40 мин. Подписи сторон: Начальник Главного Управления Государственной безопасности НКВД СССР – Л. Берия (Комиссар безопасности 1 ранга). Начальник Четвёртого управления (ГЕСТАПО) Главного Управления безопасности НСРП Германии – Г. Мюллер (бригаденфюрер СС)»². В. Карпов приводит лишь заглавие и подписи сторон, оставляя секретным содержание преступной «совместной деятельности».

Летом 1941 г. рабочие и основное оборудование Ижорского завода были эвакуированы в Челябинск. Дядя Миша работал сварщиком, делал танки. Тётя Эльза управляла компрессорами, подавала сжатый воздух клепальщикам брони. В 1945-м они вернулись в Колпино. Местная милиция направила на Койвистойненов пушку постановления НКВД. Ни прописки, ни работы. Дядя Миша пошёл в «штаб революции» Смольный. Его долго гоняли по разным кабинетам, разобрались, разрешили жить и работать в Колпине. В декабре родилась Галя. Голод был отчаянный. Узнали, что в Эстонии жить легче, уволились и поехали в Тарту. Галина Иванова (Койвистойнен) с тех пор живёт там.

А Ленинград и область упорно обороняли от финнов. Постановление Совмина СССР от 7 мая и приказ МВД от 21 мая 1947 г. обязывали милицию на местах в течение двадцати четырёх часов выселять за пределы Ленинградской области всех финнов, вернувшихся после войны в свои дома. 3 июня 1948 г. – новое постановление Совмина о повторном выселении под видом тунеядцев всех лиц, возвратившихся из ссылки.

Весной 1947 г. в Эстонию приехали и наши из Ярославской

¹ Роман-газета № 15, 2003, с. 72–74.

² Роман-газета № 1, 2004, с. 29.

области. В разрушенном и малолюдном Тарту они скоро нашли тётю Эльзу. Через центральное адресное бюро деятельная Герта узнала наш адрес в Якутске. Осенью мы получили от Нийла и тёти Эльзы первые письма со всеми новостями.

Здесь пора вспомнить Павла Сярки, бывшего солдата Народной армии несбывшейся Советской Финляндии. С 1941 г. Павел служил в строительных войсках Красной армии. Он разыскал и привёз в Эстонию своих репатриантов – жену Марию с сыновьями, её родителей и младшую сестру Раю Вайнонен. Рая работала в Тарту, там наш Нийло и познакомился с ней.

Нийло работал на TAV – тартуском алюминиевом заводе. Старый мастер-слесарь Гессельман обучил его искусству тонких ручных работ – изготовлению измерительных инструментов и кокилей, металлических форм для точного и художественного литья. Но работать помешали всемогущие органы. В апреле 1948 г. всем финнам вклеили в паспорт клеймо 38-й статьи. Первый секретарь ЦК КП(б) К-ФССР Г. Куприянов (арестован в 1950 г.) организовал переезд финнов в Карелию. Дядя Ваня воспользовался этим и отвёз семью в Сегежу. А Нийло в мае пошёл увольняться с работы. Гессельман поговорил с директором



Семья Койвистойнен и наш Нийло (1948 г.)

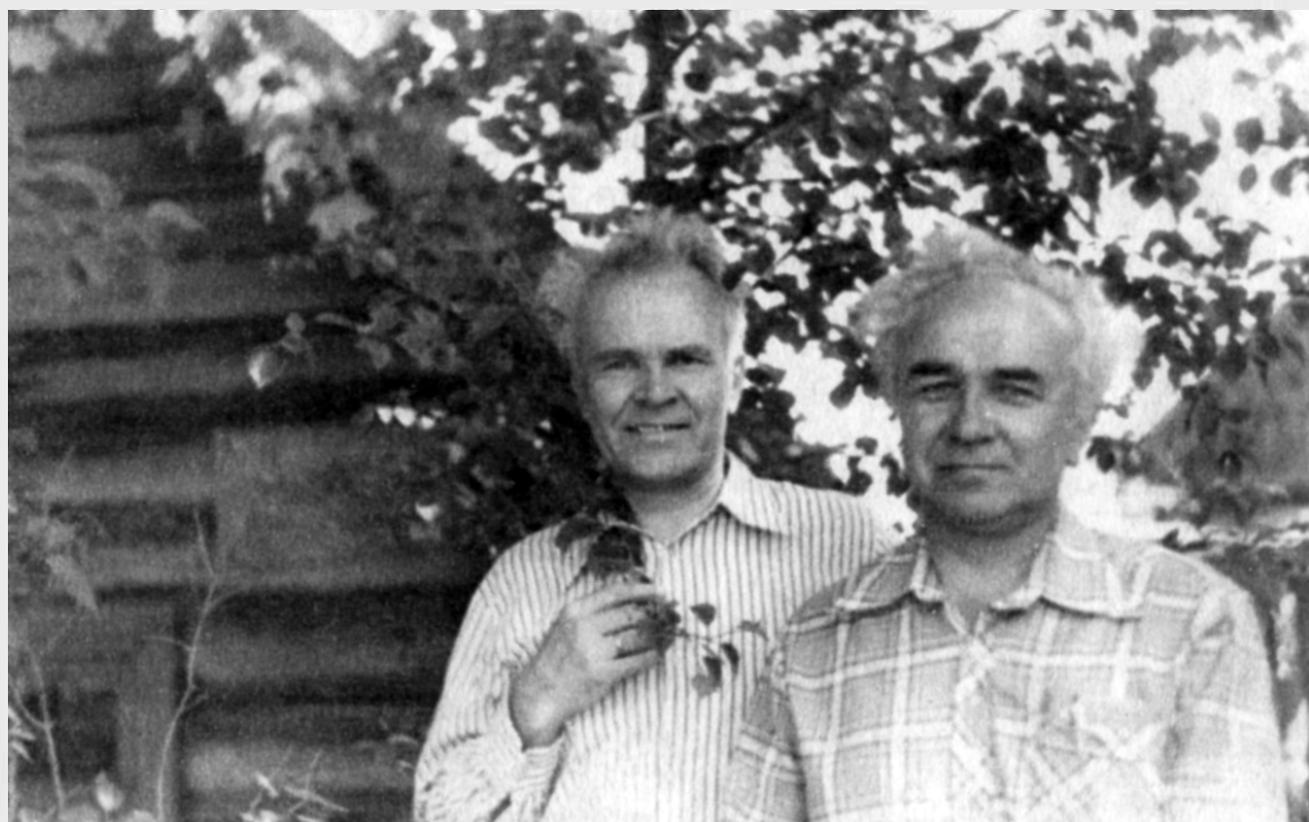
завода, и тот сказал: «Увольнять не будем, пускай куда-нибудь съездит и к осени вернётся». В июне Нийло добрался до Якутска. Десять лет я не видел слёз матери, но тут от радости она поплакала вволю.

Мы провели вместе дней десять, обсуждали, что делать дальше. Мать ещё из Тикси написала в Петрозаводск просьбу о предоставлении ей работы в Карелии. Получила из Министерства Просвещения К-ФСР приглашение, но МВД не позволило выехать из Якутии. Мне предстояло в ближайшее время получить паспорт с клеймом. «Тебе надо удирать отсюда, – решил Нийло. – Поедешь к тёте Эльзе, там получишь чистый паспорт. В твоей метрике национальность не указана. Имей в виду, с этого дня ты становишься русским. Меньше будет разных проблем».

Эта маскировка позже помогла мне поступить в ленинградский вуз, и то лишь благодаря тому, что в 1950 г. МГБ полностью перетряхнуло Серый дом, и абитуриентов проверяли дилетанты. А для первых отделов предприятий наш фокус с пятым пунктом анкеты был ясен.



Нийло, Герта и Рейно (1947 г.)



Братья Риехкалайнен (1980-е гг.)

После декабрьской 1947 г. денежной реформы у матери не было лишних рублей. Кое-как набрали мне на дорогу. Нийло посадил меня на ЛИ-2 военного образца, который летел до Москвы неделю, с семью посадками. Моим гидом в столице был Юра Григорьев, выпускник нашей девятой якутской школы. Он ехал в Ленинград поступать в морское училище. Сходили в мавзолей к Ильичу, прогулялись по улицам, несколько раз предъявляли свои документы бдительным милиционерам. В Ленинграде я не задержался, добрался до Тарту.

Нийло поплыл из Якутска в Тикси, надеялся на северный заработок, чтобы вернуться в Тарту. На разгрузке морских судов платили прилично, но поджимало время. Поговорил с одним судовым механиком. Тот пожаловался: «У меня дизелист уволился, сошёл на берег. Ты с дизелем знаком?» – «Да, я тракторист». – «Ладно. Нам скоро отплывать в Архангельск. Пошли к старпому, оформим тебя в машинное отделение».

В проходной архангельского порта проверка паспортов. «За что тридцать восьмая, за что сидел?» – «За драку, по пьянке». – «Вот тебе билет, сегодня же катись отсюда». А могли и задержать финна за самовольный выезд из Якутии и отправить,



Софья Риехкалайнен (1980-е гг.)

например, в Соловки. В начале октября Нийло приехал в Тарту. В прописке отказали. Директор завода, Герой Советского Союза, человек в Эстонии известный, позвонил начальнику отдела МВД: «Мне Риехкалайнен нужен для нормальной работы литейного цеха. Выдай ему чистый паспорт и пропиши временно». Почему временно, стало ясно следующей весной.

В послевоенной Прибалтике советская власть внедрялась медленно. В Тарту в 1948 г. ощущались некоторые элемен-

ты вольности, не дошёл ещё настоящий советский режим. В пригородах и сельской местности партизанили лесные братья. У берега Эмайыги в аллее стоял бронзовый Калевипоэг, символ независимости Эстонии. Стоял, положив ладони на рукоять меча, обращённый лицом к востоку, к враждебному соседу, как было до 1940 г. Позднее прекрасную статую убрали как антисоветский вызов, она исчезла бесследно.

В марте–апреле 1949-го объединённые силы МВД и КГБ СССР совершили социалистическую революцию. Краснопогонники на быстрых грузовиках-студебеккерах объездили и очистили эстонские хутора и леса. Крепко досталось и университетскому древнему городу. В Тарту не было классических, по Марксу, эксплуататоров. Репрессировали ленинскую «мелкую буржуазию», интеллигенцию, профессуру и преподавателей университета. Не приходили в школу, исчезали знакомые ребята; поспешно уезжали соседи, спасаясь от ареста. Русскоязычные чины МВД–МГБ «приватизировали» профессорские квартиры со старинной обстановкой, богатыми библиотеками, антиквариатом. Лет через двадцать пять я встретил одного обладателя редких книг, сына такого тартуского «приватизатора». Он гордился отцовской коллекцией.

СПРАВКА № 12-Р

о реабилитации

11 мая 1995

гор. Якутск

Рехколайнен Софья Абрамовна

Год и место рождения 1906 г., д. Беллингойт, ^{фамилия имя отчество} Красносельского р-на,
Ленинградской области

Место жительства до применения репрессии совхоз "Дубки", Ораниенбаумского р-на
Ленинградской области

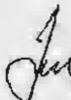
Где, когда и каким органом репрессирован в марте 1942 г. УНКВД Ленинградской обл.

Основание применения и вид репрессии по политическим мотивам и административном порядке Решение Военного Совета Ленинградского фронта № 00713 от 9.11.1942 г.

На основании и «и» ст. 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации
жертв политических репрессий» Рехколайнен Софья Абрамовна

фамилия имя, отчество

реабилитирован (а)

 Министр внутренних дел
Республики Саха (Якутия)



В. С. ФЕДОРОВ

исп. Тертышный В. В.

МВД 91-1060

Справка МВД Якутии реабилитации матери и сына (1995 г.)

Обстановка в Эстонии была неважная. Нийло решил, что лучше уехать, чтобы случайно не оказаться в поле зрения карателей. Дядя Ваня уже целый год жил в Карелии, и организованный переезд – вербовка финнов – продолжался. Нийло и Рая поженились. В июне мы втроём поехали в Петрозаводск, на новую родину, навстречу новой жизни.

20 апреля 1950 г., после ареста Куприянова, в особой папке ЦК КП(б) К-ФССР появился строго секретный документ за подписью Ю. Андропова, запрещающий организованное переселение финнов в Карелию. В том же году финнам, наконец, разрешили выехать из Якутии. В августе наша мать приехала в Петрозаводск. Приказом № 127 Министра Просвещения К-ФССР от 21 августа 1950 г. она была назначена методистом Института усовершенствования учителей по начальным школам, занимающимся на финском языке. Её учебник для младших классов дважды издавался в Карелии. В 1955 г. мать получила от советского правительства компенсацию за все предыдущие годы и невзгоды своей жизни – Орден Трудового Красного Знамени. В следующем году Н. Хрущёв упразднил К-ФССР. Карелия стала называться КАССР. Финские школы исчезли. В 1958 г. мать ушла на пенсию.

Немногим финнам удалось вернуться на родину. Тётя Катя несколько лет судилась за право поселиться в своём доме. Марта Андреенко (Муосолайнен) до сих пор не хочет расстаться с родной деревней.

ОБ АВТОРЕ И ЕГО СЕМЬЕ

Юрьё Риехкалайнен – Георгий Иванович Рехколайнен (по паспорту) родился в 1932 г. д. Вииттолово Пушкинского района Ленинградской области. В 1940 г. пошёл в первый класс в д. Войскорово Тосненского района. В 1941 г. вместе с матерью оказался в блокаде под Ораниенбаумом. 26 марта 1942 г. они были вывезены на спецпоселение в Якутию. В 1949 г. переехал в Петрозаводск. Окончил среднюю школу № 9 с золотой медалью в 1950 г. и поступил в Ленинградский горный институт. Окончил его в 1955 г. по специальности горный инженер-геофизик. Работал в горных экспедициях, на предприятиях и в организациях Министерства геологии, на Иртышском химико-металлургическом заводе, в Карельском филиале Академии наук СССР, кандидат технических наук.

В последние годы жил в г. Семёнове Нижегородской области. Умер в 2007 г.

Родители – учителя, в 1925 г. окончили Гатчинский (Троцкий) финский педагогический техникум. Отец Риехкалайнен Иван Андреевич (1898–1937), в 1935 г. окончил пединститут им. Герцена, отделение национальных меньшинств, расстрелян, реабилитирован в 1957 г.

Мать Риехкалайнен Софья Абрамовна (1916–1992), учи-

тельница начальных классов. В 1938 г. её с сыновьями Нийлом (Нилом) и Юрьё (Георгием) как семью врага народа выслали за 101-й км от границы и регулярно переводили с одного места на другое: Поги, Андрианово, Войскорово (1938–1941).

В Якутии Софья Абрамовна работала учителем начальных классов и преподавателем русского языка в национальных школах. Ещё из Тикси она написала в Петрозаводск письмо с просьбой предоставить ей работу в Карелии. И хотя получила положительный ответ, выезд финнов из Якутии разрешили только в 1950 г.

В 1950 г. переехала в Петрозаводск, поселилась у Нила на ул. Кооперативной. Приказом министра просвещения КФСР от 21 августа 1950 г. назначена методистом Института усовершенствования учителей по начальным классам, занимающимся на финском языке. Она написала учебник для младших классов, который дважды издавался в Карелии. В 1955 г. была награждена Орденом трудового Красного знамени. В 1958 г. вышла на пенсию, но занималась переизданием учебника.

Последний год жизни провела в родных местах в Гатчине, где и похоронена.

Брат Риехкалайнен Нил Иванович (1927–1998) родился в д. Лемболово Куйвозовского района Ленинградской области. В 1936 г. пошёл в школу в Кузьмолове. В 1941 г. оказался в оккупации в д. Веллингонт и был вывезен вместе с родными в Финляндию. 1944 г. – репатриация. Мимо родных мест их провезли в Ярославскую область. Там работал в колхозе трактористом в п. Бурмаково.

В 1947 г. переехал в Эстонию, в г. Тарту, работал слесарем. В 1949 г. Нил с женой Раей и Георгием поехали в Петрозаводск. Жили, вернее, ночевали на верхнем этаже строящегося здания университета, а утром с пожитками уходили на работу. Нил работал слесарем, учился в вечерней школе. Жильё получили на ул. Кооперативной.

В 1958 г. Нил окончил с красным дипломом лесоинженерный факультет университета. В 1958 –1968 гг. работал в Карельском НИИ лесной промышленности главным инженером. В 1969–

1977 г. работал на «Тяжбуммаше» заместителем директора по научной работе. Высококвалифицированный специалист. Его ежегодно в конце года вызывали в Москву писать отчёт по отрасли для А. Н. Косыгина. С 1977 г. работал заведующим отделом в ЦНИИБуммаш в г. Ленинграде.

Последние годы с 1977 г. жил в Гатчине, похоронен в Кузьмолово.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ ИНГЕРМАНЛАНДИИ	10
Глава 1. ОТ ДРЕВНОСТИ ДО XX В.	10
Древние времена Финны. Угры. Славяне. Новгород	10
Семь веков Рюриковичей. Крестовые походы, войны, грабежи. Смутное время	13
Православие и лютеранство	20
XVIII век. Пётр Великий	23
Северная война, реформы. Екатерина II. Павел I	23
Александр I. Финляндия и Россия. Александр II	28
Корни большевизма. Декабристы, народовольцы, Ленин	30
Глава 2. ВЕК БОЛЬШЕВИКОВ	34
Октябрьский переворот	34
Большевики и крестьяне. О мировой революции	37
Большевистская гильотина	41
Культ вождя и насилия. Наследники	45
Репрессированные народы. О реабилитации	51
ЧАСТЬ II. СУДЬБА ИНГЕРМАНЛАНДИИ	59
Глава 1. ОТ ПЕРВОЙ ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ	59
Веллингонт и Вииттолово	60

О народном просвещении. Молодые учителя	69
От романтики к реальности. Начало разгрома	78
Арест. Дело Ивана Риехкалайнена	85
Высылки. Накануне Второй мировой	95
Глава 2. ВТОРАЯ МИРОВАЯ. СИБИРЬ	101
Зимняя война	102
Лето 41-го. Рамбовская зима	105
Рамбов – Иркутск. Дорога смерти	111
Якутия. К Ледовитому океану	117
Лагеря на краю земли. Первая зимовка	125
Кюсюр	132
Глава 3. ПОСЛЕВОЕННАЯ «ПЯТИЛЕТКА»	146
Тикси. Тридцать лет спустя	146
Немного истории. Репатрианты-изгнанники	154
Об авторе и его семье	170

Литературно-художественное издание

Юрьё Риехкалайнен
(Георгий Иванович Рехколайнен)

Ингерманландские финны
ИСТОРИЯ И СУДЬБА

Фотографии предоставлены дочерью автора
Мариной Георгиевной Алексеевой

Корректор *Е. А. Барбашина*
Компьютерная вёрстка *О. В. Макарова*

Подписано в печать 25.09.2009. Формат 60x84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 1000 экз. Заказ 1233.

ГУП РК «Издательство «Периодика»,
185610, Петрозаводск, ул. Германа Титова, 3.
E-mail: periodika@sampo.ru <http://www.rkperiodika.ru>
Отпечатано в ОАО «Республиканская типография
им. П. Ф. Анохина», 185005, Петрозаводск, ул. Правды, 4.

Риехкалайнен, Ю.

Р 49 Ингерманландские финны. История и судьба / Ю. Риехкалайнен. - Петрозаводск : Периодика, 2009. - 176 с. : ил.

ISBN 978-5-88170-191-8

Автор книги рассуждает об историческом периоде от царей до советского времени, о репрессиях, которым подверглись целые народы, в том числе и финны-ингерманландцы.

Тяжёлая судьба и испытания, выпавшие на долю ингерманландских финнов в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время, описаны на примере семьи автора, его родных и близких.

В книге использованы копии документов и фотографии из семейного архива.

УДК 394/395
ББК 63.521(=661)

Дорога смерти финнов-ингерманландцев

«Среди блокадников особое место занимают финны-ингерманландцы, признанные «преступным народом» и вывезенные из Ленинграда на берег Северного Ледовитого океана. В их числе и мой муж, автор этой книги. Я побывала в 1975 г. в тех местах и видела на финском кладбище белые кости, вымытые из верхнего слоя земли в условиях вечной мерзлоты, и теперь несу, пропустив через своё сердце, эту боль по жизни.

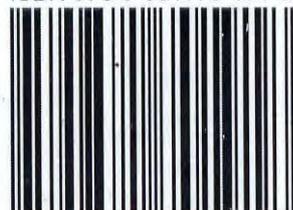
Вот что вспоминал мой муж:

«21 августа 1941 года появился приказ командующего войсками Ленинградского фронта генерала М. М. Панова о высылке из Ленинграда и области немцев и финнов. Но выслать не успели. Ленинград с Всеволожским районом и Ораниенбаум, там находилась мать и я, оказались в блокаде. В зоне блокады осталось около пятидесяти тысяч финнов, под германской оккупацией (там у бабушки находился Нийло) – порядка семи-десяти тысяч. 9 марта 1942 г. вышло постановление № 00713 Военного совета «О выселении из Ленинграда социально опасного элемента».

Утром 26 марта началась срочная эвакуация. Кузовы грузовиков были набиты людьми с мешками...»

Ирина Петровна Смирнова

ISBN 978-5-881170-191-8



9 785881 701918

10001062

€

8.00